

НАГРАДА КОРОЛЕВЫ МАРГО

ПРОЛОГ

Эта женщина вымотала всю душу. Она и сейчас продолжала мотать ее, брызгая своими синими глазами. Синие глаза — это бешено красиво, но это и первый признак бешенства. Все синеглазые — жуткие эгоисты, но особенно те, у кого глаза темно-синего оттенка. Таких вообще следует обходить стороной. Чем темнее омут, тем больше в нем чертей. Дмитрий всю жизнь об этом помнил, но ничего не мог с собой поделать.

— Ты что, боишься? — усмехнулась она, и ее глаза презрительно помутились.

— Я ничего не боюсь, — нахмурился Дмитрий, отметив, что для него самое страшное — снискать презрение этой женщины. — Я не врубаюсь в смысл. Объясни, зачем? Зачем убивать? Неужели нельзя просто уйти?

Она хитро прищурилась и потянулась к сигарете.

— Я не могу просто уйти от него. Быть в объятиях чужого мужчины и знать, что где-то поблизости муж — извини, это выше моих сил. Мне всегда будет казаться, что он за мной подглядывает в замочную скважину.

— Что за ерунда? Ты же уходила от первого мужа.

— Это был не муж? Это было недоразумение, — раздраженно отмахнулась она. — И второе: я не хочу, чтобы мой нынешний избранник носил на себе плевки моих прежних сожителей. Прости, Диман, но прежде, чем претендовать на меня, ты должен рассчитаться за все унижения, которые нанес тебе Олег.

Марго элегантно щелкнула зажигалкой и поднесла ее к сигарете. Выпустив дым, она вопросительно сверкнула гла-

зами и с насмешливым лукавством произнесла:

— Ну, так как? Ты хочешь получить мое тело?

Дмитрий сразу рванулся к ней, но она остановила его одним движением руки.

— Терпение, мой друг. Так хочешь или нет?

Еще бы не хотеть. Дмитрий о ее теле мечтал с шестого класса, с той самой минуты, когда на уроке географии в класс ввели новенькую. Все повернули головы на вошедшую девочку, и Дима сразу увидел в ней ту самую гордую прелесть осанки, которая бывает у испанок. Таких в школе еще не было.

— Представься, — сказала учительница.

— Марина Маргулина. Можете звать меня просто Марго. Мой род исходит от французской королевы Маргариты де Валуа.

Все громко рассмеялись, а географичка снисходительно улыбнулась:

— Садись, Королева Марго, на свободное место. А мы продолжим урок...

Девочка гордо проследовала на указанную парту, и Дима сразу отметил и ее грациозную походку, и тонкий стан, и озорно вздернутую попку, и уже довольно приличную для ее возраста грудь. Когда она села за стол, то неожиданно повернула голову и встретилась глазами с Димой. В тот миг она и пронзила его сердце своим колдовским взглядом и, как потом оказалось, на всю жизнь. Но самым прискорбным было то, что не один Колесников заметил младые прелести этой феи. На перемене к нему подошел его дружище Женя Трубников и, подмигнув, хихикнул:

— А крутая у новенькой попка! Скажи?

Тогда Колесников не поддержал шаловливого тона друга, потому что ему было не до шуток. И вот теперь, семнадцать лет спустя, она сидела в кресле под фиолетовым торшером в его холостяцкой квартире и предлагала собственное тело за убийство мужа. Именно тело, а не себя саму. «Как она точно выражается», — удивился про себя Дмитрий, понимая, что ее саму не заполучить никогда. Но быть рядом с ее телом, а тем более обладать им, было вершиной его идиотских мечтаний.

— Хорошо. После того, как я его убью, ты выйдешь за меня замуж?

Она смерила его насмешливым взглядом и произнесла:

— Ты всегда так торгуешься? Честно говоря, я не люблю

мужчин, которые торгуются. Еще я не люблю мужчин, которые слишком много задают вопросов. Торговаться и пусто-словить — привилегия слабого пола, но никак не сильного. Мужчина для меня тот, кто делает, не задавая лишних вопросов.

Она вдавила сигарету в пепельницу с твердым намерением встать и уйти. Дмитрий почувствовал это и изменился в лице.

— Нет-нет! Ты меня не так поняла. Я исполню, как ты скажешь. Но только один вопрос: чего он сделал? За что ты его хочешь отправить на тот свет?

Она пронзила его таким взглядом, что Дмитрий попятился.

— Хорошо. Не хочешь, не говори. Тогда объясни, где, когда и чем я должен убить твоего Олега?

— Вот это уже мужской разговор, — произнесла деловито гостья и закинула ногу на ногу. — Завтра он пойдет на скачки...

— Твой муж ходит на скачки?

— Мой муж не ходит на скачки. Но завтра мы с ним вместе отправимся на ипподром, который находится на Соколе. Ты должен припарковаться рядом с нашей машиной. После скачек мы поедем за город в ярославском направлении на турбазу «Старая мельница». Ты последуешь за нами. Недалеко от турбазы, на повороте, где кончается асфальт и начинается грунтовая дорога, мы остановимся. Я уйду, а муж останется копаться в моторе. В этом месте нет ни единой души. Можешь, не опасаться. Ты должен подъехать и, не привлекая внимания, встать метрах в десяти от нашей машины. После чего незаметно подойдешь со спины и выстрелишь ему в висок, но так, чтобы ни одна капля крови не упала на мотор. Потом его труп ты быстро втащишь в свою машину и увезешь.

— Куда?

— Куда хочешь. Но чтобы его больше не нашли?

— Но где я возьму пистолет?

— Там, где берут все: купишь на черном рынке! Тебе денег дать?

Дмитрий отрицательно покачал головой, а женщина поднялась с кресла и направилась к выходу. У двери хозяин страстно схватил ее за руку и потянул к себе. Она взглянула в глаза и улыбнулась.

— Все будет. Но сначала дело...

По соннику царя Соломона, если бьешь во сне жену, значит она изменяет. Трубников бил свою жену каждую ночь. Он хлестал ее по щекам, по губам, по глазам; бил кулаком по носу и в подбородок, иногда пинал ногами в живот, и ничего с ней не случалось. После этой процедуры на ее белом теле не оставалось ни единого синяка. Жена нисколько не обижалась и переносила побои с какой-то покорной насмешкой, а Трубникову каждый раз после этого становилось плохо. Поводом для расправы было то, что она приходила домой далеко за полночь. Теоретически в этом не было криминала, но когда муж интересовался, где до такого часа прохлаждалась его единственная и неповторимая, она вместо ответа лукаво улыбалась и жеманно отводила глаза.

Каждое утро Трубников просыпался в дурном настроении и с надерганными нервами. «Ну, заклинило! Больше нечего показать? Придумали бы что-нибудь пооригинальнее! Скоты!»

К кому относилась последняя филиппика, бедняга сам не понимал. Возможно, она было лишено смысла. Ведь Трубников знал, что сны это далеко не кинематограф. Он хорошо помнил Лермонтовскую строчку: «Летают сны-мучители над грешными людьми...», а значит, догадывался, что сны не могут быть одушевленными и даже не могут быть чьим-то произволом. «Скорее всего, они действительно связаны с грехами», — вздыхал про себя Трубников. А ведь он грешен. Этого не отнимешь. Вот почему они мучители.

Еще Трубников помнил из Лермонтова, что полнее реальность там, где больше человек страдает. Во сне он страдал больше, чем наяву. Точнее сказать, наяву вообще не страдал.

Трубников всматривался в родные черты своей спящей второй половины, в ее целомудренный румянец на щеках, в пухлые губы, в расплесканные по подушке волосы и думал, что она вообще не способна изменять. Если когда-нибудь Трубников убедится в обратном, то это будет не так мучительно, как во сне.

Из-за этих снов бедняга уже который год не мог выйти из сонного состояния. Он засыпал везде, где только голова находила точку опоры: в пробках, на работе, в театре, дома

перед телевизором. Ну, перед телевизором еще, куда не шло, а когда он засыпал в театре, то это очень нервировала Настю. Первое действие она еще пыталась пробудить у мужа интерес к новоиспеченной пьесе при помощи локтя и щипков за ляжки, но все остальные — супруга делала вид, что этот ключущий носом мужчина не имеет к ней никакого отношения.

А возможно эта сонливость была не из-за снов, а из-за спокойной пресыщенной жизни. Дела в издательстве у Трубникова шли прекрасно: все было накатано, отрегулировано, схвачено. С заказами проблем не было, с налоговой — ни одного конфликта, с бандитами он тоже ладил. Словом, все было сыто, пьяно и шито черным по белому. Даже скучно. «Когда больше к чему стремиться — наступает скука», — подумал Трубников и сообразил, что спит на работе.

Пришлось отлепить от кресла голову и посмотреть на часы. Было уже пятнадцать минут десятого. Ого? Вот это поработал сегодня. Такого с ним еще не было. Сотрудники давно разошлись по домам, только гендиректор все никак не мог оторваться от своего рабочего места. Трубников прислушался. В коридоре громыхало ведро, ревел пылесос и вахтер с уборщицей шутливо перекидывались словами.

— Ну, что, Петровна, останешься со мной дежурить? — шаловливо интересовался вахтер.

— Я тебе останусь вот — тряпкой по башке, — отвечала уборщица. — Да еще Клавдии твоей пожалуюсь.

Вахтер засмеялся.

— Не понимаю тебя: ну придешь сейчас домой — мужика нет, детей нет. Скучно же!

— А мне не надо никакого мужика. У меня был мужик, когда я была богатой. А как только он профукал мои денежки, так и стала не нужна. А у меня было очень много денег. Я могла купить две «Волги».

— Это за ваучер что ли?

— Сам ты ваучер! Какой к бесу ваучер в восьмидесятом году? Я провернула такое дело. Вот сейчас мода продавать детей из детдомов всяким американским миллионерам. А знаешь, кто эту моду учредил? Я!

Вахтер покатился со смеху, а Трубников тяжело поднялся с кресла и подошел к зеркалу. Он был немного опухшим от сна: сонным, угрюмым, слегка обрюзгшим, но в целом еще выглядел вполне молодо, не более чем на свои тридцать два. Что же на душе было так, как будто прожил вечность?

Трубников скользнул расческой по своей светлой шевелюре, похлопал себе по щекам и тряхнул головой. Все! Хватит! Пора просыпаться. Ведь в принципе он еще стройный симпатичный мужчина, метр восемьдесят два ростом, на которого оглядываются еще совсем молоденькие девушки, а он себя так запустил.

Все! Завтра у нас что? Суббота? С завтрашнего дня утренняя пробежка, после нее гантели и бассейн. А в воскресенье — лыжи. И так каждую неделю.

Подмигнув себе в зеркало, Трубников открыл шкаф, чтобы снять с плечиков пальто, но внезапно за спиной раздался телефонный звонок. Пришлось подойти и взять трубку.

— Добрый день! — услышал он женский голос. — Вы Евгений Трубников, генеральный директор издательского дома «Элирна»?

— Совершенно верно, — ответил Трубников, не проявляя особого любопытства.

— Вас беспокоят из службы доверия. Нам только что звонил один мужчина, который собрался покончить жизнь самоубийством. Он сказал, что отчаялся, что совершенно одинок, что все его предали, в том числе и любимая женщина, поэтому жить больше не хочет. Еще он сказал, что за всю жизнь у него был только один друг, но его он предал сам. Друга звали Евгением Трубниковым. К сожалению, звонивший не назвал ни фамилии, ни имени. Его номер наш телефон не определил. Мы попытались его разговорить, чтобы определить номер через телефонную службу, но специалисты успели засечь только первые три цифры. Это девятьсот тридцать пять. Через справку мы узнали, что в Москве семьдесят четыре Трубниковых с именем Евгений. Так что к вам, Евгений Алексеевич, просьба: вспомните, был ли у вас друг, у которого домашний телефон начинался с цифр девятьсот тридцать пять.

— По-моему, нет, — ответил Трубников.

— Вы в этом уверены?

Трубников подумал и нехотя пробормотал:

— Сейчас на вскидку сказать не могу, но если вы подождете, я посмотрю в компьютере.

— Мы подождем. Будем очень признательны.

Трубников включил компьютер, вошел в банк данных, запросил все телефонные номера, которые начинались с девятки, и провел по ним пальцем. После чего снова подошел к телефону.

— У меня с этими цифрами только один номер — магазин радиоэлектроники на Ленинском проспекте.

— Извините! — сказали на том конце провода и положили трубку.

Трубников пожал плечами и снова подошел к шкафу. В коридоре давно смолк пылесос, но шамкающий голос уборщицы продолжал заливать что-то покатывающемуся от сме-ха вахтеру:

— Не поверишь? Они даже не заметили, что он того. И сразу на радостях сунули мне пятнадцать тысяч долларов.

— Врешь, Петровна! Хотя очень складно врешь. Ну, а как они попали в Москву?

— Да очень просто. Приехали на Олимпиаду!

Трубников быстро оделся, положил в кейс негативы и уже почти перешагнул через порог, как снова зазвенел телефон. «Так никогда не уйдешь», — с раздражением подумал он и взял трубку. Однако на этот раз звонила жена.

— Ты все еще на работе?

— Да. Но уже выхожу.

— А почему голос такой недовольный?

— Только что звонили из службы доверия и испортили настроение. Хотя нельзя сказать, что сильно испортили, но остался какой-то нехороший осадок.

И Трубников пересказал жене все, о чем только что говорил с девушкой из службы доверия. Настя к этому звонку отнеслась чрезвычайно серьезно. Немного помолчав, она спросила:

— А ты разве не знаешь, что новый телефон Димки Колесникова начинается с этих цифр?

— Да? — удивился Трубников. — А ты откуда знаешь?

— Мне Людка Зыбина давала его телефон. Мы с ней недавно встречались в кафе. Тебе продиктовать, или с ним ты все?

— Все! — угрюмо ответил Трубников. — Через двадцать минут буду. Пока. — Он уже почти водворил трубку на место, как вдруг снова поднес ее к уху. — Алло! Не бросила еще трубку? Прекрасно! Дай на всякий случай его телефон.

2

Трубников вышел из офиса, сел в автомобиль и завел двигатель. Но душе было настолько скверно, что, казалось,

он никогда не дождется, когда прогреется эта чертовая колымага. На улице мело и завывало. Нужно было выйти из салона и смахнуть со стекол снег, но снаружи было настолько промозгло, что не хотелось шевелиться. К тому же на душе скребли кошки.

Семь лет назад, в ноябре девяносто третьего года Трубников зарекся больше никогда не иметь дело с этим подонком Колесниковым. Все история их дружбы — это чередой подлостей Димана по отношению к нему, его первейшему другу. А первейший друг мог пойти за него в огонь и в воду. И шел.

Трубников зябко сунул руки в карманы и наткнулся на содовый телефон. Пришлось извлечь его наружу и набрать номер, который только что продиктовала жена. По нему долго никто не отвечал, наконец, на том конце оборвались короткие гудки, но ничего не произнесли.

— Алло! — буркнул Трубников, так и не дождавшись голоса хозяина. — Алло! Извините, эта квартира Колесникова?

— Женька! — раздался в трубке Димкин голос. — Это ты? Ушам не верю.

— Привет, Диман! Ты что, болеешь? Голос у тебя какой-то не слабый. Это не ты случайно сейчас звонил в службу доверия?

— Откуда ты знаешь? — вяло изумился Колесников.

— Значит, все-таки ты? Рассказывай, в чем дело!

На том конце долго молчали, затем внезапно раздался всхлип. Трубников дернулся. Чтобы Колесников когда-нибудь плакал, всегда живой, всегда веселый, с кучей невероятных прожектов и авантур в кудрявой башке, такого не было. Расскажи кому, не поверят.

— Диман, ты че? Ты датый что ли?

— Прости меня, Женек! Я подло жил и умираю как собака, в одиночестве. Но, слава Богу, что ты позвонил. Я счастлив, что перед концом мне дали возможность извиниться перед тобой за все мои подлости, которые я совершил... Теперь мне будет не так тяжело уходить.

— Диман, ты че? Ты где так нажрался? И куда ты собрался, на ночь глядя?

Это тоже не лезло ни в какие ворота. Чтобы наглый, напористый и всегда уверенный в себе Колесников извинялся — да ни за что на свете! Ему легче удавиться, чем признать свою вину. Но если говорит, что поддыхает как собака, значит действительно со страшного бодуна.

— Диман, что случилось? Говори, не темни! А иначе сейчас подъеду и начищу пятак.

— Поздно, брат! — судорожно всхлипнул Колесников. — Я уже вскрыл вены... Так хорошо. Все куда-то плывет. А ты со мной базаришь...

— Что? — взревел Трубников. — Ты серьезно вскрыл вены? Без трепа? Идиот! Ты что, обкурился? Говори, обе руки порезал? Не молчи, Диман!

— Не... только одну, — неохотно отозвался Колесников. — Я хотел и другую руку вскрыть, но на левой — перерезал сухожилия. И теперь левая рука не действует...

— Дима, срочно диктуй адрес. Срочно я сказал! Ты меня слышишь.

— Женек, ты меня хочешь спасти? — простонал Колесников и снова заплакал. — Женек, спаси! Один я не выкарабкаюсь.

— Диктуй адрес!

— Я живу на Ленинском проспекте, дом девяносто пять...

Колесников скороговоркой пробормотал номер квартиры и сокрушенно вздохнул.

— Код? Код подъезда, быстро!

— А, код? — невесело рассмеялся Колесников и продиктовал код.

— Теперь вот что сделай: скорее затяни руку чуть ниже локтя любой веревкой, электрическим проводом, шнурком от ботинка — чем угодно, что попадет под руку, и открой входную дверь. Немедленно! Понял?

— Ты, правда, приедешь? Не обманешь?

— Уже еду!

Трубников рванул с места и погнал на полной скорости в сторону Ленинского проспекта, игнорируя светофоры и автоинспекцию. На ходу он позвонил в «скорую помощь» и продиктовал адрес Колесникова. К сообщению реаниматоры отнеслись весьма недоверчиво, долго выспрашивали данные звонившего, источник информации, интересовались, кем звонившей приходится потерпевшему по родственной линии.

— Да ежайте же, черт возьми! — рассвирепел Трубников. — Дорога каждая минута.

Через двадцать минут Евгений уже был на Ленинском проспекте и соображал, с какой стороны лучше всего заехать во двор дома номер девяносто пять. Он повернул налево и не ошибся. Там была арка. «Только бы Колесников не наврал адрес», — последнее, что мелькнуло в голове.

Трубников подъехал к подъезду, выскочил из машины и набрал номер кода. Дверь открылась. «Слава Богу», — облегченно выдохнул Евгений и бегом рванул к лифту. Поднявшись на седьмой этаж и выскочив на площадку, Евгений торкнулся в нужную дверь, но она оказалась запертой. Он позвонил в квартиру, однако никто не ответил. Тогда Трубников нетерпеливо постучал ногами, но и это не возымело эффекта.

«Выбить что ли?» — подумал Евгений, параллельно оценивая фронт работы. Дверь одинарная. Сразу видно, что сюда переехали недавно и еще не успели поставить бронированную дверь. Три удара — и проблема решена. Весь вопрос, та ли эта квартира? Колесников ведь мог и наплести.

Не углубляясь в размышления, Трубников, отошел на три шага и грудью кинулся на дверь. Она жалобно всхлипнула, но не поддалась. Трубников отошел на пять шагов и со звериным хрипом повторил попытку. Плечо хрустнуло, но дверь по-прежнему была глуха к чаяниям гостя. Ничего! Сейчас мы ее ножкой! Будет фишка, если квартира окажется не та.

Три удара по замку пяткой — и дверь приняла более гостеприимный вид. Трубников влетел в темную квартиру и остановился. Приглядевшись, увидел, что из-под двери гостиной выбивается слабая полоска света. Не без волнения Евгений толкнул дверь и вздрогнул. На полу в луже крови под фиолетовым торшером лежал он, друг его детства Димка Колесников. Лежал, не шевелясь, и был совершенно прозрачным.

Трубников не долго пребывал в оцепенении. Он деловито подошел и, не сводя глаз с безжизненного лица Димана, поднял его руку. Из разреза у запястья еще продолжала струиться кровь и, кажется, не собиралась сворачиваться. Трубников осмотрелся. На журнальном столике стояла магнитола. Гость выдернул ее из розетки, оторвал провод и туго стянул руку товарища ниже локтя.

Веки Колесникова внезапно дернулись и медленно поднялись вверх. В глазах было мутно и бестолково. Но в какую-то секунду в них что-то блеснуло, и Колесников едва заметно улыбнулся.

— Женя, ты все-таки приехал, — еле слышно прошептали белые губы, и веки снова закрылись.

В это время в прихожей раздался звонок. Трубников вздрогнул и поспешно проследовал к выходу. Звонили по домофону.

— «Скорую» вызывали? — спросили внизу.
— Да-да, мы вас ждем. Входите!

3

Самую первую подлость Колесников совершил в шестом классе. Их с Трубниковым пригласили участвовать в районном конкурсе чтецов. Первый приз — портативный магнитофон «Легенда», второй — транзисторный радиоприемник «Альпинист». Среди чтецов в школе Трубникову не было равных. Особенно он проникновенно читал Лермонтовское стихотворение «Смерть поэта». Когда Женя выходил на сцену актового зала и начинал декламировать «Погиб поэт, невольник чести», замолкали даже самые отъявленные хулиганы. Колесников в принципе читал тоже неплохо, но все равно на голову ниже Трубникова. У него не выступала на лбу испарина и не очень органично выбрасывалась рука в сторону преподавательского состава на строках: «А вы, надменные потомки известной подлостью прославленных отцов...» Хотя Дима в подражание другу читал эти стихи тоже с большим воодушевлением.

Когда объявили этот конкурс, литераторша Нина Петровна, вернувшись из города, заявила, что первое место их школе обеспечено железно. Она, в качестве члена жюри, только что прослушала кандидатов из других школ и дает голову на отсечение, что Трубникову равных нет. Нет равных даже Колесникову.

Дима сразу заволновался и начал требовать, чтобы Лермонтовское стихотворение «Смерть поэта» дали прочесть ему.

— Ни за что! Это мое стихотворение! — покраснел от возмущения Трубников.

— Да, действительно, — согласилась Нина Петровна. — Раз уж у Жени так хорошо получается, то пусть и читает. А ты, Дима, прочти «Белеет парус одинокий».

Колесников приуныл.

— А можно, мы вместе прочтем «Смерть поэта»? — с последней надеждой попросил он.

— Нет! — ответила учительница. — Комиссия снижает бал, если одно и то же произведение читают дважды. Да ты не расстраивайся, Дима. Второй приз тоже неплохой.

На городском смотре действительно читали все очень

плохо: фальшиво, помпезно и через чур громко. «Настоящее искусство не нуждается в луженой глотке», — думал за кулисами Трубников и посмеивался над конкурсантами. Его берегли напоследок, как сюрприз. Перед ним пустили Колесникова. Диман вышел с хмурым лицом, трагично закрыл глаза и вдруг продекламировал скорбным голосом: «Погиб поэт, невольник чести...»

С первых же слов Колесникова утихли все зрители в зале, которые до этого вели себя весьма вольно. Трубников видел, как преобразились и приосанились члены городского жюри. Даже работники сцены, и те повернули головы на чтеца, на минуту оторвавшись от своих карт. От такой неожиданности Женя остолбенел. Он пребывал в состоянии шока до конца стихотворения. И даже после того, как зал разразился бурными аплодисментами, Трубников никак не мог прийти в себя и понять в чем дело?

В принципе Колесников прочел неплохо, но все равно не так виртуозно, как это сделал бы Трубников. Когда выкрикнули его фамилию, Женя с каменным лицом вышел на сцену и, встав перед жюри, долго не мог сообразить, где он находится и что нужно читать? Опять «Смерть поэта»? Эта вызовет смех. И тогда Трубников прочел «Белеет парус одинокий». Прочел так себе, почти скороговоркой. Тем не менее, ему присудили второй приз — радиоприемник «Альпинист». А первый — магнитофон «Легенда» под всеобщее ликование вручили Диме Колесникову.

Нина Петровна была счастлива. Два первых места взяла ее класс. Колесников тоже был счастлив, и была счастлива вся школа, присутствующая в тот вечер в зале. И только Трубников было глубоко несчастен. После шумной церемонии он подошел к другу и посмотрел ему в глаза. Зрочки Колесникова бешено забегали.

— Что же ты так поступил не по-товарищески? — спросил с обидой Трубников. — Мы же договорились, что я буду читать «Смерть поэта».

— Ничего мы не договаривались, — дернул плечами Колесников, прижав к груди магнитофон. — Это стихотворение — не твоя личная собственность. В условиях конкурса было сказано, что участники выбирают стихи по своему усмотрению. Вот я и выбрал по своему усмотрению.

— Ты мне больше не друг, — мрачно произнес Трубников.

— Пожалуйста! — усмехнулся Колесников.

После чего развернулся и убежал с хитрой улыбкой на

лице. А Трубников смотрел ему вслед и впервые в жизни чувствовал разочарование в своем первейшем товарище.

Вспоминая этот случай, глава известного издательства катил по Москве в сторону Сущевского вала и тяжело вздыхал. Тогда он думал, что никогда не простит мерзавцу такое предательство. Однако простил. Причем на следующий же день. Диману нельзя было не простить...

Когда через некоторое время Трубников угрюмо ввалился в дом, к нему сразу метнулась жена. Глаза ее были огромными и испуганными.

— Ты где был? Я уже начала обзванивать больницы. Сегодня с утра предупреждали, что на дорогах гололед.

— Все нормально, — ответил Евгений.

Он разулся, повесил пальто на вешалку и закинул кепку на шкаф. После чего прошел в зал и тяжело плюхнулся в кресло. За ним встревожено прошлепала Настя. Она взглянула на его руки и ахнула.

— Ты попал в аварию? У тебя руки в крови.

— Да, успокойся ты. Это не моя кровь. Это Димки. Я его только что отвез в больницу.

Настины глаза сделались с чайные блюдца.

— Что с ним?

— Перерезал себе вены.

— Зачем?

— Черт его знает? Завтра поеду выяснять. Если его откачают, конечно. Он очень плох. Врачи сказали, что потерял много крови, но жизнь его, кажется, вне опасности.

— Фу ты, — с облегчением выдохнула жена. — А как ты на него вышел?

— Позвонил по номеру, который ты дала. И, кстати, вовремя позвонил. Он как раз только что располосовал руку. Хотя нет. Я приехал через двадцать минут — он уже был без сознания... — Евгений поднял глаза на супругу. — Сдается мне, что по телефону доверия он уже говорил с перерезанными венами.

— Какой ужас, — простонала жена.

Евгений внимательно посмотрел на Настю и подозрительно сузил глаза.

— Ты-то чего переживаешь?

— Ну, как? Все-таки твой друг, — произнесла она растерянно. — Хоть и бывший...

А под утро ему опять приснилось, что он хлещет по щекам жену. Самое удивительное, что наяву он ее пальцем никогда не трогал, хотя она иногда и доводила до бешенства своим упрямством. Во сне Трубников знал, что это ему снится, и знал, что если бьешь во сне жену, то наяву, по соннику царя Соломона, жена изменяет. Поэтому, видит Бог, бедняга сдерживался, как мог.

— Ты где была? — прохрипел ревнивец грубо, трепеща от злости словно лист. — Отвечай, когда тебя спрашивают!

Жена не отвечала. Она лукаво улыбалась и жеманно отводила глаза. Такой он ее ненавидел.

— Ты скажешь, или нет?

Она не говорила. Тогда он размахнулся и нанес ей первую пощечину, затем вторую, третью, и сердце провалилось куда-то очень глубоко. Чем сильнее он ее хлестал, тем большим сочувствием проникался к этой несчастной женщине, которой шагу нельзя ступить без того, чтобы ее не отдубасил муж. Но остановиться бедняга уже не мог и с тоской осознавал, что от этой отчаянной и бессмысленной молотбы его спасет только пробуждение.

Трубников проснулся в холодном поту. Жена мирно посапывала рядом, и вид ее был ангельским. Часы показывали половину седьмого, так что досматривать спектакль не имело смысла.

Евгений нащупал под ногами тапочки, да так и замер на своей супружеской кровати. Сколько еще его будет терроризировать этот сон-мучитель? Ведь самое интересное, что его жена никогда не приходила поздно. Точнее сказать, почти никогда. Может быть, за всю их восьмилетнюю супружескую жизнь такое случалось раз пять-шесть, но муж всегда знал, где задерживалась его супруга, и повода для волнения не было. Если она действительно ему изменяет, то только днем, когда он бывает на работе.

Сзади послышалась шорох, и теплая ладонь ласково коснулась спины.

— Ты уже встаешь? — произнесла Настя сонным голосом.

— Встаю, — хрипло отозвался Евгений. — Он немного помолчал, затем внезапно спросил, подумав, что момент самый что ни на есть подходящий. — Скажи честно, у тебя есть кто-нибудь?

Сзади послышался лукавый смешок, точь-в-точь как во сне, затем шелест одеяла и хруст мосолочков. Настя сладко потянулась.

— Что это тебе с утра взбрело в голову? — нежно ответила она. — За всю жизнь я знала только одного мужчину.

Жена томно вздохнула и повернулась на другой бок. Такой ответ всегда успокаивал Евгения. Впечатление от сна тут же сняло, как рукой. Он бодро поднялся и направился в ванную. Побрившись и приняв душ, издатель выпил на американский манер стакан апельсинового сока и, наконец, набрал номер телефона больницы.

— Алло! Добрый день! Вчера к вам привезли человека с перерезанными венами. Его фамилия Колесников. Как он себя чувствует? Вы в курсе?

— А вы кто, родственник? — поинтересовалась дежурная сонным голосом.

— Я не родственник. Я его друг.

— Мы даем информацию только родственникам.

— Послушай, ты, тетенька! Я сейчас подошлю ребятишек, и ты забудешь, как тебя зовут...

— Как вы сказали? — мгновенно приободрилась дежурная. — Колесников? Сейчас посмотрю в журнале. Прооперировали его удачно. Состояние удовлетворительное. Он лежит в реанимационном отделении, в шестнадцатой палате. Возможно, после утреннего обхода его переведут в психиатрическое отделение.

Трубников бросил трубку и начал стремительно одеваться. Когда он влез в ботинки и надел пальто, из спальни выплыла жена в розовом пеньюаре.

— Ты опять не позавтракал?

— Некогда. Перекушу по дороге.

— Почему так рано?

— Хочу успеть в больницу до обхода врача. После обхода Димана могут перевести в психиатричку. А туда уже не проवेशься.

Трубников быстро зашнуровал ботинки и выскользнул в подъезд. Через час он уже стоял перед закрытой дверью больницы и упрямо молотил в стекло. Подошел заспанный вахтер и через дверь объяснил хриплым голосом, что пускать некого не велено. Гость вытащил из кармана десятидолларовую банкноту и прилепил к стеклу. Вахтер не долго раздумывал. Он откинул крючок, всучил посетителю халат и предупредил:

— Я вас не пускал. В случае чего, вы прошли через подвал родильного отделения. Реанимация на четвертом этаже.

— Спасибо, — буркнул Трубников и направился к лифту.

Выйдя на четвертом, Евгений сразу наткнулся на какую-то медсестру с бешеными глазами.

— Кто вас пустил? — скандално закричала она.

— Тише, мамаша. Больных разбудишь, — спокойно ответил посетитель и сунул в ее карман десять долларов.

Медсестра тут же сменила гнев на милость.

— Только халат оденьте, — произнесла она по-матерински и исчезла.

Трубников вошел в шестнадцатую палату и сразу увидел Димана. Он был по-прежнему бледен, но не так как вчера. Вчера его лицо было как у покойника, а сегодня на его скулах проступала хоть слабая, но жизнь. Визитер покосился на двух его соседей под капельницами и подошел к кровати. Рука Колесникова была перевязана, глаза закрыты, губы без единой кровинки.

Трубников громко придвинул стул, и веки Димана дернулись. Глаза его не выразили особого удивления, однако губы расплзлись в улыбке.

— Я знал, что ты меня не бросишь, — пролепетал он еле слышно.

— Что случилось? Можешь объяснить? — спросил Трубников, наклонившись к его лицу.

Губы больного искривились в усмешке. Он покосился на своих братьев по капельницам и со свистом прошептал:

— Я убил человека.

— Что? — вздрогнул Трубников. — Ты убил человека?

— Убил! Впервые в жизни. И знаешь кого? Мужа Марго.

5

В тот день было жутко холодно. Колесников как принялся дрожать с утра, так и не переставал до вечера. Он влез в два джемпера, укутался в одеяло, включил обогреватель, но все равно не мог согреться. Бедняга понимал, что погода здесь ни при чем. Из окна он видел, что люди на улицах ходили нараспашку и без головных уборов. Холод им не докучал. Да и термометр за окном показывал всего минус два. Тем не менее, Колесникова продолжало трясти не столько от холода, сколько от того, что он должен совершить сегодня.

Иностранный револьвер был куплен накануне у какого-то чеченца, прочищен, смазан и заряжен. Также был приготовлен трехметровый лоскут мешковины для трупа. Веревка и двадцатичетырехкилограммовая гиря уже лежали в машине. Гиря на тот случай, если труп придется утопить. Хотя Колесников не был уверен в том, что это затея удастся. Все реки скованы льдом. Как-никак не май месяц, а начало февраля. На всякий случай, Дмитрий сунул в багажник канистру с бензином. Может быть, еще придется покойника сжигать. Черт его знает? Конечно, это не самый лучший вариант, но что делать? А вдруг сегодня не попадетсЯ по пути река с прорубом?

В назначенное время Колесников уже был на Соколе. Бега подходили к концу. По громкоговорителю объявили последний забег. Дмитрий подъехал к автостоянке и понял, что встать рядом с автомобилем Марго не получится при всем желании. Машины стояли друг к другу очень плотно. «Было бы прекрасно, если бы вообще не обнаружить ее «Жигулей», — мелькнула трусливая мысль.

Колесников оставил свой «БМВ» за углом и пешком направился к автостоянке. Не дойдя до нее двухсот метров, он увидел белую «девятку» Маргулиных и почувствовал слабость в ногах. Значит, она не раздумала. Значит, все, о чем она говорила вчера, не было сном? Не может быть! Ведь Колесников до последней минуты не верил, что Марго явится на ипподром.

Ничего не оставалось, как подойти к машине, посмотреть на номера и бросить взгляд в салон. Теперь сомнений не было — это точно «Жигули» Маргулиных. И номера совпадают, и белеет ее сумочка на заднем сиденье. Только рядом встать не представлялось возможным, несмотря на то, что машина находилась с краю. Сбоку пристроился серебристый джип, оставив полкузова на проезжей части.

Колесников вернулся в автомобиль и включил радио. Тряска не проходила. Пришлось приложиться к фляжке с коньяком, которую он приготовил для поднятия духа. «Если внезапно остановит автоинспектор, значит не судьба», — усмехнулся Колесников и снова хлебнул из фляжки.

По радио сообщили новость: «Вчера вечером сработало взрывное устройство на станции метро «Белорусская». «Кому все нейдет?» — с раздражением подумал водитель, и в эту минуту на ипподроме по репродуктору начали объявлять победителя.

Через некоторое время народ повалил на улицу. Колесников напрягся. «Хорошо, если бы Марго оказалась одна», — мелькнула вторая трусливая мысль. Но и это пожелание не сбылось. Вскоре он увидел ее в толпе, идущей под ручку со своим мужем Олегом. Олег был задумчив, а она напротив — весела и говорлива, как будто знать не знала, что через полчаса застрелят ее законного супруга. А может, Маргулина прикололась?

Однако прежде чем сесть за руль, красавица внимательно посмотрела на примостившийся с боку джип, затем озлобленно покрутила головой, как бы ища кого-то, и только после этого нехотя опустилась на сиденье. «Помнит, стерва!» — усмехнулся Колесников и завел мотор.

Он ехал за ними на расстоянии пятидесяти метров, прячась за грузовые машины и шныряя с полосы на полосу, чтобы не очень бросаться в глаза. Маринкин муж хорошо знал и самого Колесникова, и его автомобиль, так что прятаться было необходимо. Когда они выехали на Ярославское шоссе, и количество машин уменьшилось, пришлось увеличить расстояние метров до ста. Но внимательный водитель давно бы заметил, что за белой «девяткой», следит зеленый «БМВ», поскольку едет за ней с самого Сокола, не пытаясь обогнать. А «Жигули» как назло, с каждым километром все больше замедляли ход. У Макдональдса они остановились. Тормозить в ста метрах от американской бутербродной было нелепо. Пришлось прибавить скорость и проехать мимо. Краем глаза Колесников заметил, как вышедший из машины Олег, метнул подозрительный взгляд на пролетавшую мимо иномарку.

«Так и есть. Засек!» — подумал преследователь и свернул на первом попавшемся повороте. Он остановился. Сердце дико колотилось, в ушах шумело. Дмитрий упал лицом на руль и минут пять не двигался. Надо взять себя в руки. Собраться. Все хорошо, все прекрасно. Ездить в ярославском направлении никому не возбраняется.

Немного успокоившись, Дмитрий хлебнул коньяку и развернулся. Ждать пришлось недолго. Через некоторое время на трассе мелькнула белая «девятка» Марго. Колесников снова выехал на прямую и рванул за ней. Теперь он катил за своей жертвой на расстоянии трехсот метров, но все равно его было видно, поскольку их отделяли всего две машины. Через некоторое время они обе обогнали «Жигули» Маргулиных, и Колесникову ничего не оставалось, как снизить ско-

рость до минимума. Теперь только слепец мог не догадаться, что его роскошный «БМВ» преследуют это жалкую «девятку» с самой Москвы. «А Олег у Марго далеко не дурак, — угрюмо подумал Колесников, продолжая следовать за ними. — А будь, что будет!»

Не доехав двухсот метров до поста ДПС, «Жигули» свернули налево, на ту самую грунтовую дорогу, о которой говорила Марго. Колесников прибавил скорость. «Зона отдыха «Старая Мельница», — прочел Дмитрий на указателе и съехал с трасы.

Дорога была совершенно пустынной. Она петляла, проваливалась и терялась между сосен, которые уныло тянулись по обеим сторонам. Можно было не торопиться. «Девятка» совсем превратилась в черепаху. Она то проваливалась, то выныривала из каких-то невообразимо жутких ям, которыми была испещрена дорога. Только после того, как эта каракатица скрылась за поворотом, Колесников прибавил скорость. Выехав из-за поворота, Евгений внезапно увидел, что «Жигули» остановились. Супруги вышли из машины и открыли капот. Сразу же после этого Марго не спеша отправилась в лес, а Олег остался копаться в моторе.

Колесников, не снижая скорости, достал из «бардачка» пистолет и сунул в карман куртки. Он медленно проехал мимо «Жигулей», и Олег поднял голову. Но преследователь сделал вид, что не узнал Маринкиного мужа и презрительно отвернулся. Его сердце, казалось, сейчас проломит грудную клетку. Может быть, прибавить скорость и проехать мимо?

Дмитрий остановился в десяти метрах от копающегося в моторе Маргулина и впился в зеркальце. Сейчас по всем законам логики Олег должен оторваться от своего занятия и подойти к нему с дурацким вопросом, какого черта он едет за ними с самой Москвы и делает вид, что не узнает? Вот в этот момент Колесников и выстрелит ему в лоб.

Рука Дмитрия судорожно жала рукоятку револьвера. Один палец был на курке, другой на взводе. Однако Олег не спешил узнавать поклонника своей жены и продолжал возиться в моторе.

Колесников вышел из машины, не вынимая из карманов рук. Игнорируя дрожь в коленях и стук в висках, он решительно направился к «Жигулям». «Смотри-ка, даже не поворачивает головы, — усмехнулся про себя убийца. — Точно не признал, или прикидывается шлангом? Скорее всего, прикалывается».

Дмитрий подошел вплотную, взвел в кармане курок и вынул револьвер. Олег обернулся и удивленно посмотрел на Колесникова, по-прежнему не узнавая, точнее, узнавая только наполовину. Дмитрий не стал дожидаться, когда Маргулин узнает его полностью. Он быстро поднес револьвер к его виску, закрыл глаза и выстрелил.

Кровь фонтаном брызнула на рукав и залила пистолет. Из Олега вырвался стон, а в глазах застыли боль и удивление. Боль и удивление так и остались в глазах у Олега, а его обмякшее тело начало медленно сползать на землю.

6

Неожиданно в палату вошла медсестра и прошипела с вытаращенными глазами.

— Главврач начал обход. Быстро уходите!

Посетитель поднялся с места, тряхнул здоровую руку друга и подмигнул.

— Все будет нормально. Не унывай!

Произнеся это как можно бодрее, Трубников немедленно вышел из палаты и быстрым шагом направился к лифту. Но сестра остановила.

— Вам не сюда! Вам надо по лестницу на шестой этаж. Там пройдете через родильное отделение и спуститесь на грузовом лифте в подвал. Из подвала свободный выход.

Честно говоря, признание Димана ошеломило бывшего одноклассника. Но что-то здесь было не логично. Конечно, Колесников мог убить Маринкиного мужа. В этом сомнения не было. Диман на этой Маргулиной помешан с детства. После того, как Марго вышла замуж, Димка целый месяц лежал на диване в ступоре, отказываясь от пищи и воды. Он едва выкарабкался, и то, благодаря Маринке. Она пришла к нему домой и сказала:

— Не расстраивайся, Диман! Я скоро разведусь.

И она действительно вскоре развелась. Не прошло и пяти лет. Только радость Димана оказалась преждевременной. Марго снова его отвергла и вышла замуж за Олега, который на семь лет ее младше. Ее второй муж был красивым, самоуверенным и наглым. Подстать Марго. Он был таким же бессердечным и ироничным, как его жена. Над разбитым сердцем Колесникова Олег измывался с упоением садиста. С его стороны это было крайне не благородно. Только где сейчас

найдешь благородных? Поэтому неразделенная любовь и униженное самолюбие могли толкнуть Колесникова на убийство. Однако не это было удивительным. Было удивительно, что Трубников ничего не слышал о смерти Маринкиного мужа, и буквально на днях, кажется, позавчера видел его живым и невредимым. Когда же Диман успел его грохнуть? Неужели вчера? Точно, вчера! А потом поехал домой и резанул себе вены. Эх, Диман, Диман...

Когда Трубников прибыл на работу, в конторе еще никого не было.

— Раненько вы сегодня, Евгений Алексеевич, — произнес вахтер вместо приветствия, открыв ему парадную дверь.

Трубников пробурчал в ответ что-то невразумительное, прошел в кабинет и, не раздеваясь, опустился в кресло. Димана надо спасать от тюрьмы, но как? Милиция, наверное, уже на ногах. Ищет идиота.

Евгений набрал номер Маргулиных, и, к своему удивлению, вместо горестного голоса вдовы услышал жизнерадостный возглас Марго.

— Я слушаю! Алло. Говорите!

— Марго, это ты? — произнес Трубников, не поверив ушам.

— Более глупый вопрос может задать только твой друг Колесников, — ответила Маргулина. — Ну, если ты, Женька, звонишь мне, кто же еще может быть у аппарата?

— Да, конечно, извини! Не узнал тебя! — растерянно пробормотал Трубников.

— Значит, богатой буду. А я твой голос узнаю слету. Ну, говори, чего звонишь в такую рань?

Трубников растерялся.

— Э-э... видишь ли... Хотел узнать, как у тебя дела?

— Соскучился? — ласково промурлыкала Маринка.

— Очень.

— У меня все нештяк. А у тебя?

— У меня? — замялся Трубников. — Как бы тоже ничего. А у мужа твоего, если не секрет?

— Так тебе нужен Олег? — зевнула Маргулина. — Так бы сразу и сказал. Позвать?

— А он дома? — насторожился Трубников.

— Где же еще ему быть в такой час? Разбудить?

— Разбуди!

Через минуту Евгений услышал сонный голос Олега. Пришлось на ходу придумывать оправдание для своего

звонка.

— Привет. Как дела? Ты сейчас работаешь где-нибудь?

— Пока нет. Я уволился из института. Хочу открыть свое дело по разработке технологических проектов. А ты, насколько я догадываюсь, что-то хочешь предложить?

— Мне нужен начальник отдела сбыта. Я почему-то подумал о тебе.

— Какая зарплата?

— Договоримся.

— Тогда я подумаю.

— Подумай!

Трубников водворил трубку на место, и внезапная злость охватила его. Опять эти дурацкие штучки Колесникова. Уже был одной ногой в могиле, а все равно продолжает плести свои непонятные интриги. Подлый он все-таки человек! Теперь из-за него нужно что-то врать Олегу, если он действительно согласиться на должность начальника отдела.

Народ стал потихоньку подтягиваться. В половине десятого Трубников как всегда провел летучку, устроил разгон верстальщикам, пригрозил художникам и поставил на вид производственный отдел. Словом, машину запустил, остальное — на совести подчиненных. Теперь можно снова со спокойной душой уединиться в кабинете и погрузиться в свои обломовские раздумья.

В одиннадцать позвонила жена.

— Ну, как Колесников? Откачали?

— Откачали. Не переживай!

— А почему такой раздраженный?

— Да потому что мудак, твой Колесников! Ты знаешь, из-за чего он перерезал вены? Из-за того, что убил Олега, Маринкиного мужа.

— Боже мой! — ужаснулась жена. — Я всегда знала, что эта сука доведет его до смертоубийства. Когда похороны, спросил?

— Какие к черту похороны? На самом деле он никого не убил. Я только что говорил с Олегом по телефону. Он жив и здоров. И даже изъявил желание работать у меня начальником отдела сбыта.

— Фу ты! — выдохнула жена. — А я уж собралась расстроиться. У Колесникова что же, крыша поехала? Ничего себе. Ну, у вас и класс в тридцать пятой школе. Уже второй трюкнулся. Первый — Вова Кузнецов. Второй — Дима Колесников. Если бы вальтанулся какой-нибудь Зайцев, или

Семенов — никто бы не удивился. Эти типичные дегенераты. Так нет, крышу снесло у круглого отличника, медалиста, победителя четырех математических олимпиад Володи Кузнецова. Но с ним понятно. Это у него после Пермской аномальной зоны. А у Колесникова после чего?

— Понятие не имею после чего? — раздраженно ответил Трубников. — А может, ничего у него не снесло. Может, он задумал очередную подлость.

7

Вторую крупную подлость Колесников совершил в семьдесят шестом году. После окончания школы неразлучную пару без всякой двухгодичной отработки приняли на первый курс Литературного института. Способности к поэзии у друзей стали проявляться сразу после девятого класса. Честно говоря, стихи Трубников начал тайно пописывать уже в четвертом классе, а Колесников, в третьем, если не врет. Но, конечно, врет! Первым стихотворением Диман разродился в шестом классе, после прихода Маринки Маргулиной.

Но это не так важно, кто и когда начал писать, главное, что с девятого класса их поэтический дар стал развиваться особенно бурными темпами. Трубников даже на уроке математики пытался говорить шестистопным гекзаметром, Колесников в подражание ему впичкивал физические законы в четырехстопные ямбы. Весь класс потешался над ними, на что Трубников выбрасывал вперед руку и с пафосом восклицал, обращаясь к одноклассникам: «Презренная, толпа, как ты недобра и глупа», а Колесников подхватывал с места: «А без поэтов, индюки, вся жизнь — труба». После чего, их обоих выгоняли с урока.

Кто из них писал лучше? Да, конечно, Трубников. Его стихи были более отточенными, более остроумными, более тонкими и более глубокими по мысли. Колесников работал на публику, хотя и понимал, что это неблагоприятное занятие. «Сорвать аплодисменты с полуграмотной толпы, может любой дурак, — упрекал товарища Евгений. — Обычно этим он и занимается. А задержать на себе взгляд умного человека — на это уже способен не каждый». Но Трубников мог.

Тем не менее, их на равных приняли в Литературный институт на один семинар, где они сразу завоевали популярность. Но к весне над обоими нависла угроза призыва в воо-

руженные силы.

— Что будем делать, Диман? — запаниковал Трубников.
— Армия в мои планы не входит.

— В мои — тоже! — почесал затылок Колесников.

Выход подсказал руководитель семинара. Он посоветовал обратиться к ректору. Тот может похлопотать об отсрочке до окончания института. У него с военкоматом договоренность. Одному самого талантливому студенту из семинара обязательно предоставляют отсрочку.

— А двоим?

— Честно говоря, не помню случая, чтобы отсрочку предоставляли двоим, но вы сходите, на всякий случай, вместе. Если не получится, то сами решите, кто из вас более талантлив.

Руководитель тонко улыбнулся и удалился, оставив студентов в чрезвычайной задумчивости. Друзья визит к ректору решили отложить до утра, а в данный момент разойтись по домам и хорошенько раскинуть мозгами. Однако на следующий день Колесников заявил, что ему некогда идти к ректору, что это дело лучше отложить до понедельника. В понедельник Диман снова куда-то помчался, пояснив, что время еще есть. И так тянулось две недели. Потом Колесников неожиданно заболел, и Трубникову ничего не оставалось, как отправиться к ректору одному, но с твердым намерением похлопотать за них обоих. Ректор встретил студента с высоко поднятыми бровями.

— Я уже освободил из вашего семинара одного. Колесникова, кажется. Да, точно! Он приходил две недели назад. Двоих не могу. Извините. В военкомате меня не поймут.

Так и загремел Евгений в артиллерию. Своего закадычного друга он больше в ту весну не видел, но позвонил ему перед отправкой с призывного пункта.

— Что же ты, Диман, так подло поступил?

— Почему подло? — удивился Диман. — Подумаешь, отсрочка. Все равно мне тоже придется служить. Но после института. Я не думаю, что это лучший вариант...

Однако после института Диману служить так и не пришлось. Ему каким-то образом удалось откосить от армии.

За два года Трубников забыл свою обиду, тем более что в армии к нему относились с большим уважением как товарищи чистопогонники, так и командный состав. Его освободили от нарядов и марш-бросков, от такелажных работ и от всего остального, с чем сталкивается в своей службе артил-

лерист. И все из-за того, что он виртуозно владел поэтическим словом.

Евгений оформлял стенды, стенгазеты, сочинял стихи, эпиграммы, писал речи офицерам и обрабатывал командиру части его статьи для армейской газеты. Кроме того, Евгению предоставляли достаточно времени для его личного творчества, выделив в библиотеке просторный закуток. Когда же в областной газете появлялись стихи рядового Трубникова, вся военная часть носила его на руках и даже производила холостые залпы из артиллерийских орудий.

Словом, на армию Евгений не в обиде. Более того, за два года он довел свой поэтический слог до такого совершенства, что когда вернулся в институт (хоть и на второй курс, но снова на свой семинар), однокурсники ахнули. А что же еще было делать длинными, армейскими вечерами, как не совершенствовать поэтический дар?

Надо отметить, что Трубников демобилизовался весьма вовремя. Была весна восемьдесят девятого года. Вся литературная Россия готовилась к девятому совещанию молодых писателей, на которое впервые в советской истории приглашали не по рекомендациям писательских секретарей, а по рукописям самих литераторов.

А за месяц до этого в Москве прошел рыцарский турнир московских поэтов, на котором опять проявился подлый характер Колесникова. Однако подлость не удалась. О ней Трубников узнал только год спустя. Но поскольку она не сработала, Евгений не принял ее близко к сердцу.

Итак, по возвращении из армии Трубникова сразу пригласили участвовать в рыцарском турнире поэтов. Колесников уже сдал документы в комиссию и был очень доволен собой. За эти два года он тоже подточил свою поэтическую стилистику, но конечно не до такой степени, как его друг. В стихах у Трубникова к поэтическому аромату Парнаса примешался своеобразный запах армейских портянок. Это сочетание производило на зрителя убийственный эффект.

Когда он вышел на сцену и начал читать свои армейские вирши, воцарилась такая жуткая тишина, что стало страшно за страну. То, что прочел Трубников, возымело эффект артиллерийского залпа. Уже без всякой комиссии было ясно, что первое место присудят ему. В этом не сомневались ни зрители, ни участники турнира, которые продолжали борьбу за вторые и третьи места. Трубникову не могло не броситься в глаза, что Диман после его выступления как-то сразу обмяк

и приуныл. А члены жюри, которые до этого полусонно и снисходительно наблюдали за тем, что происходит на сцене, оживились и о чем-то горячо заспорили. При подведении итогов они размахивали руками и хватали друг друга за грудки. Наконец, один из них схватил ручку и принялся что-то вписывать в приготовленные грамоты.

Вышел председатель жюри и с улыбкой объявил, что первое место присуждено Трубникову. Зал взорвался аплодисментами. Евгению пожали руку и вручили грамоту. Взглянув в нее, победитель с удивлением увидел, что на том месте, куда была вписана жирная единица, раньше стояла цифра три, отпечатанная на машинке. Что же получается? Места распределили заранее, и ему отвели третье? За этим недоумением он прослушал имя победителя второго места. Но третье — присудили Колесникову. Это Трубников услышал четко.

— Мужики, а кому дали второе? — спросил победитель.

— Да какому-то Свистоплясцеву. Виртуазному моренисту.

— Мужинисту?

— Да, нет! Моренисту. Виртуазному. Или Виртуозному. Черт его знает?

Когда они вышли из Политехнического, Трубников взглянул на грамоту Колесникова. На ней третье место также второпях было вписано ручкой, а под ним бледнела печатная цифра один.

— Слушай, если бы я не участвовал, первое место досталось бы тебе, — засмеялся Трубников. — Усекаешь? Места распределили заранее. Вот это турнир...

Не знал в тот вечер Трубников, что эти места распределял сам Колесников, предварительно подмаслив членов жюри зелененькими купюрами.

8

И все равно, несмотря на подлую натуру Колесникова, Трубникова тянуло к нему. Он был жизнерадостный, веселый, заводной, с какими-то вечно несуразными идеями, фантазиями, изложение которых вызывало всеобщий хохот. Внешне он тоже выглядел романтично: высокий, тонкий, гибкий; на башке копна кудрявых волос, кончики губ всегда приподняты, над верхней губой аристократические усики, в глазах сумасшедший блеск; зрачки вечно бегали и вечно отчего-

то вспыхивали. Одно его появление в институте вызывало всеобщую улыбку, поскольку все его восторгало, удивляло, изумляло. Если гулять, то он гулял от всей души со свистами и танцами, и со скачками на столах. Если слегка заболел, то уже умирал и звал товарищей проститься.

Чего греха таить — он был душой компании. Его любили все. И не любила только одна Маринка Маргулина, чьи корни исходили от французской королевы Маргариты де Валуа, хотя последняя, кажется, была бездетной.

Трубников сидел в своем кабинете за столом и ждал девяти часов. Ему уже доложили, что после обхода Колесникова перевели в четвертую палату реабилитационного отделения, которое находилось на втором этаже. Теперь в новой палате Диман лежит с шестью больными, но сегодня в половине десятого они все отправятся в столовую смотреть хоккей. Та же медсестра проинформировала, что общение с самоубийцей строго запрещено. К нему допускаются только медсестры и психотерапевт. Однако она может организовать встречу в половине десятого вечера за двадцать баксов.

В коридоре опять слышался монотонный гул пылесоса и дряблый голос уборщицы, заливавшей другому вахтеру то же самое, что и вчера.

— Вот сейчас на пятнадцать тысяч долларов и однокомнатной квартиры не купишь, а в восьмидесятом можно было купить три трехкомнатные.

— Ну, ты еще вспомни тридцатые годы! — скептически отвечал вахтер. — Кстати, я что-то не припомню, чтобы в восьмидесятых квартиры покупали за доллары.

— Дундук! Доллары приходилось менять на рубли. А знаешь, где меняли? У Метрополя.

— Вот удивила. У Метрополя и сейчас меняют.

— Меняют, да не столько дают, сколько давали тогда.

— Ну, и сколько давали тогда за доллар?

— Рубль.

— Вахтер, наконец, расхохотался, а уборщица обиженно зашебетала:

— А что, по-твоему, по тем временам пятнадцать тысяч рублей были не деньги?

На этой фразе раздался звонок, и Трубников, восторженно встрепенувшись, поднял трубку. Звонила жена.

— Ты еще на работе? — спросила она.

— Да.

— Домой собираешься?

— Буду в одиннадцать. Сейчас я поеду в больницу к Диману.

Было уже без пятнадцати девять. «Пора», — сказал сам себе издатель и начал неспешно одеваться. А из коридора тем временем энергично доносилось:

— Вот сейчас все бросились рожать за деньги американским миллионерам. А знаешь, кто первый ввел эту моду? Я!

— Ну и чем ты гордишься? — недовольно пробурчал вахтер. — Что ты стерва, и показала стервозный пример?

Трубников оделся и вышел из кабинета. Уборщица тут же умолкла, а вахтер, ослабясь, фальшиво удивился:

— Это вы до сих пор работали, Евгений Алексеевич? Поздненько вы сегодня.

— До свидания, — буркнул гендиректор и вышел на воздух.

Прежде, чем сесть в машину, Трубников зашел в гастроном. Накупив все, что полагается для больного, Дмитрий бросил пакеты на переднее сиденье и завел машину. Ровно в половине десятого он трижды бибикнул у крыльца больницы и вышел с пакетами из автомобиля. Входная дверь с готовностью распахнулась, и медсестра в белом халате сделала пригласительный жест.

— Куда вы столько накупили? Ему все равно нельзя.

Она провела по лестнице на второй этаж и остановила у двери с цифрой четыре. Трубников сунул ей двадцатидолларовую банкноту и толкнул дверь.

Колесников лежал под капельницей с закрытыми глазами, но был уже не так бледен как утром. Он медленно повернул голову на посетителя и сразу оживился.

— Женька! Ты у меня единственный друг. Я знал, что ты меня спасешь. Молоток, что приехал.

— Куда валить? — спросил Трубников.

Дмитрий перевел взгляд на пакеты и присвистнул.

— Вали на тумбочку. Мне все равно есть нельзя. Кстати, бутылочки нет?

Трубников не ответил. Избавившись от провизии, Евгений придвинул стул и сел у изголовья больного.

— Ну как себя чувствуешь?

— Очень хреново. Очень...

Колесников страдальчески опустил веки и застонал.

— Вены сшили?

— Умоляю, не говори мне про вены! Я очень впечатлительный, — поморщился Диман. — Если ты имеешь в виду

самочувствие в смысле здоровья, то оно удовлетворительное. Но морально мне очень плохо. Этот Олег стоит у меня перед глазами, как живой.

Колесников снова в бессилии опустил глаза, а Трубников подавил улыбку.

— Как живой, говоришь? А он и есть живой.

Колесников дернулся и испуганно покосился на дверь.

— Ты уже в курсе? В том-то и дело, что живой! Я его убил, а он, как ни в чем не бывало, разгуливает по Москве. И Марго ведет себя так, как будто ничего не случилось. Как будто сама не уговорила меня укокошить молокососа.

«Все ясно. Это шизофрения, — сделал вывод посетитель. — Нужно с ним поосторожнее».

— А может, тебе приснилось, что ты его убил. А на самом деле не убил. Так бывает иногда...

— Да, ты что! — вытаращил глаза больной. — Ты меня за шизофреника считаешь? Может, ты думаешь, что у меня крыша поехала? Я в Олега всадил две пули вот этой самой рукой...

Колесников так разволновался, что капельница едва не загремела на пол. Как раз в правую руку и была воткнута игла, а на левую — наложена шина.

— Успокойся, — потрепал по плечу Трубников. — Верю, что укокошил. Главное, не волнуйся. Выпишут, — мы с ним разберемся.

— Правда, разберемся? — воскликнул Колесников, и его глаза наполнились слезами. — Ты мой единственный друг...

— Только не говори психологу, что порезал себя из-за того, что убил человека. А то упечет в психушку.

— Я что, идиот? — зашевелил усиками Колесников. — Меня не в психушку, а за решетку упрячут. Я психологу сказал, что у меня жуткая депрессия от одиночества. Жениться мне, словом, надо и детей заводить. Дети — лучшее лекарство от депрессии. Так я сказал врачу.

«Смотри-ка, шизофреник, а соображает», — удивился Трубников.

— А вообще, — произнес Евгений как можно мягче, — на убийцу ты не похож. У убийц глаза неподвижные. А у тебя они всегда бегают. Я знал одного киллера. Он раньше ошивался в пивном подвальчике на Таганке. «Харчевня» называется. Когда он входит в «Харчевню», все посетители затихали.

Колесников вздрогнул и ошеломленно впился в глаза.

— Слушай, — произнес он с ужасом, — Ты сейчас слово в слово произнес первую строку из моего романа.

— Какого романа? — недовольно поморщился Трубников, подозревая, что лечения в психиатричке не миновать.

— Исторического. Про королеву Марго. Вот он у меня, под башкой! Возьми!

Трубников сунул под подушку руку и нащупал общую тетрадь.

— Как она у тебя здесь оказалась? — удивился он.

— Я, прежде чем перерезать вены, сунул роман под ремень, чтобы уйти вместе с ним. Потому что это самое подлинное, что есть во мне. Ты возьми, почитай!

— Ты что, написал роман? — спросил Трубников.

— К сожалению, нет. Я только начал его писать в восемьдесят девятом году, — грустно вздохнул больной.

— В восемьдесят девятом?

— Ну, да! Ты помнишь, после девятого совещания мы ходили по издательствам со своими стихами, а нам везде говорили, что стихи теперь вряд ли будут печатать? Вот если бы вы принесли по историческому роману, тогда бы опубликовали без разговоров. Ну, я сразу после этого и сел за исторический роман. Но дописать не довелось...

9

«Считать ли это новой подлостью? — думал Трубников, катя по ночной Москве. — Хотя на первый взгляд ничего подлого не было. Ну, взялся человек писать исторический роман. Что тут криминального?»

Однако, как взялся? Втихомолку, не посвятив друга в свои эпические замыслы. Правда, никто не обязан делиться своими творческими планами, но ведь когда они вышли из «Молодой Гвардии», Трубников сам предложил:

— А давай напишем по историческому роману? Что нам стоит, талантливым и энергичным. Опубликуемся, прославимся, разбогатеем. После этого издатели сами будут бегать за нами с высунутыми языками.

В то время очень хотелось печататься. Ей Богу, на все бы пошел, лишь бы опубликовали. Однако Колесников сморщил нос и презрительно хмыкнул:

— Мы с тобой поэты, или кто? Мало ли чего захотят эти тупые околотитературные крысы? Если каждому потакать, то

грош нам цена как литераторам.

Трубников на сто процентов согласился с Колесниковым. Действительно, для того Господь и рождает поэтов, чтобы они противостояли обывательским потребностям толпы. Помнится, в ту минуту Евгений навсегда отбросил мысль об историческом романе. Однако Колесников опять слукавил. Пришел домой и сел за роман на потребу все тем же беспринципным издателям, о которых он отозвался с таким пренебрежением.

Встав у светофора, Трубников не выдержал, раскрыл тетрадку и прочел: «Когда он входил в харчевню, все посетители затихали. Женщины содрогались, а у мужчин моментально слетали улыбки».

Загорелся зеленый. Трубников выжал полный газ и поехал дальше, раздумывая над тем, что человеческое желание быть первым, — пожалуй, не стоит вносить в категорию подлостей. Это нормальное здоровое желание! Колесников страстно хотел быть первым: первым отличником, первым чтецом, первым поэтом. Он мечтал первым издать книгу, первым прославиться, первым разбогатеть. В чем здесь подлость? Подлость в другом, что своего лидерства Диман всегда добивался окольными путями. Трубников даже знает почему: от недостатка таланта. Истинному таланту нет необходимости плести за спиной интриги. Истинный талант может себе позволить роскошь вести честную борьбу.

Войдя в квартиру, Трубников сразу направился в кабинет, на ходу кинув жене, что ужинать не будет. Настя проследовала за ним.

— Ты от Димана? Как он? — спросила она с тревогой в глазах.

— Так же? — неохотно ответил Евгений, устало валясь на диван.

— Ты ему сказал, что Маргулин жив?

Евгений поднял глаза на супругу и усмехнулся.

— Он и без меня знает.

— Тогда зачем он перерезал вены? — удивилась жена.

— Потому и перерезал, что тот, кого он грохнул, воскрес, смертью смерть поправ. От страха, в общем, перерезал.

На губах Трубникова появилась нехорошая ухмылка. Лицо жены наоборот — вытянулось и приняло испуганное выражение.

— А как он выглядит? Совсем плохой?

— Вот как раз выглядит он нормально. Но как только за-

ходит речь об Олеге, начинает трястись и бледнеть. Собственно, я с ним толком не поговорил. Зашел его сосед по палате, и мне пришлось обратиться. Завтра я с ним поговорю более детально.

Настя покачала головой и вышла из комнаты. Евгений зажег торшер и, раскрыв тетрадь Колесникова, начал читать.

«Когда он входил в харчевню, все посетители затихали. Женщины содрогались, а у мужчин моментально слетали улыбки. Он вносил в этой веселое заведение на окраине Парижа, какую-то мрачную тяжесть, свойственную палачам и профессиональным убийцам. Его так и звали, Мрачный Шарль, хотя лицо его, если взглядеться, было довольно открытым. Его волосы были светлые, волнистые, лоб высокий, гладкий, брови прямые, глаза карие и совершенно неподвижные. Именно из-за этих глаз никто не решался взглядываться в него пристально. На губах его никогда не сияло улыбки. Говорил он коротко, почти не разжимая губ, и все больше одной половиной рта. Он был высок, строен, и немного тучен. Одет всегда во все черное: черные плащ, черный камзол, черная шляпа, и только на горле белела тоненькая полоска воротника его белоснежной рубахи...»

Трубников поднялся с дивана и подошел к зеркалу. В холодном стекле отразился высокий, стройный и немного тучноватый мужчина в черных брюках и черном джемпере, из-под которого выглядывал белоснежный воротничок. Странно, но стоящий перед зеркалом почему-то любил одеваться в черное. Трубников глубоко взгляделся в свои карие глаза и отметил в них необычайную мрачность. То, что его глаза большей частью были неподвижными, об этом знали все, а вот врожденную мрачность в них не замечал никто, кроме самого хозяина. Кстати, эту дурацкую привычку разговаривать, не разжимая губ и все более одной половинкой рта, Трубников приобрел уже после того, как основал свое издательство, то есть в девяносто четвертом году. А роман? Когда же он начал писать роман? Ах да, в восемьдесят девятом.

То, что прочел Трубников, почему-то взволновало, хотя изложено было далеко не мастерски. Это Евгений не мог не отметить, как профессиональный литератор. Однако эту средневековую харчевню на окраине Парижа он будто видел собственными глазами. И не просто видел, но даже чувствовал ее пряные запахи. А пахло в ней одним и тем же: парами Бургонского и жареной гусятиной. Да еще потными шляха-

ми. Словом, полный шарман! Неужели тоже крыша едет?

Трубников скользнул ладонью по своей светлой шевелюре, гладкому лбу, по складке, у рта и при этом заметил, что зрачки его по-прежнему остались неподвижными. Он подумал, что надо завязывать с этой черной одеждой, придающей лицу мрачность.

Евгений подошел к окну. За окном мело и завывало. Сквозь снежную мглу по дороге неслись машины. «Тоска», — еле слышно прошептал Трубников.

10

Мрачный Шарль, входя в харчевню «Три гуся», обычно сразу следовал к одному и тому же столику в углу. Это был самый темный угол в заведении. По этой причине, за него никто не садился. Но если кто и садился, то сразу, при появлении Шарля, поспешно перебирался в противоположный угол. Самый знаменитый убийца в Париже, переступив порог «Трех гусей», останавливался и некоторое время стоял на месте, как бы для того, чтобы перевести дух. На самом деле он давал возможность тем, кто сидел поблизости от его столика перебраться за другие столы не так панически. После чего, неспешно и ни на кого не глядя, следовал в свой угол, садился и замирал, уставясь в одну точку. Тут же подлетал хозяин, ставил перед ним кувшин Бургундского и спрашивал:

— Как всегда запечь гуся?

Шарль мрачно кивал, не глядя на хозяина, и хозяин тут же исчезал. Через некоторое время он приносил скворчащую яичницу, обильно посыпанную луком, и ломоть черного хлеба. В ожидании гуся, Шарль молча пил вино и, не спеша, ел яичницу. Он никогда ни с кем не разговаривал, никогда не играл в кости и никогда не вмешивался в разговоры. Отуживав, он молча кидал на стол золотой и сразу удалялся, не обращая ни на кого внимания. Вся харчевня облегченно вздыхала, и тогда в «Трех гусях» начиналось истинное веселье. На музыкантов нападало вдохновение, красотики принимались выплясывать и хохотать, а мужчины — затевать драки.

О чем речь? Мрачного Шарля боялись все, кроме кудрявого весельчака Пьера. Он был мелким воришкой и страстным игроком в кости. Пожалуй, Пьер был единственный, кто позволял себе громко кричать и затевать ссоры при Шарле.

Но если бы только ссоры. Однажды, проигравшись до нитки в кости, он бесстрашно подошел к известному убийце, который только что вгрызся в жирную тушку гусыни, и нагло попросил франк. Шарль остановил на нем свой тяжелый взгляд и, не произнеся ни слова, кинул на стол монету.

В тот холодный зимний вечер Шарль зашел в харчевню засветло. Так рано он не приходил никогда. «Должно быть, ближе к ночи, его ждало какое-то дело», — подумал Пьер, сидящий в одиночестве за дубовым столом. Он перебирал кости и ждал игроков. Их пока не было. Они все еще сидели в своих холодных лавках, а Пьер весь день провел в теплой харчевне перед жаровней, поскольку на улице было жутко. Воровать в холодную погоду было не с руки. Искусства лазанье по карманам требует обаяния и подвижности пальцев. Но о каком обаянии может идти речь, если на рыночной площади метет и пальцы превращаются в деревянные обрубки.

Шарль, как обычно, переступив порог харчевни, остановился в дверях перевести дух и вдруг неожиданно направился к Пьеру. «Так и есть! Сейчас потребует назад свой несчастный франк», — подумал Пьер. Сегодня у него было три франка. Но они были приготовлены для игры.

— Привет, Шарль! — вежливо произнес Пьер. — Я не забыл, что должен тебе франк. Я верну его тебе завтра. Сегодня меня ждет удача в кости. Под утро мне приснилось, что я украл из королевского дворца тушу косули. А это первый признак везения в игре.

Шарль ничего не произнес в ответ. Он молча плюхнулся на табурет и мрачно засопел носом. Когда Пьер взгляделся в его лицо, то понял, что франк убийцу не интересовал. Глаза его светились. Светились впервые в жизни каким-то особенным светом.

— Представь себе, Шарль, — продолжал Пьер. — Тащу я эту тушу на плечах и чувствую затылком ее нежное, мягкое прикосновение. Такого я никогда не ощущал, не ел и даже не касался руками. И вот держу я эту косулю на шее и усмехаюсь про себя во сне, что я, простой босяк с торговой площади, сейчас отведаю еду, предназначенную для самого короля. Такая радость была у меня во сне. К чему это, как не к везению?

В это время подскочил хозяин с кувшином Бургундского, поставил его перед Шарлем и с любезной улыбкой спросил:

— Как всегда запечь на вертеле гуся?

Обычно Шарль только кивал, но на этот раз подал голос:
— И моему другу тоже. И еще вина.

Хозяин удивленно покосился на Пьера и тут же исчез. «Вот это да? — подумал Пьер. — С чего он сегодня такой щедрый?»

Вскоре на столе появился второй кувшинчик Бургундского, и Пьер жадно припал к вину. Утолив жажду и отдышавшись, он благодарно посмотрел на Шарля. Шарль улыбнулся, хоть и одной половинкой рта, но как-то очень светло. Не глядя на Пьера, он произнес хриплым голосом.

— Сегодня лучший день в моей жизни. Меня хочет видеть сама королева Марго. Сразу же после вечерней молитвы она будет ждать меня в Лувре.

Пьер едва не захлебнулся слюной от такого известия. Он вытаращил глаза, и крупная дрожь пробежала по его тощему телу.

— Что? Ты сегодня будешь разговаривать с Божественной Маргаритой де Валуа?

— Так же как с тобой. С глазу на глаз, — усмехнулся Шарль.

Пьер, забыв о вине, оцепенел. О невероятной красоте Марго ходило много слухов, как впрочем, и о ее распутстве. Но в распутство королевы Пьер не верил, а слухи о ее красоте были сильно преуменьшены, потому что в действительности она оказалась гораздо прекраснее, чем простолюдины описывали на площадях.

Пьер видел ее лично. Специально для того, чтобы увидеть Маргариту, он ночью пробрался в собор Святой Марии и спрятался за кафедру.

Это был самый страшный грех, который только можно вообразить, — прийти в святую святых ради похотливого желания увидеть распутницу. Но когда наутро Пьер узрел ее через щель дубовой кафедры, то понял, что все муки ада, которые ему предстоит перенести в грядущем, он пройдет с таинственной улыбкой на устах.

Это была невероятная женщина, за которую не страшно умереть. Роскошные светлые волосы упали на ее белый матовый лоб, когда она опустила на колени перед иконой Богоматери. Королева как будто светилась изнутри, — такой белизны была ее кожа. Вишневые губы, роскошный бюст, грациозный стан и невероятно тонкая талия. Но когда она подняла глаза, Пьер остолбенел. Они были такого пронзительно синего цвета, что все краски Парижа в один миг по-

меркли навсегда.

— Но зачем? Зачем ты понадобился королеве? — спросил Пьер, выйдя из оцепенения.

Шарль перевел на приятеля свой убийственный взгляд, от которого обычно вздрагивают простые смертные (но Пьер его выдержал, потому что был сильно взволнован) и произнес:

— Обычно меня ходят видеть только с одной целью: чтобы я отправил кого-нибудь в лучший мир.

— Она хочет кого-то отправить в лучший мир? — растерянно пробормотал Пьер, чем вызвал широкую улыбку этого мрачного человека. Но теперь улыбка убийцы не удивляла вора. И теперь его не удивлял этот странный свет в глазах Шарля.

Хозяина принес яичницу и два ломтя хлеба. Убийца неторопливо принялся за еду, а Пьер не мог проглотить ни кусочка. Он опять приложился к кувшину, после чего спросил у Шарля:

— Но кого она хочет отправить на тот свет?

— Думаю, свою собственную мать, — равнодушно ответил Шарль, продолжая неспешно работать челюстями.

— Мать? Екатерину Медичи? — восхищенно воскликнул Пьер. — Какая женщина... А сколько она за это заплатит?

Шарль перестал жевать, и глаза его выразили недоумение.

— Неужели ты думаешь, что я могу принять деньги от королевы Марго?

— О да! Конечно. Ради ее величества убивают за один только взгляд.

В глазах Шарля мелькнула презрительная усмешка.

— Я не собираюсь убивать за один только взгляд. В качестве награды я потребую ее тело.

— Тело Марго? — вскрикнул Пьер и почувствовал, как голова пошла кругом. — Ты думаешь, она согласится?

— Куда она денется? — оскалился убийца.

— Но потом тебя самого отправят к праотцам.

— Туда мне и дорога, — улыбнулся Шарль. — Зато хоть несколько мгновений она будет моей.

Его глаза продолжали излучать тихий свет. А до этого в них было беспросветно. В глазах же Пьера читалось только одно: «Как бы я хотел быть на твоём месте».

Весь следующий день Трубников пребывал под впечатлением прочитанного отрывка из романа этого шизика. Глава издательства недоумевал, почему этот невзрачный текст, написанный далеко не мастерским языком, произвел на него такое сильное впечатление. «А вообще, — подумал Трубников, — если бы Колесников двигался в этом направлении, из него бы вышел толк. Его слог не особо красочный, не особо образный и не особо благозвучный, но в нем есть жизнь».

Когда вечером одноклассник снова навестил больного четвертой палаты, то не увидел в его глазах никакого безумства. Диман был таким же, как всегда: бодрым и жизнерадостным. «Может, у него прошло?» — обрадовался посетитель.

— Как себя чувствуешь? — с порога поинтересовался Евгений, окидывая пустую палату взглядом.

— Прекрасно себя чувствую! — ответил с улыбкой Колесников. — Это, — он поднял перевязанную руку кверху, — подживает. Вены уже срослись. А с жилами сложнее. Шевелить пальцами можно будет только через неделю.

— Где твои соседи? — спросил Трубников, описав подбородком полуокружность.

— Телек пошли смотреть. Я тоже хотел пойти, но сестра сказала, что ты придешь.

Трубников двинул к кровати табурет и сел у изголовья.

— Прочел я вчера твоё сочинение. Ты знаешь, понравилось.

Глаза Колесникова радостно вспыхнули.

— Серьезно? Прикальываешься, наверное.

— Скажу более, — солидно чмокнул Трубников. — Если бы роман был написан полностью, я бы его издал в своем издательстве.

— Но это уже свистишь! — засмеялся Колесников. — Твое издательство не издает художественную прозу. Да, и поэзию тоже. Одни только репродукции и рекламные проспекты.

— Для тебя я сделал бы исключение.

Колесников молодецки закинул здоровую руку за голову и лег удобнее, польщенный похвалой.

— М-да! — произнес он мечтательно. — Не плохо было бы издать.

— Не плохо было бы дописать, — вторил Трубников.

— А что, может, еще допишу, — подмигнул Диман. — Но я не верю, что ты издашь. Пожалеешь денег. Литература — вещь не прибыльная. — Колесников тяжело вздохнул и покачал головой. — А когда-то, помнишь, мы мечтали создать свое издательство и выпускать только серьезные книги, в первую очередь, конечно, свои. А что в результате? Я ушел в бульварную журналистику, а ты стал хозяином издательского дома, добился-таки цели, но не печатаешь даже собственных стихов. Потому что не рентабельно. Скажи, десять лет назад мы думали о презренной рентабельности? И в мыслях не допускали! Мы думали только о великой литературе.

— Возможно, я к ней еще вернусь, — улыбнулся Трубников.

— Не обманывай себя, — зажестичулировал Колесников. — Никогда ты уже не вернешься в большую литературу. Ты слишком для этого сыт. Посмотри на свое пузо, уже пиджак на пуговицу не застегивается.

— Возможно, ты и прав, — выпятил губы Трубников. — Я уже никогда не вернусь к стихам. Да и ты уже никогда не допишешь свой роман. А жаль. Я бы опубликовал вопреки рентабельности. Честное слово.

Трубников замолчал, Колесников тяжело вздохнул и покачал головой. После некоторой паузы, Трубников подмигнул приятелю:

— Королеву Марго, ты, конечно, писал с Маргулиной?

— А что узнается?

— Еще как.

— А этого прохиндея Пьера писал с себя?

— Но, почему же с себя? — возмутился Колесников. — Как прохиндея — значит сразу с Димана! Кое-что, конечно, выдернул из своей личности, не спорю, но вообще это собирательный образ.

— Понятно, — кивнул Трубников, спрятав в кулак улыбку. — А Мрачного Шарля писал с кого? Неужели с меня?

Брови Колесникова взметнулись вверх.

— С тебя? Что за бред? В образе Шарля и близко нет твоего. Об этом перце я вычитал в энциклопедии.

Трубников надул щеки и задумался.

— А с кого ты писал... Э-э... — Трубников запнулся, да так и остался сидеть с открытым ртом и неоконченным вопросом.

— Ну? — нетерпеливо подтолкнул Колесников.

— Ладно! Бог с ним, с романом, — махнул рукой Евгений.
— Психиатр с тобой беседовал?

— Сегодня у нас с ним был длинный разговор. Я ему залил про депрессию, но заверил, что подобное больше не повториться. Он поверил. Про убийство, конечно, ни-ни.

Трубников сразу нахмурился.

— Ты опять за свое? Хватит чушь городить! Никакого Олега ты не убивал. Он живой! Ты понимаешь?

Колесников испуганно втянул голову в плечи и с ужасом прошептал:

— Убивал! Еще как убивал! Ты мне не веришь? Я что, потвоему, сумасшедший? Я хорошо помню, как всадил в него две пули. Одну в висок, вторую в лоб. Но в лоб уже потом, в машине.

— Тогда почему он живой?

— Не знаю. Я не уверен, что он живой. Возможно, это его призрак.

Зрачки Колесникова расширились, и глаза снова сделались безумными. «Зря я начал эту тему, — с тоской подумал Трубников. — Вот идиот, вбил себе в башку и ничем не выбьешь. Нет! Ему все-таки следует подлечиться».

— Призрак, говоришь? А давай я тебе завтра его приведу!

— Не надо, Женька! — истерично закричал Колесников.
— Только не его! Если приведешь, я снова вскрою себе вены прямо у тебя на глазах.

— Успокойся! — выдохнул Трубников, вцепившись в одеяло, которое Диман натянул на лицо. — Хорошо, я его не приведу. Только не кричи.

— Правда? — в глазах Димана сверкнуло что-то детское. Он испуганно повертел головой и прошептал: — Ты знаешь, он ко мне уже приходил. Домой. Я в глазок не посмотрел, открыл дверь, а он стоит такой прозрачный, бледный, грустный — шары выпученные. Стоит и в глаза смотрит. Я ни бе ни ме, тоже стою и смотрю. Пошевелиться не могу от страха. А он вдруг таким слабым-слабым голосом говорит:

— Моя жена у тебя?

Я затряс головой, потому что сказать ничего не могу. Он как-то очень печально вздохнул и сказал:

— Извини. Тогда я пойду.

Развернулся и медленно-медленно пошаркал к лифту с поникшей головой. Но у лифта вдруг резко поднял голову, хищно улыбнулся (ты бы видел его улыбку, Женька!), затем провел пальцем по виску и пропел: «Свистят они, как пули у

виска, мгновения, мгновения, мгновения». Тут я опомнился и захлопнул дверь. Припал к глазку, — а там никого. Как у меня не случился разрыв сердца в ту минуту? Черт его знает!

Трубников внимательно изучал лицо приятеля и видел в нем неподдельную искренность. Если бы это было игрой, Евгений бы почувствовал. Но в глазах Димана не мелькнуло никакого напряжения. «Точно. Он сошел с ума на почве любви к Марго», — пришел к унылому заключению одноклассник.

— И все равно ты не похож на убийцу. У тебя слишком живые глаза. У убийц зрачки неподвижные, — вяло ответил Евгений, не надеясь, что аргумент подействует просветленно.

Больной поднял глаза на друга и с ужасом простонал:

— Женька, а у тебя глаза неподвижные. Может, это ты убил Олега?

12

Когда он почувствовал, что тело Олега начало тяжело оседать на землю, Дмитрий подхватил его под руки и прижал к капоту. В ту же минуту изо рта убитого хлынула вишневая струйка крови. Пистолет еще был в руках, и на открытый мотор капали алые капли. Дмитрия затошнило. «Бросить и убежать! Уехать, куда-нибудь далеко-далеко. Мама!»

Убийца с ужасом осмотрелся по сторонам. Вокруг не души. До машины метров десять. Сердце билось так, что казалось еще немного, и оно проломит грудную клетку.

Колесников схватил убитого за подмышки и повалил на себя. Кровь, наконец, перестала капать на мотор, зато обильно полилась на штаны убийцы. Колесников поволок труп к своему «БМВ», оставляя на дороге две полоски: борозду от тяжелых ботинок мертвеца и тоненькую струйку крови.

Тащить было нелегко. Тело тяжеловато. Олег не относился к хиллякам. «Только бы не выехала из-за поворота машина», — взмолился Колесников и тут же споткнулся о кочку. Он упал, сильно стукнувшись затылком о мерзлую землю. Труп свалился на него.

Колесников долго барахтался под тяжелым телом Олега, прежде чем удалось высвободиться и панически вскочить на ноги. «Бросить труп на дороге и уехать к чертовой матери!»

Дмитрий осмотрелся по сторонам. Вокруг по-прежнему ни

души. Хоть бы вышла Марго из леса и помогла. Так нет. Она словно в воду канула.

Бедняга вновь поддел ладони под руки Олегу, сомкнул их на груди покойника и рывком приподнял. Однако не удержал равновесия и снова упал. Пришлось опять барахтаться под трупом и испуганно выбираться наружу. С третьей попытки Колесников поднял тело и почти юзом поволок к автомобилю. Положив труп на обочину, Колесников снял с сиденья мешковину, расстелил на дороге, катнул на нее покойника и ловко завернул наподобие ковра.

Когда исчезли распахнутые глаза Олега, стала значительно легче. Колесников связал мешковину веревкой и, наконец, втащил этот ужасный куль в автомобиль. Запихнув его на заднее сиденье, страдалец утер рукавом лоб и только тут заметил, что пистолет все это время находился у него в руке.

Дмитрий обтер его снегом и сунул себе в карман. Он попытался оттереть снегом рукав пуховой куртки и штаны, но ничего не получилось. Кровавые пятна только размазались и увеличились в объеме. «Где же эта чертова Марго?» — с отчаяньем простонало внутри. Машина распахнута, капот открыт, на двигателе кровь.

Убийца вытащил из кармана носовой платок, приблизился к «Жигулям» Маргулиных и тщательно стер с двигателя кровь. Но опять-таки только размазал. После чего закрыл капот и помчался к своей «БМВухе». Время уже поджимало.

Дмитрий быстро завелся, развернулся и помчался в сторону трассы по кочкам и буеракам. Он увидел в зеркальце, что Маргулина так и не вышла из леса.

Когда машина исчезла из поля зрения, Колесников прибавил скорость. Трясти стало сильнее. Водитель с ужасом услышал, что пассажир на заднем сиденье издает какие-то звуки. После этого он сполз с сиденья и затих.

Выехав на трассу, Дмитрий на полной скорости рванул в сторону области, но внезапно впереди у поста ГИБДД с ужасом увидел вереницу легковых машин. Судя по всему, патрульная служба учинила очередной шмон. «Ах, да! — вспомнил Колесников, ударяя по тормозам. — Как же он забыть о взрыве на «Белорусской». Теперь на все постах облавы. Вот это влип!»

Убийца с ревом развернулся через две сплошные и на полной скорости рванул обратно в Москву. Куда? Куда бросить труп? Все речушки, попадавшие по пути, были покры-

ты льдом. Увезти мертвеца в лес за город и сжечь? Но на дорогах менты.

Уже темнело, а Дмитрий все никак не мог принять решение и колесил по всей Москве, как проклятый, преимущественно в районе набережной. Но открытой воды нигде не было, а разъезжать с таким пассажиром за спиной было все опаснее. Кругом одни патрульные машины. К сумеркам их выползло как тараканов.

Неожиданно сзади послышался шорох. Колесников обернулся и от ужаса вместо тормоза нажал на газ. Валявшийся под сиденьем куль шевелился. Только чудом машина не врезалась в столб. Бедняга круто развернулся на месте и съехал под мост. Под ним было темно и, кажется, ни души.

Дмитрий включил в салоне свет и убедился, что зрение его не обманывает. Мертвец в мешке действительно дергался. Дрожащей рукой Колесников достал из кармана револьвер, взвел курок и несколько минут с ужасом смотрел на мумию, которая, как будто унюхав пистолет, замерла. Может, ему показалось? Может, это от тряски машины?

Диман протянул руку к голове, и завернутый в мешковину дернулся. Колесников вскрикнул и выставил вперед револьвер. Дрожащей рукой он нащупал через мешковину лоб, подставил к нему дуло и выстрелил. Труп встрепенулся и затих. Пуля прошла насквозь и зарылась в сиденье.

В ту же минуту от бетонной стены отделились две тени и понеслись по ступеням вверх. «Да здесь кто-то был?» — ужаснулся Колесников. Он быстро потушил свет и включил фары. Но те двое уже были на мосту.

Колесников с яростью развернулся и рванул обратно на дорогу. Описав автодорожный круг, он въехал на мост. На нем было четверо. Какой-то мужчина с сумкой через плечо, бабушка с палочкой и двое подростков: парень и девушка. Юная парочка, взявшись за руки, шла навстречу «БМВ» независимой походкой и улыбалась.

«Вряд ли это они, — подумал Дмитрий. — Скорее всего, он спугнул каких-то бомжей? Черт с ними! Надо сматываться поскорее».

В тот вечер бедняге ничего не оставалось, как вернуться к себе на Ленинский проспект, поставить машину с трупом в гараж и отправиться домой. За ночь может придти что-нибудь умное.

И действительно, войдя в квартиру и хлопыстнув стакан коньяку, Колесников вспомнил о пруде на Воробьевых горах.

Там, в парке, на территории дворца пионеров каждое утро купаются моржи. А значит, есть прорубь...

В ту ночь Дмитрий ни на минуту не сомкнул глаз. Он пил, и не пьянел. А сон не шел. Единственно, в чем помог коньяк, — он несколько унял тряску. Но в половине седьмого, когда нужно было выходить, беднягу затрясло с новой силой.

Колесников выпил кружку крепкого кофе и спустился в гараж. Куль лежал на том же месте в пространстве между сиденьями. Только мешковина на лбу мертвеца стала черной от запекшейся крови. Дмитрий заставил себя прикоснуться к покойнику. Он был ледяным и жестким. В ту же минуту водитель энергично выехал из гаража и понесся на Ленинские горы.

Когда он въехал на территорию Дворца пионеров, стало уже светло. Дмитрий проследовал по парковой аллее, которая, к его удивлению, оказалась расчищенной от снега, доехал до пруда и подпрыгнул от радости: в белом пруду сиял огромный черный прямоугольник метров десять в длину и пять в ширину.

Колесников выскочил из машины и осмотрелся. Вокруг ни души. Не теряя времени, он схватил куль за веревки и поволок к воде. Протащив его по всей длине проруби, к тому месту, где должно быть всех глубже, Колесников быстро сбежал за гирей, привязал ее к мумии и сделал попытку столкнуть.

Однако мумия совсем не собиралась идти в воду. Колесников пихал ее руками, пинал ногами, но привязанный к гире труп не двигался. Дмитрий скользил по льду и дважды падал, но эффекта от этого не было. Наконец он догадался перенести гирю на самый край проруби. Эта полтора пудовая дура тут же подломила под собой кромку и потащила тело на дно. Колесников пнул мумию ногой, и этот ужас, завернутый в мешковину, наконец, с бурлением и недовольством скрылся под водой.

Дмитрий стоял на льду весь мокрый и потерянный. Известно, сколько бы он еще проторчал над прорубью с опущенной головой, если бы вдруг не услышал гул машин.

Несчастный бросился к своему «БМВ», сел за руль и прислушался. Шум явно доносился с той стороны аллеи, откуда он прибыл сам. Пришлось завести автомобиль и рвануть в противоположную сторону. Завернув за будку, Колесников с ужасом обнаружил, что дальше дороги нет. Он хотел развернуться, но услышал гул приближающихся машин так отчетливо, что ему ничего не оставалось, как заглушить мотор

и выскочить из машины.

Дмитрий осторожно выглянул из-за будки. Прямо на него неслась милицейская машина. «Это конец, — сказал он сам себе, и тут же добавил, вспомнив анекдот про Штирлица. — А где же пистолет?» Не теряя времени, Колесников вытащил из кармана револьвер, дрожащими руками стер платком отпечатки пальцев и закинул в сугроб. Как же они выследили, собаки?

За милицейским «Москвичом» следовал черный «Мерседес». Обе машины остановились одновременно. Также одновременно из них выскочили охранники, из первой — в милицейской форме, из второй — в штатском. Те, что были в милицейской форме, встали спиной к Колесникову, а те, которые в штатском, — спиной к аллее. Наконец один из амбалов открыл переднюю дверцу «Мерседеса», и из него вышел невысокий мужчина в рыжей дубленке и кожаной кепке. Он быстро скинул одежду, обнажив здоровое тело, и без лишних церемоний бросился в прорубь. Бодро проплыв до конца и обратно, он выскочил на снег, и ему тут же подали полотенце.

— Ну, как водичка, Юрий Михайлович, — поинтересовался один из телохранителей.

— Водичка отличная, — бодро ответил морж. — Только ногой я, кажется, что-то задел.

— Вам показалось, Юрий Михайлович, — произнес телохранитель, принимая полотенце. — Это самый чистый пруд в Москве.

— Может, и показалось, — миролюбиво согласился морж.

13

— Ну, как наш друг? — спросила жена, едва Евгений переступил порог квартиры.

— По-моему, полная шизофрения.

Трубников, не спеша, разулся, повесил пальто на вешалку и по привычке закинул кепку на шкаф. После чего проследовал на кухню, тяжело опустился на табурет и задумчиво уставился в окно. За окном цветными огнями рассыпалась ночная Москва. Было влажно. С крыши капало. Вчера мело, сегодня тает. «Что случилось с климатом?» — равнодушно мелькнуло в голове.

Жена налила мужу ананасовый сок и поставила перед

ним салат из креветок. Затем сыпанула в тарелку рис и сверху положила половинку жареного цыпленка.

— Зачем так много? Я же не съем, — поморщился Трубников и неохотно принялся жевать.

Настя села напротив и подперла кулачком щеку.

— Значит, говоришь, шизофрения?

— Полная! — ответил Евгений с набитым ртом. — Сначала, когда я вошел, он был вроде ничего. Мы вспомнили молодость, поговорили о литературе. А потом его как понесло...

Евгений вздохнул, недовольно взглянул в свою тарелку и снова поморщился.

— Ну, ни съем же, не съем.

Тем не менее, он аккуратно взял курицу за ножку и аппетитно вгрызся в середину.

— Полная шизофрения, полная, — продолжал Евгений.

— Он с такими подробностями рассказывал, как убивал Олега, в таких расписывал красках, что у меня мурашки по телу бегали. Я как будто сам присутствовал при этом. Вот воображение у человека! Нет! В нем определенно погиб прозаик.

Евгений хмыкнул и начал расправляться с курицей более энергично.

— Но зачем его нужно было убивать? — пожала плечами жена. — Он хотя бы объяснил?

— Все объяснил, — кивнул Трубников. — По его словам, дело было так: накануне ему на работу позвонила Маринка Маргулина и сказала, что вечером хочет прийти к нему в гости, чтобы поговорить по очень серьезному делу. Намекнула, что с мужем они расстаются. Разумеется, перед этим тонко осведомилась, по-прежнему ли он питает к ней нежные чувства, или припарки молодости прошли? Представляешь Димкину радость? Он за ней с шестого класса ходил, облизываясь. Можно сказать, не женился из-за нее. И вот мечта поэта звонит сама...

— А ты спросил, присутствовал кто-нибудь при этом звонке? — перебила Настя.

— Зачем? — удивился Евгений. — Ты действительно думаешь, что Маргулина ему звонила?

— Значит, не спросил. Ладно. Дальше!

— А дальше она сказала, что явится к нему домой в семь вечера. Явилась, как обещала, ровно в семь. Диман сразу ее лапать, а она: пардон, мсье, сначала дело, а потом уже тело. И ставит условие: убиваешь мужа — тогда я твоя.

— Но зачем? — ужаснулась Настя. — Зачем ей это надо? К чему вся это итальянщина? Нельзя просто развестись?

— Все очень просто. Как объяснила Маргулина (со слов Димки, конечно), она не может жить с мужчиной, у которого унижено достоинство. Мужчины свои унижения должны смыть кровью. Не больше, не меньше. А ведь действительно Олег не упускал возможности поизмываться над Димкой. И главное, насколько я знаю Маргулину, это совершенно в ее стиле. Марго запросто такое предложит. И даже не моргнет.

— Она такая! Это точно. Ну, и что дальше?

— А дальше, она подробно проинструктировала, где, когда и при каких обстоятельствах Диман должен грохнуть Олега, вплоть до того — в какой висок выстрелить. Брр!

Трубникова передернуло. Он брезгливо кинул недоеденную курицу в тарелку и жадно припал к соку.

— Диман все так и сделал, как она сказала. Поехал за ними за город. На проселочной дороге, неподалеку от турбазы «Старая мельница» они остановились. Олег полез в мотор, а Маргулина удалилась в лес. Диман притормозил у него за спиной, подошел сзади и выстрелил в висок.

Жена поежилась и произнесла, покачав головой:

— И ты полагаешь, все это можно придумать?

— Это еще не все. Слушай дальше! После этого он завернул труп в мешковину и начал искать место, куда его сбросить. Хотел погнать в область, а везде на выезде стоят милицейские кордоны, потому что перед этим был взрыв на «Белорусской». Ну, ты помнишь. Так вот, Диман с трупом ездил до тех пор, пока тот не начал дергаться.

— Женька, все! Кончай! — замахала руками Настя.

Трубников расхохотался.

— Тогда Диман прямо в машине пустил в мертвеца вторую пулю. И пробил башку насквозь. Самое интересное, что Колесников машину с трупом поставил на ночь в собственный гараж. Скажи, здоровому человеку придет такое в голову? Словом, от покойника он избавился только на второй день. Сбросил его в пруд на Воробьевых горах, где купаются моржи. А на обратном пути столкнулся с мэром.

— И ты считаешь, все это можно сочинить? — произнесла с клацающими зубами Настя.

— Можно, — ответил Трубников. — Шизики еще не так сочиняют.

Хозяйка собрала со стола тарелки и сложила в мойку.

— Я бы на твоем месте, все-таки поинтересовалась, дей-

ствительно ли пятого февраля Марго звонила ему в газету? Ведь это не сложно. У них в газете в каждом кабинете столпотворение. Кто-нибудь, да слышал.

— Но зачем? — пожал плечами Трубников. — Никто же не убит. Все на месте. И кстати, почему именно пятого февраля? Откуда такие сведения?

— Ты же сам сказал, что он застрелил Олега на второй день после взрыва в метро, — ответила Настя. — А взрыв, насколько мне известно, был вечером пятого февраля. Это первое. Второе: почему бы тебе ни поговорить с самой Маргулиной? Пусть тебе расскажет, как лучшему другу, действительно ли она приходила к Диману после звонка в редакцию? Если Марго сделает большие глаза, значит, тут что-то не то. Тогда спроси у нее, что она делала в тот вечер на Ленинском проспекте у дома номер девяносто пять, в котором Китайский ресторанчик? Если Маргулина начнет свистеть, что в это время была в другом месте, намекни, что ее видели. Девушка была в белой шубке, в пласированной юбке и в бордовом кепи.

Трубников не сводил глаз со спины жены, моющей в раковине тарелки, и от изумления не мог даже возмутиться.

— А откуда ты знаешь, что она была на Ленинском проспекте? — спросил он, наконец, с раздражением.

— Видела лично.

— А тебя как туда занесло?

— Я была в Китайском ресторанчике. Ты же знаешь мою любовь к китайской кухне. Если бы ты тоже любил есть палочками рис, то мы были бы вместе. Так вот, выхожу я в тот вечер из ресторанчика и сразу вижу Марго. Она только что вылезла из своей «девятки» и заперла машину. Время было без десяти семь. Меня Маргулина не заметила. Ну, я тоже сделала вид, что ее не увидела.

— Да, любопытно, — нахмурился Трубников. — Диман действительно живет на Ленинском проспекте в девяносто пятом доме.

— Даже так? — удивилась Настя, сорвав со стены полотенце. — Не знала. А, кстати, вот тебе еще информация к размышлению. Шестого февраля, как раз в день убийства, около пяти вечера Маринкин муж позвонил в свой институт и попросил, чтобы его уволили. Ему ответили, чтобы пришел на следующий день и написал заявление. А он: «Прийти не могу, срочно уезжаю, но могу прислать факс с заявлением об увольнении». И тут же прислал.

— В пять, говоришь? — закусил губу Трубников. — Приблизительно, через два часа после убийства? А, кстати, откуда ты об этом знаешь?

— Звонила к нему в институт.

— Зачем?

— Из любопытства. Чует мое сердце, что здесь что-то не то. Ведь после этого звонка Олег исчез. Его месяц не было в Москве.

— А это еще откуда?

— Людка Зыбина говорила. Но это так, детали. Меня вот что резануло: ты только что сказал, что когда Колесников выстрелил в Олега второй раз, то пуля прошла насквозь. Я не ослышалась? Если так, то куда делась пуля?

— Как я понял, осталась в сиденье?

— А что если тебе посмотреть, действительно ли она в сиденье?

— Но зачем, зачем, я не понимаю? — раздраженно тряхнул головой муж. — Ведь на самом деле никто не убит.

14

Трубников весь вечер хмурился и был сердит. Газеты вызвали зевоту, телевизор — тошноту, читать классику не хотелось, писать — тоже. Жена сидела рядом, листала журнал и молчала. Ее молчание действовало угнетающе. Наконец глава семейства не выдержал, достал записную книжку и принялся листать. Ткнув пальцем в какой-то телефон, Трубников набрал номер и произнес:

— Гена, привет, это Женя Трубников. Еще не спишь?

— Здорово, старик! Не узнал. Богатым будешь.

— Я хочу спросить о Колесникове. Что с ним случилось? Ты ведь там же работаешь?

— Там же, но в другом отделе. О Колесникове мне известно только одно, что он уже неделю не появляется в редакции и на звонки не отвечает. Начальник отдела говорит, что у него запой. Хотя, насколько я знаю, он не особо пьющий.

— Диман себе вены перерезал, и в данный момент лежит в больнице.

— Да ты что! Из-за чего? Его кинули? Ведь он квартиру, кажется, собирался покупать на Ленинском проспекте.

— Все гораздо хуже. У него крыша поехала от любви.

Кстати, ты случайно не в курсе, звонила ему пятого февраля одна дамочка по имени Марго? В тот день еще был взрыв на «Белорусской».

— Ну, старик, спроси, чего полегче. Прошло уже столько времени. Кто же помнит? Тем более что я в другом отделе. Если хочешь, я позвоню Юльке. У них столы рядом. Может она что-то вспомнит? Хотя вряд ли. Я тебе перезвоню минут через десять.

— Что говорит Генка? — подняла голову жена, когда Трубников водворил трубку на аппарат.

— Сейчас перезвонит.

Живейший интерес жены к этой истории Евгению решительно не нравился. Прошло более получаса тягостного молчания, прежде чем Генка позвонил.

— Ты знаешь, помнит! — радостно воскликнул он. — А знаешь почему? Потому, что в тот день Колесников должен был сдать материал по заседанию Московской думы. И вот часа в два ему звонит роковая женщина. Когда он услышал ее голос в телефоне, то, по словам Юльки, сразу переменялся в лице и затрясся. Диман действительно называл ее Марго. После того как они переговорили, Колесников начал упрашивать Юльку написать репортаж за него, сославшись на то, что сегодня решается его жизнь. После чего убежал домой. А Юлька отдувалась одна.

— Спасибо Гена! Ты мне многое прояснил.

— Не за что, старик.

Трубников бросил трубку, поднялся с кресла и начал нервно шагать из угла в угол.

— Звонила? — спросила жена.

Евгений кивнул.

— Что ты намерен делать?

— Звонить Маринке.

Трубников бросился к телефону и набрал номер Маргулиной. На том конце провода долго не брали трубку. Евгений посмотрел на часы. Было пятнадцать минут первого. «Поздновато?» — подумал Трубников, и в телефоне, наконец, оборвались позывные.

— Да, — услышал Евгений сонный голос бывшей одноклассницы.

— Привет Марго. Извини, если разбудил.

— Женька, это ты? Чего так поздно звонишь? Соскучился?

— Ты слышала, что Димка перерезал себе вены? — стро-

го спросил Трубников.

— Боже мой! — ужаснулась Марго. — Насмерть?

— Откачали.

— Слава Богу. А что с ним?

— Тебя надо спросить? После твоего визита у него произошел сдвиг по фазе.

В трубке воцарилась недоуменная пауза.

— Какого визита?

— Ну, в понедельник, пятого февраля. Забыла? Сначала ты ему позвонила на работу. Это было в два часа дня. А вечером ты приехала к нему домой.

— Я ему звонила на работу? — удивленно повторила Марго.

— Ты что, не помнишь? Его коллеги помнят, а ты нет. Странная у тебя память, Маргулина.

Интонация Трубникова начала приобретать металлические оттенки. Новая, еще более длительная пауза воцарилась на том конце провода.

— Женька, ты чего буровишь? — сердито произнесла Марго. — Я никогда не приходила к нему.

— Но тебя видели, дорогая! В семь часов вечера на Ленинском проспекте у Димкиного дома. Ты была в белой шубке и в юбке-разлетаике, и еще в своем любимом французском кепи. Ну, кто еще, кроме тебя, в Москве может так изысканно одеваться?

— Кто видел? — рассеянно спросила Марго.

— Это не важно, кто? Ты хочешь сказать, что не была в тот вечер на Ленинском проспекте?

— Что-то не припомню, — зевнула Маргулина. — Дай сообразить. Кажется, нет.

— А на второй день ты поехала с мужем на скачки?

— На скачки?

— Ну да, на скачки. С Олегом! А после скачек вы поехали за город на турбазу «Старая мельница».

— А «Старая мельница»? — рассмеялась Марго. — Ты хорошо осведомлен! Да, мы ездили с Олегом на «Старую мельницу». И на скачках были. Извини, спросонья никак не могу врубиться. Ты не можешь перезвонить минут через десять? Мне нужно Олегу поставить банки.

В телефоне раздались короткие гудки, и Трубников с тяжелым вздохом оторвался от трубки.

— Что она говорит? — спросила жена.

— Здесь помню, а здесь не помню. Попросила перезво-

нить через десять минут.

Однако ни через десять минут, ни через двадцать дозвониться не удалось. К телефону никто не подходил. Видимо, отключили. «Ничего. Завтра утром я до тебя доберусь», — подумал Трубников, укладываясь в постель. Только этому сбыться было не суждено. Наутро его ждал сюрприз.

15

Это случилось рядом с его конторой, на шоссе, неподалеку от Крымского моста. Внезапно тормознула патрульная машина. «Что за черт?» — выругался про себя Трубников, поскольку его не останавливали никогда. Менты почему-то были с автоматами и настроены весьма враждебно. Они не удовлетворились одним осмотром документов и потребовали открыть багажник. После чего, внимательно осмотрели салон, прощупали сиденья, простучали дверцы, наконец, на глазах у Трубникова залезли в «бардачок» и вытащили из него какой-то маленький сверточек, обернутый в папиросную бумагу. Его развернули. Под бумагой оказалось беленькая коробочка, а в ней несколько миниатюрных пакетиков с белым порошком. Один пакетик вскрыли, понюхали, попробовали на язык и сразу оживились.

— Ваше? — спросил капитан, поднеся к носу водителя порошок.

Трубников пожал плечами и недоуменно pokrutil головой.

— Понятие не имею, что это такое? И как вообще ко мне попало?

— Не имеете понятия? — хитро прищурился мент. — Ну, это все так говорят.

Командир кивнул подчиненным, и в ту же секунду на Трубникова налетели орлы. Они закрутили ему руки, уткнули носом в капот и надели наручники.

— В чем дело? — возмутился водитель.

— Заткнись! — ответил капитан и поднес к губам рацию.

— Нами только что задержан наркокурьер. При нем обнаружен героин. Сейчас доставим.

«Что? Опять наркотики? — с тоской мелькнуло в голове.

— Но это уже даже не смешно...»

Трубникова посадили в милицейскую машину и повезли в отделение. Ничего не оставалось, как угрюмо опустить голо-

ву и временно онеметь. По своему опыту он знал, что доказывать что-либо в такой ситуации — бесполезная трата времени.

А ведь с наркотой была связана третья подлость Колесникова, из-за которой его выперли с третьего курса Литературного института. Потом он, правда, восстановился заочно, но потерял год, и из-за этого не попал на Всемирную писательскую конференцию в Нью-Йорке.

Случилось это в девяносто первом году. Московский Союз Писателей отправил в тридцатидневное турне по Индии группу молодых поэтов. Разумеется, в эту десятку вошли Трубников с Колесниковым, три поэта из провинции, четыре девушки из Питера и крутуазный моренист.

— Почему крутуазный? — удивлялись поэты из провинции.

— Ну, значит, крутой! Фанеру жует!

— Так бы и сказали. А почему моренист?

— Потому что уморил своими стихами всю Москву.

Поездка была замечательной. Колесников крутил шашни со всеми четырьмя ленинградками и подбивал их остаться в Индии. Провинциалы с утра садились в позу лотос и начинали нашептывать какие-то странные мантры, Трубников целыми днями слонялся по городу с кинокамерой, и отдувался за всю группу приходилось крутуазному моренисту Свисто-плясцеву.

Индусам, которые ни бум-бум по-русски, его поэзия пришлась по душе. Как только он начинал свое «С дерьмом я общался, в дерьме тусовался, дерьмом упивался, да, где ж мне набраться, братва, куртуазных изысков?» индусы умиленно закатывали глаза, а девчонки закрывали ладонями рты и в панике выбегали из зала. Словом, поездка удалась, если не считать нового прожекта Колесникова по поводу не возвращения в Россию.

— Какая чушь! Что мы здесь будем делать? — возмущался Трубников.

— Добывать яд из кобр. Откроем малое предприятие по производству лекарств.

В это время Колесников был одержим новой идеей — разбогатеть любой ценой. По его уверению, главное заработать миллион. И после этого уже можно не думать о хлебе насущном, и, наконец, всерьез заняться поэзией. Именно с этой целью он хотел остаться в Индии, полагая, что в ней больше возможностей для осуществления такого прожекта.

Втайне он мечтал найти бесхозный алмазный карьер, которых в Индии, по его уверению, было на каждом шагу. Однако ближе к концу турне, Колесникова, как и всех, охватила чисто русская ностальгия по бардаку, и он больше никого не уговаривал остаться в стране чудес.

Но внезапно на российской таможене пограничники обнаружили в чемодане Трубникова почти килограмм гашиша. Студента Литературного тут же отстранили от группы, арестовали и препроводили в кутузку. Все десять дней, проведенной в ней, Евгений пытался доказать, что наркотики ему подбросили враги поэзии, но это было бесполезно. Факты — вещь упрямая. Ему светил солидный срок, так как закон о наркотиках еще не был отменен Хасбулатовым. Только чудом не завели уголовного дела, да и то потому, что за Трубникова вступился Московский Союз Писателей. Как секретариату удалось замять это дело, Евгению непонятно до сих пор, но из института его отчислили и отстранили от поездки в Нью-Йорк.

Когда через десять дней злой, худой и опозоренный студент возвратился в Москву, друг детства уже успел отчалить в Крым. После Крыма Колесников продолжил отдых на какой-то элитной турбазе в Подмосковье, а после турбазы сразу укатил в Нью-Йорк в составе делегации. Из Америки Колесников вернулся прославленным поэтом. Ему удалось издать в Штатах солидную книгу стихов в шикарном переплете. После чего его начали публиковать все столичные журналы.

«Выбился все-таки Диман вперед! Добился-таки своей главной цели!»

Словом, когда друзья встретились снова после его триумфального возвращения из США, злость у Трубникова прошла. Тем не менее, Евгений подкараулил триумфатора на Тверском бульваре, когда тот выходил из ворот института. Отчисленный схватил новоявленную знаменитость за грудки и сильно встряхнул.

— Однако своеобразно ты меня поздравляешь, — произнес Колесников, нисколько не испугавшись.

Поздравитель впечатал его в семинаристскую стену под доску Платонову и прохрипел с вопросительной интонацией:

— Говори, это ты мне подсунул гашиш в чемодан?

— Я, — шмыгнул носом Колесников.

Чистосердечное признание товарища выветрило последнее крупичье обиды. Трубников тяжело вздохнул и опустил руки.

— Зачем? — спросил он устало.

— По глупости, — ответил Колесников. — Откуда я знал, что тебя за это турнут из института и накроется твоя поездка в Нью-Йорк? Я хотел просто немного подзаработать на контрабанде. Не более того.

— Но почему ты сунул гашиш именно в мой чемодан?

— Понимаешь? У тебя морда благородная. Я подумал, ну, какому дураку взбредет в голову искать наркотики у тебя? Прости! В этой чертовой Индии я совсем забыл, что мы живем в стране дураков.

Трубников больше ничего не спросил. Он развернулся и пошел прочь. Колесников сам догнал его у Никитских ворот и начал умолять простить его за эту дурость. Пожалуй, это был единственный случай, когда Диман признал свою вину. И Трубников его простил.

И вот по прошествии девяти лет ему снова подкинули наркотики. «А может, это дело рук того же Колесникова? — соображал глава издательства, сидя на нарах в сизо. — Может, Диман замыслил какой-то свой очередной прожект? Может, все это игра? Хотя игра игрой, а вены он перерезал натурально».

Трубникова допрашивали три дня. Шили дело по героину и припоминали гашиш, который он пытался провести через границу в девяносто первом году. Оказывается, данные о гашише до сих пор хранились в архивах, несмотря на то, что дважды менялась власть. Говорили открытым текстом, что на этот раз он вляпался капитально и без лохматой руки не выкарабкается. Пришлось тревожить своего знакомого из Управления по борьбе с организованной преступностью. Полковник Кожевников затребовал дело Трубникова, и сразу после этого его освободили по подписке о невыезде.

— Дело тухлое, — покачал головой полковник. — Против тебя их кто-то настроил капитально, хотя и анонимно.

— Но вы хоть верите, что наркотики мне подбросили?

— Верю. Но одной веры мало. Будь осторожен. Ты кому-то здорово перешел дорогу. Дело постараюсь замять.

Домой Трубников явился только на четвертый день. На шею сразу бросилась заплаканная жена.

— Ты где был? Я обзвонила все морги.

— Все нормально. Я сидел в сизо.

Глаза жены округлились. Она долго с изумлением всматривалась в осунувшееся лицо супруга, затем упала к нему на грудь.

— Ничего себе заявочки! Хотя... если еще жив, да вдобавок здоров, значит все не так плохо. А грусть с печалью пройдут.

— Цитируешь Колесникова? — усмехнулся Трубников.

— Почему цитирую? — удивилась Настя.

— Потому что это слова из его романа. Ты прочла тетрадку?

— По твоему, мне больше делать было нечего, как читать сочинения Колесникова? — рассердилась жена.

— Странно, — пробормотал Трубников.

16

— Если еще жив, да вдобавок здоров, значит все не так плохо. А грусть с печалью пройдут, — рассмеялась выскочившая из харчевни Луиза. Она подбежала к расстроенному Пьеру и горячо обняла за шею.

— Луиза, отвали! Не до тебя, — простонал Пьер, стряхнув с груди ее руки.

Ему действительно было не до нее. Это пышногрудая, румяная потаскушка сейчас оскорбляла его лучшие чувства. Он вышел на воздух отлить, да так и застыл, уставившись на вечернее небо. На улице продолжала мести, а колючий ветер продолжал струить между домов свою жуткую поземку.

Почему так повезло Шарлю и так фатально не повезло ему, бедному Пьеру, чья возвышенная душа более других нуждалась в Божественных прелестях Маргариты. Если бы она, как Клеопатра, брала за ночь любви жизнь, Пьер не стал бы даже раздумывать.

— Ну, что ты такой скучный? — продолжала теребить Луиза. — От Шарля заразился? Держись от него подальше. Я после него три дня прихожу в чувство. Мужчина он, конечно, сильный, но очень грубый. Ни одного ласкового слова за ночь. Хотя платит щедро. А ночью дергается и страшно ругается. Это его мертвецы донимают, которых он отправил на небо. Но я приспособилась капать ему в вино настойку ландыша. Всего две капли, и он всю ночь спит как ангел.

Пьер перевел взгляд на свою подружку и переспросил:

— Про какую настойку ты говоришь?

— А вот про эту! — кокетливо подмигнула Луиза и двумя пальцами вытянула из своего пышного бюста крохотную склянку.

— Дай ее мне, Луиза, — протянул руку Пьер.

Девушка быстро утопила склянку в своих пуховых шарах и высунула язык.

— Ты хочешь спать, как ангел? Со мной у тебя это не получится! Попробуй, отнять!

Пьер шагнул на нее, но плутовка проворно отскочила в сторону и вдруг, хохоча, понеслась по улице. Бедняга погнался за ней.

— Умоляю, дай мне капли!

— Догони и отними! — озорно рассмеялась девка, гибко увернувшись от его рук.

Пьер остановился и достал из кармана три франка.

— Возьми, Луиза. Это все что у меня есть. Мне не нужна твоя склянка, мне нужно только одно, чтобы ты капнула две капли в вино Шарлю.

— Мрачному Шарлю? — удивилась Луиза. — Ты хочешь, что бы Шарль мне выпустил кишки?

— С выпущенными кишками я буду любить тебя еще больше.

Он подошел к девушке и крепко поцеловал в губы.

— Ой, Пьер! Почему я ни в чем не могу тебе отказать? — томно прошептала она.

Спустя некоторое время вор снова сидел за одним столом с убийцей и был весел, как сукин кот. На столе валялись кости от съеденного гуся. Друзья снова хлестали из кувшинов вино, веселились и даже пытались петь дуэтом. Шарль, конечно, петь не умел, но очень старался подтянуть своему неожиданному другу. Луиза принесла еще две деревянные кружки. Одну поставила перед Шарлем, другую перед Пьером. После чего многозначительно подмигнула. Шарль хлопнул по ее мягкой попе и грубо гоготнул.

— Сегодня вот эти руки будут гладить королевские бедра Маргариты де Валуа. Еще вчера я не мог об этом даже мечтать. Да что вчера? Еще даже сегодня утром.

Пьера перекосило. Он взглянул на свои тонкие руки с длинными пальцами и подумал, что они больше подходят для бедер королевы Марго, чем корявые руки убийцы.

— А, кстати, как ты попадешь во дворец? — поинтересовался Пьер, приложившись к кружке.

Шарль поднес палец к губам и перешел на шепот. Он уже был достаточно Пьян, а Пьер абсолютно трезвым. Ничего не брало его сегодня. Такое с ним было впервые. «Шарль пьян от счастья», — с тоской подумал вор.

— Сегодня, — прошептал убийца, — как только закончится вечерняя молитва, я пойду на мост. Там меня будут ждать двое. После того, как я назову свое имя, они посадят меня в карету и отвезут в Лувр. И там я встречу с Маргаритой.

Шарль подмигнул Пьеру и тоже приложился к кружке. Через некоторое время он сделался очень вялым. Глаза его начали слипаться, а рот все больше кривиться. Он допил вино и уткнулся головой в стол. Пьер потормошил его. Убийца спал мертвым сном.

В это время в харчевню начали входить лавочники и заядлые игроки в кости.

— Это кто? Шарль? — удивлялись они. — Никогда не видели его таким.

— Помогите оттащить его на солому, — опросил Пьер. — Ему надо проспаться.

Мужчины дружно взяли убийцу под руки, отволокли в сени и грубо швырнули в сено. Сами же принялись метать кости. Пьер остался в сенях. Он смотрел на спящего Шарля, и никогда в жизнь его сердце не билось так сильно.

После того, как на башне пробило девять, Пьер стащил с убийцы плащ и сапоги, снял с него шляпу и вышел вон.

На улице продолжало мести, но Пьер больше не замечал ни ветра, ни снега. Когда он, выйдя за город, приблизился к мосту, его сердце радостно встрепенулось: сквозь снежную мглу явно вырисовывались два мужских силуэта в глухих плащах. Пьер ступил на мост и услышал грозный голос:

— Мсье! Через мост прохода нет.

— Я Шарль! — Ответил Пьер.

— Тогда пожалуйста в карету.

Пьер не помнил, как его везли, как вели по заснеженным аллеям к дворцу, как они втроем плутали по коридорам и лабиринтам Лувра. Опомнился он только после того, как его оставили одного в каком-то роскошном зале с белоснежной мраморной лестницей. Пьер осмотрелся. На стенах висели картины, в углу стоял клавесин, на нем канделябр с горящими свечами.

Неожиданно дверь наверху отворилась и вошла она, Маргарита де Валуа. Это было похоже на сон. Огромный роскошный зал, картины, мерцающие свечи и королева Марго, спускающаяся к нему по ступеням, словно с небес.

Ее осанка была грациозной, походка величественной, взгляд божественный, точнее — сатанинский. Ее кожа была настолько бела, что, казалось, сияла своим собственным

светом. Марго была одета в шикарное голубое платье с причудливыми кружевами и глубоким декольте.

Королева остановилась перед Пьером, не дойдя четырех ступенек. Она внимательно осмотрела гостя с головы до ног и произнесла снисходительным тоном.

— Вы и есть знаменитый убийца Шарль?

— Да, ваше величество! — с готовностью ответил Пьер.

— Я вас представляла другим.

— Часто наши представления обманчивы, ваше величество. То не вина людей. То воля Господня, — произнес Пьер, пожирая свое божество сияющими глазами.

— Вернемся к нашим мирским делам. Догадываетесь, зачем я вас пригласила?

— Да, ваше величество. Назовите только имя. И ваше желание будет исполнено.

Глаза ее сверкнули и стали темными.

— Ее зовут Екатерина Медичи, — произнесла она с коварной улыбкой.

Несмотря на то, что гость догадывался, кто будет его клиентом, он все равно непроизвольно вздрогнул. Это не ушло от внимания королевы.

— Вас что-то смущает, мсье? — спросила она.

— Нет, ваше величество. Завтра же я исполню ваше повеление.

Светлая улыбка озарила прекрасное лицо Марго.

— Сколько вы хотите за эту работу? — спросила она.

Сердце Пьера замерло. Потребовались усилия, чтобы совладать с собой.

— Простите мою дерзость, ваше величество, но я не хочу золота. Я хочу вас.

Выдавив это, Пьер почувствовал, как алая краска залила его лицо. Марго едва заметно усмехнулась и спокойно произнесла:

— Хорошо мсье! Вы получите, то, о чем мечтаете, но только после того, как сделаете свою работу.

Она собралась развернуться и уйти, но Пьер воскликнул, дерзко ступив ногой на первую ступень:

— Нет, ваше величество! После этого вы сразу забудете и обо мне, и о своей награде. Сейчас, королева!

Презрительная усмешка тронула вишневые губы Марго. Не произнеся больше ни слова, она взяла тонкими пальцами подол своего платья и медленно подняла вверх...

— Кстати, если тебе еще интересно, Колесников снова перерезал себе вены, — сообщила Настя, едва Евгений проследовал на кухню.

— Что? — вздрогнул Трубников, не поверив ушам.

— Ты удивляешься? Странно. Сам же говорил, что у него крышу сорвало.

— Но откуда тебе известно?

Жена отвела глаза и принялась торопливо накрывать на стол.

— Я звонила вчера в больницу. Думала, может, там знают, куда ты делся? Но мне сказали, что ты не появляешься уже третий день. А Колесников сразу после твоего исчезновения порезал себя бритвой. К счастью, в эту минуту вошла медсестра и не дала ему до конца располосовать руку. Словом, он успел только перерезать бинты и слегка повредить кожу. Лезвие у Колесникова отняли и перевели в изолятор. Не исключено, что он уже в психушке.

Трубников внимательно выслушал жену и нахмурился.

— Но откуда у него лезвие?

— Этого никто не знает.

— А что с ним случилось?

— Сестра сказала, что понятия не имеет.

Без дальнейших вопросов, Трубников поднялся со стула и отправился в прихожую одеваться.

— Ты к нему? — встревожилась жена. — Но возможно его уже нет в больнице. Ты хотя бы позвонил.

— На месте разберемся.

— Поел бы сначала! — с отчаяньем крикнула Настя, но в ответ услышала раздраженный хлопок двери.

Трубников угрюмо катил по Москве и смутно догадывался, что все эти события, связанные с самоубийством Колесникова, какая-то новая хорошо продуманная игра. Если бы Диман не перерезал вены, то Евгений бы не усомнился, что вся эта трепотня по поводу убийства Олега Маргулина не более чем банальный блеф. Правда, непонятно, зачем ему это надо? Но, видимо, зачем-то надо. Умом Колесникова не понять. Однако вены себе он перерезал натурально. Значит действительно чем-то сильно напуган. Что-то в этой истории Диман явно не договаривал. Не пора ли взять его за грудки?

Было около восьми вечера, когда Трубников подкатил к

больнице. Он поднялся на крыльцо и принялся набатывать в закрытую дверь. Минут через десять к стеклянным дверям подошел сердитый вахтер в белом халате. Трубникова он узнал, но замок не отпер.

— Главврач строго запретил посещение больных в непо-
ложенное время, — сказал вахтер через стекло.

— Мой друг еще в больнице? Или его уже перевели?

— Это, который самоубийца? Да нет! Он еще лежит у нас.

— Пусты, дед! — попросил Трубников и вытащил из кар-
мана десять долларов.

— Не могу. Начальство ругается, — развел руками вах-
тер, не отрывая взгляда от купюры. — Ну ладно, иди! В слу-
чае чего, ты прошел через подвал родильного отделения.

Дежурный сокрушенно вздохнул и щелкнул замком. Труб-
ников одним прыжком влетел на второй этаж и сразу на-
ткнулся на знакомую медсестру. Та сделала большие глаза и
испуганно покосилась по сторонам.

— К нему больше нельзя. Главврач запретил. Уходите
немедленно. — Сестра укоризненно покачала головой. —
Мы вас пускаем, делаем поблажки, а вы лезвия таскаете.

— Кто это вы? — сдвинул брови посетитель. — Кто еще,
кроме меня, приходил к моему другу?

— Никто! — растерялась сестра.

Трубников впился в ее глаза, и сестра виновато заморга-
ла. Голубушка явно что-то не договаривала, но разбираться
времени не было.

— Так что у вас тут произошло? — сверкнул глазами Ев-
гений.

Медсестра попятилась от такого напора.

— Я не знаю. В тот вечер настроение у него было нор-
мальное. Он шутил, улыбался. Даже хотел вместе со всеми
пойти посмотреть хоккей, но остался в палате. Думал, что вы
придете. Время полдесятого, десять — вас нет. Ну, зашла я
в одиннадцатом часу, а он сидит на кровати, бледный, тря-
сется, глаза по пятаку, и режет лезвием бинты. Я подбежала,
отняла лезвие. Тут еще нянечки подоспели, помогли его
скрутить. Где взял бритву — не говорит. Только трясется и
глазами испуганно вертит.

— Быстро веди меня к нему, — перебил Трубников и вы-
тащил из кармана зелененькую.

Медсестра снова с опаской зыркнула по сторонам, затем
перевела взор на банкноту и неуверенно спросила:

— Надеюсь, вы без бритвы?

Не дождавшись ответа на свой дурацкий вопрос, она схватила десять долларов и скороговоркой пробормотала:

— Только не долго. Пять минут не больше. Иначе мне голову оторвут.

Медсестра развернулась и быстро засемила по коридору к самой последней двери. Остановившись перед ней, она в какой уже раз воровато покрутила головой, после чего торопливо вытащила ключи и отперла изолятор.

— Я вас запру. Только вы потише разговаривайте, — прошептала женщина и толкнула посетителя за дверь.

Трубников шагнул в изолятор, и в груди у него екнуло. На кушетке, сжавшись, словно побитая кошка, сидел Диман. Он был с головой укутан в одеяло. Его лицо было бледным, худым и безумным. Волосы взлохмачены, под глазами чернота, в глазах — полное отсутствие жизни. Если до этого у Трубникова было подозрение, что Колесников плетет какую-то хитрую интригу, то сейчас оно разом исчезло. «Бедняга просто спятил», — с жалостью подумал Евгений.

При виде Трубникова, Колесников втянул голову в плечи и прижался спиной к стене. Но вдруг глаза его радостно вспыхнули.

— Женька, ты! Фу, как я напугался.

Трубников осторожно приблизился к нему и сел на табурет.

— Здорово, Диман!

— Здорово, Женек! Ты где так долго пропадал? Я думал, ты — все! Больше не придешь.

— Я сидел в следственном изоляторе.

— В следственном изоляторе? — удивился Колесников. — За что?

— Мне кто-то подкинул героин в машину. Сечешь?

Глаза Колесникова расширились. Расширились совсем не по сумасшедшему, а вполне здраво, как всегда они округлялись, когда его что-то удивляло.

— Ты думаешь, это я? Женек, что было — то прошло. Я трижды раскаялся за гашиш...

— Успокойся. Я совсем не думаю, что это ты. Но может, знаешь, кто?

Диман на минуту задумался, затем отрицательно покачал головой.

— Хотя режь меня, даже приблизительно не могу сказать.

Приглядевшись к нему, Трубников подумал, что какой он к черту сумасшедший? Вполне нормальный парнишка. Что же

у него с головой?

— Ну, рассказывай, что произошло?

В глазах у Колесникова мелькнул ужас. Он метнул растерянный взгляд на дверь и затрясся.

— Женька, вытащи меня из этого дерьма, или мне конец.

— Да в чем дело? Говори, не трясись! Что случилось?

— Он приходил! — прошептал Диман и вжал голову в плечи. — В тот вечер все ушли смотреть телевизор, а я сижу, жду тебя. Вдруг дверь так медленно-медленно открывается и входит Олег. Я сначала подумал что ты, пригляделся — покойник. — Колесников выбил зубами дробь и продолжил: — Подходит он ко мне так тихо-тихо, с такой зловещей улыбкой. Я пячусь за кровать и от страха даже пикнуть не могу. И вдруг он поворачивается ко мне боком, и я вижу на его правом виске черную дыру, а вокруг запекающуюся кровь. Он опять поворачивается лицом и вдруг начинает медленно протягивать мне руку. Я пячусь назад и вжимаюсь в стену. Он задирает рукав, и я вижу на его руке чуть повыше локтя черные следы пальцев ног. Покойник усмехается и таким хриплым загробным голосом говорит: «Это след от ноги мэра. Он меня пнул, когда плавал в пруду».

И вдруг кулак покойника разжимается, и я вижу в его ладони лезвие бритвы. Он тянет ладонь мне, а я продолжаю вжиматься в стену. Он не дотянулся до моего подбородка буквально сантиметра. Я даже почувствовал холод, исходящий от его ледяных пальцев. Покойник перевернул ладонь, и бритва полетела на пол. Он опустил руку и, не произнеся ни слова, направился к двери. У двери мертвец обернулся и прошептал с жуткой улыбкой: «Я еще вернусь».

18

После того, как «Мерседес» с милицейским «Москвичом» исчезли также внезапно, как появились, Колесников закрыл лицо ладонями и без сил опустился на снег. То, что произошло, походило на кошмарный сон. Неужели это он, Дмитрий Колесников, на счету которого ни одного точного удара в морду, убил человека? Убил с готовностью, по первой же просьбе своей взбалмошной одноклассницы.

В парке было тихо, если не считать мирного карканья ворон. Кажется, посыпался снег. Колесников это почувствовал затылком. Снежинки залетали за ворот, нежно таяли на шее,

и бедняга думал, что теперь он не достоин даже этой нежности, которой продолжала одаривать его природа. Нужно было подниматься, ехать на работу, врать что-то редактору про свое вчерашнее отсутствие, но сил не было.

Сколько в таком положении он просидел за будкой? Колесников сказать не может. Кажется, за это время ему приснился целый сон, но про что, он тоже не помнит. В какую-то минуту бедняге показалось, что в пруду заплескалась рыба. Но рыба плескаться не могла. Ее в пруду просто не было. Такие звуки мог издавать только новый морж. Но почему тогда от него не исходило бодрящего фырканья и сладострастного стога?

Снова каркнула ворона, и снова Колесникову привиделось нечто вроде сна. Затем он явно расслышал чьи-то осторожные шаги. Они подкрадывались к будке, за которой сидел Колесников. Но и это обстоятельство не вывело его из состояния полусна. Он помнил, что убил человека и просыпаться не хотел.

Неожиданно, чья-то мокрая рука коснулась его плеча. Что она была именно мокрой, Колесников почувствовал даже сквозь куртку. Он испуганно дернулся и открыл глаза. Рядом никого не было. Бедняга поднялся и, осторожно выглянув из-за будки, увидел, что там тоже никого. В черном прямоугольнике пруда, в который он сбросил труп Олега, царила гладь и замогильная тишь. Только снежинки подали на поверхность воды и тут же растворялись. Колесников поежился. Нужно поскорее сматываться, пока не приехал кто-нибудь еще. Сколько же сейчас времени? Как назло и часы он оставил дома.

Прежде, чем сесть в машину, убийца отыскал в сугробе пистолет и закинул его в прорубь. Затем сел в свою «БМВуху» и включил радио. «Сегодня седьмое февраля, среда, в Москве одиннадцать часов», — бодро произнес диктор. «Ого!» — удивился про себя Колесников и выключил радио. Значит, среда. Заседание в Мосгордуме. Спецкор немедленно набрал редакционный номер начальника отдела и деловым тоном доложил:

— Я в Мосгордуме. Сегодня будут принимать какой-то закон в третьем чтении. Я хочу послушать.

— Что за закон? — поинтересовался начальник отдела.

— Пока еще не знаю. Повестку сейчас принесут. Я перезвоню.

— Минуточку. Ты вчера был на заседании Московского

правительства?

— Был, — соврал Колесников. — Ничего интересного.

— Почему не появился в редакции?

— Знаешь, приболел. У меня вчера сразу после заседания схватило живот. Еле до дома доехал. Дома у меня таблетки хорошие. Нет, если бы чего стоящее, — я бы прямым ходом в редакцию, несмотря ни на что. А так — из пустого в порожнее.

— Какие были вопросы? — не унимался патрон.

«Вот черт, не отвяжешься!» — с отчаяньем подумал Колесников и произнес первое, что пришло в голову:

— Первый вопрос: очищение Москвы от снега, второй: рассмотрение законопроекта о переводе нежилого фонда в жилой.

— Ладно, информируй, что там, в Думе. Только не пропадай! — произнес шеф и, наконец, положил трубку.

Колесников облегченно вздохнул и тронулся. Когда он проезжал мимо пруда, то ему показалось, что поверхность воды как-то неестественно всколыхнулась, причем именно в том месте, где покоилось тело Олега. Под ложечкой похолодело, и нога сама собой выжила полный газ.

Уже Воробьевы горы остались позади, а Колесников все гнал и гнал на всю катушку, поминутно оглядываясь назад. Успокоился он только у здания Мосгордумы. Во второй половине дня депутаты действительно собирались принимать закон о добровольной передачи частного жилья в муниципальную собственность.

В тот день спецкор написал об этом небольшую заметку с комментариями и еще по просьбе редактора извлек и обработал две информации из «рио-новостей». Словом, в ту среду, седьмого февраля в редакции ничего необычного в поведении Колесникова не заметили, а о вчерашнем прогуле предпочли забыть.

Диман вернулся домой в восемь вечера, голодный как волк и усталый как лошадь. Он достал из холодильника початую бутылку коньяка и приложился к горлышку. Переведя дух, бедняга плюхнулся на диван и, не выпуская из рук бутылки, блаженно закрыл глаза. Приятное тепло стало расплзаться по его гудящему телу. «Наконец-то можно расслабиться», — подумал он и отхлебнул еще. В десять Колесников позвонил Марго.

— Ну, что скажешь? — прошептал он, услышав ее спокойное «алло»!

— А что ты ждешь? — спросила Марго.

— Как это что? — задохнулся Дмитрий. — Награду за проделанную работу. Я готов приехать хоть сейчас...

— Ни в коем случае, — перебила Маргулина. — Нам нужно выдержать не меньше месяца. Своим приездом ты сразу себя выдашь.

Слова возлюбленной показали Колесникову разумными. Действительно, не успели объявить мужа в федеральный розыск, а на его месте уже другой дяденька. Пожалуй, она права.

— Месяц — это так долго. Может, завтра осуществим конспиративную встречу? Я сниму номер в Интуристе, — попросил Диман плаксивым голосом.

— Не ной! — сурово отрубил Марго. — Терпеть не могу невыдержанных мужчин. Ты ведешь себя, как кисейная барышня.

Колесников сразу подобрался.

— Я все понял! Сделаю, как скажешь. Звоню ровно через тридцать дней. О, кей?

— Договорились, — ответила она, но трубки не положила.

— Куда ты его дел? — спросила Марго после некоторого молчания.

— Сбросил в пруд на Воробьевых горах. В тот самый прорубь, где купается мэр. Не успел я его утопить, как появляется мэр с ротой телохранителей. Поплавал, вылез и говорит: «Я ногой что-то задел». Представляешь мое состояние? Я как раз сидел в это время за будкой и наблюдал.

— Не засветился?

— Нет. Они вскоре уехали, не заметив ни меня, ни моей машины.

— Спокойной ночи, — коротко произнесла Марго, без всякого перехода.

— Так договорились, я позвоню ровно через тридцать дней, — скороговоркой напомнил Колесников, но ответом были короткие гудки.

После этого ничего не оставалось, как уныло водворить трубку на аппарат и устало откинуться на диван.

И все равно, несмотря на правдивость в голосе, Трубников не поверил ни единому слову Колесникова по поводу со-

вершенного убийства. «Какое к черту убийство, — с раздражением подумал Трубников, — когда он и по физиономии заехать не может. Вот сочинять подобные опусы — Диман непревзойденный мастер».

Однако в его сочинениях присутствовала такая неподдельная искренность, что даже неизлечимого реалиста Трубникова начинали одолевать сомнения. А тут еще и подкинутые в машину наркотики. Явный намек на то, чтобы Евгений не вмешивался в это дело. «Что же все это значит? — задумчиво кусал губу Трубников, рассекая фарами ночные улицы Москвы. — Убийство мужа Маргулиной, сумасшествие Колесникова?»

Покинув больничный изолятор, посетитель довольно энергично наехал на медсестру. Она дежурила в тот вечер, но клялась мамой, что никого не пускала к Колесникову. Впрочем, никто к нему и не рвался.

Трубников почувствовал, что сестра что-то круто не договаривает, но возможно Евгению это показалось. Однако в беседе с вахтером, издателю ничего не показалось. Дежурный честно смотрел в глаза и божился, что в тот вечер, ни одна мышь не проскользнула через парадную дверь. Более того, никто и не пытался проскользнуть.

Все это было довольно странно. Неужели Диман до такой степени тронулся умом? Причем тронулся именно в той части, где это связано с Маргулиной.

Трубников свернул на Ленинский проспект и подумал, что Маринку нужно серьезно брать за одно место. Если она действительно звонила Колесникову за день до его сумасшествия, а тем более приходила к нему домой, то почему скрывает? Еще один момент очень неприятно сверлил внутренности Трубникова: патологический интерес жены к этой истории. «Ей-то какое дело до всего этого? — удивлялся муж. — Словом, жену тоже следует брать за то же место, что и Маринку, но пока надо разобраться с Диманом».

Трубников въехал через арку во двор дома номер девяносто пять и поднял глаза на окна Колесникова. Разумеется, окна были темны. «Было бы глупо, если бы в них горел свет», — усмехнулся Трубников и вышел из машины. Без каких-либо проблем он набрал код подъезда, вспомнив его с первого раза, поднялся на нужный этаж и остановился у знакомой двери. Она была плотно захлопнута, но не опечатана. Трубников толкнул ее и переступил через порог. Все это время, пока хозяин находился в больнице, квартира была

открытой. Замок выбит, но, кажется, в квартиру не лазили.

Гость обошел все три комнаты, заглянул на кухню и не нашел никаких следов беспорядка. Видимо, с того вечера в нее никто не входил. Все как будто было на месте. Более того, на холодильнике лежал кошелек Димана. Трубников заглянул в него: около двух тысяч долларов. Значит, точно никто не лазил.

Евгений вернулся в зал и зажег свет. На паласе зияло облакообразное пятно запекшейся крови. От него по всему коридору к входной двери тянулась тоненькая затвердевшая струйка. Тут же на паласе лежало окровавленное лезвие, которым Диман перерезал вены. Больше ничего впечатляющего гость не узрел.

В других комнатах крови не было. Квартира, как квартира: везде порядок, одежда в шкафах, обувь в обувном ящике, журналы на журнальном столике, хлеб в хлебнице. Все безукоризненно, и никаких следов сумасшествия. Даже умирать бедняга лег не в постель, а на пол посреди комнаты, вперед ногами, чтобы было удобнее выносить.

Трубников заглянул в ящик под платяным шкафом и обнаружил в нем груды инструментов. «Пожалуй, нужно починить замок», — подумал он.

Евгений взял молоток с гвоздями и принялся интенсивно вбивать гвозди в отверстия от вылетевших шурупов. На стук вышла соседка. Она недоуменно посмотрела на плотника и сердито произнесла:

— А я думаю, кто здесь стучит? Вы из милиции?

— Нет, не из милиции, — улыбнулся Трубников, не отрываясь от работы.

Соседка тут же панически захлопнула дверь и заперлась на два оборота. «Сейчас вызовет милицию», — усмехнулся Трубников, вбив последний гвоздь. Замок в принципе был восстановлен. Правда, несколько грубовато, но свою функцию он выполнять мог.

Замочных дел мастер взял с тумбочки ключи и опробовал сделанную работу. Замок запирался и отпирался безукоризненно. Евгений еще раз обошел все комнаты, везде потушил свет, отключил холодильник и только после этого покинул квартиру. Заперев дверь и спрятав ключи в карман, Трубников спокойно спустился на первый этаж и, не спеша, вышел из подъезда. Теперь предстояла нелегкая задача: найти Димкин гараж. Гараж у него, кажется, подземный.

Евгений внимательно осмотрел ключи и сразу определил,

какой из них от общих ворот, а какой — от индивидуальных. Евгений подошел к первой попавшейся бетонной подземке и тут же попал в точку. Ключ подошел. Найти в нем личный гараж Димана оказалось проблематичнее.

Трубников ходил от секции к секции и пробовал ключ к каждому замку. Наконец в самом дальнем углу в предпоследней двери ключ нехотя погрузился в замочную скважину и повернулся. Через минуту гаражные ворота были со скрежетом распахнуты настежь.

Наглец шагнул в темноту и принялся шарить по стене в поисках выключателя. «Да, тот ли это гараж вообще? Может, только ключи совпали?» — с беспокойством подумал Евгений и, наконец, наткнулся на рубильник. Щелкнув им, он увидел, что перед ним зеленый «БМВ». «Он!» — мысленно поздравил себя сыщик и полез в салон.

Прежде, чем ощупать сиденье, Трубников тщательно осмотрел резиновые полы машины. Для этого пришлось поискать на верстаке фонарик. Там же, на верстаке, лежал косой сапожный нож. Трубников на всякий случай прихватил и его.

На резиновых ковриках не было никаких следов крови. Они были идеально чистыми. По всей видимости, хозяин недавно их протер политурой. Осматривать же сиденья было крайне неудобно из-за тесноты. Трубников сорвал с заднего сиденья велюровый чехол, обнажив белоснежную кожу обшивки, и принялся сантиметр за сантиметром ощупывать поверхность. И вдруг с правой стороны зоркий сокол разглядел едва заметную дырочку. Но это еще ничего не значило. Если ткнуть случайно гвоздем или шилом, то останется точно такой же след, даже более заметный.

Прежде чем распороть сиденье, Трубников мысленно рассчитал траекторию полета пули. Стрелять Диман мог только с водительского места, правой рукой между кресел. Значит, пуля полетела в левую сторону заднего колеса.

Трубников полоснул ножом в этом направлении, одним движением надругавшись на этой белокожей прелестью, затем принялся яростно кромсать поролон. Через две минуты заднее сиденье было изуродовано до такой степени, что изуввер издал жалобный стон. Он уже собрался выругаться и прекратить это идиотское занятие, как нож внезапно наткнулся на что-то металлическое. Потрошитель насторожился. Он начал аккуратно вырезать это место в кресле и вдруг разглядел, что в поролоне действительно поблескивает что-то постороннее. Пришлось достать носовой платок и осто-

рожно извлечь на свет эту металлическую штучку.

Боже мой, предмет действительно оказался пулей от девятимиллиметрового револьвера, и на ней проступали едва видимые кровавые разводы. Трубников присвистнул. Ядреный батон! Диман действительно кого-то пристрелил. Неужели, правда, Олега?

20

Однако на следующее утро Олег, как ни в чем не бывало, вышел из подъезда своего дома в самом что ни на есть живом виде и направился к гаражам. Это Трубников видел собственными глазами, так как уже более часа наблюдал за его подъездом в бинокль из лоджии соседнего дома. У бинокля было зверское приближение, однако на гладком лбу Олега наблюдатель не обнаружил ни малейшего прыщечка, не то, что шрама от пули. Правой висок рассмотреть не удалось, поскольку вышедший из дома тут же завернул направо и направился в глубь двора, как и предполагал наблюдатель. Путь к гаражам через дворы был вдвое короче, чем через улицу.

Трубников, вытащил из кармана сотовый, не спеша, набрал нужный номер и приглушенным голосом произнес:

— Приготовьтесь, он идет.

Ничего не подозревающий муж блистательной королевы пересекал детскую площадку в весьма радужном настроении и даже пытался что-то насвистывать. Но внезапно от забора хоккейной коробки отделились двое мужчин с весьма недружелюбными физиономиями. Они сразу пошли навстречу, чем несколько смутили молодого человека, однако, не более того. Один из них был без шапки, амбалистого вида, с бычьей шеей и низким лбом. Другой выглядел вполне обычно, невысокого роста, в сереньком китайском пуховичке и шапочке-финке.

Мужики перегородили дорогу, и амбал угрожающе изрыгнул:

— Ты что ли с пацанов бейсболки снимаешь?

— Что? — выкатил глаза Олег.

— Да точно он! Я видел, — произнес сиплым голосом второй, не вынимая из карманов рук.

— Что? — вторично изумился Олег, и его полный негодования взор впился в шапочку-финку.

Олег собрался выразить возмущение и даже сжал для этого кулаки, но в ту же секунду мощный удар в нос едва не сбил его с ног. Из глаз посыпались искры, из носа хлынула кровь. Беднягу в вертикальном положении удержало только чудо. Он собрался немедленно броситься наутек, как вдруг тот, что поменьше, испуганно пролепетал:

— Гриша, не тот. У того были черные волосы. Я точно помню.

Гриша развел руками и обиженно пробасил:

— Ты че, крендель, совсем нюх потерял? Вот человека не за что загубил.

Губитель сочувственно похлопал по спине свою жертву.

— Ты извини, брат! Обознались. Бывает. Хочешь, ударь меня?

Амбал подставил свою морду, но Олег отрицательно замахал руками и замычал, что-то типа: «С кем не бывает?» В это время он удерживал ладонью кровь, ручьем текущую из носа. Тот, что поменьше, достал из кармана платок и сочувственно протянул Олегу. Олег торопливо принялся им утираться.

— Ты че парню грязный платок суешь? — прохрипел амбал, недружелюбно взглянув на друга. — Сначала указал неправильно, теперь из-за тебя человек кровью умывается.

Парень вырвал из рук побитого алюю тряпицу и сунул ему свой платок.

— На, возьми! Этот почище! Извини, парень, что так получилось, — вздохнул амбал, развернулся на каблуках и быстрыми шагами направился к шоссе.

— Прости, что так вышло, — попугаем вторил второй.

Он сочувственно похлопал по плечу и бегом пустился за товарищем. Олег посмотрел мужикам вслед и покрутил пальцем у виска. А за домом их уже ждал, изнывавший от нетерпения издатель.

— Ну, как? Удачно? — спросил он.

Вместо ответа бугай протянул ему окровавленный платок. Трубников взял его двумя пальцами и опустил в целлофановый пакет. После чего поинтересовался.

— Висок рассмотреть удалось?

— Совершенно чистый, — ответил мужичек в финке. — Специально пригляделся.

Трубников расплатился с орлами и направился к машине. В машине он набрал номер полковника Кожевникова и деловито проинформировал:

— И то, и другое у меня в руках. Каковы дальнейшие действия?

— Вези в лабораторию на Беговую. Найди там Павлова, объясни, что тебе нужно, и скажи, что от меня.

Евгений сложил телефон пополам и тронулся с места.

В этот день навалилось много работы. Его трехдневное отсутствие в издательстве отрицательно сказалось на производстве. Было упущено два крупных заказчика из-за неграмотно проведенных переговоров.

«Никому ничего нельзя доверить», — скрежетал зубами глава «Элирны», пытаясь связаться с упущенными клиентами. Но хлопоты оказались пустыми. Клиенты уже разместили заказы у конкурентов.

Однако целый день, вертясь, как белка в колесе, Трубников ни на минуту не забывал о главном: к концу дня будут готовы результаты экспертизы. Он договорился в лаборатории МВД (при содействии Кожевникова, естественно), что они тихо, быстро и неофициально произведут интересующие его исследования и не зададут лишних вопросов.

Часам к восьми большую часть производственных проблем удалось спихнуть. Трубников сильно устал. Он сидел в кабинете за столом, клевал носом и ждал звонка с Беговой. Сотрудники уже ушли домой. Из коридора доносился гул пылесоса и шаловливый голос вахтера. Он снова пытался уломать уборщицу остаться с ним на дежурство. Однако, получив решительный отпор, принялся читать вслух газету.

— Вот ведь что творят американцы, — воскликнул в сердцах вахтер, прочтя об их намерениях продолжать работу над вооружением наступательного характера, — сколько мы им не уступали, а они, знай только, наступает. Ни черта с ними не договоришься.

— А я вот договорилась в восьмидесятом, — засмеялась уборщица, выключив пылесос. — Подсунула совсем не тот товар, за который они заплатили деньги. А так им и надо, козлам.

Трубникову не суждено было дослушать откровения уборщицы о том, как она ловко обвела вокруг пальца наивных заокеанских товарищей. Зазвонил телефон. Глава издательского дома жадно вцепился в трубку. Так и есть, звонили из лаборатории.

— Мы провели анализ крови на платке и на пуле. Кровь идентична.

— Что значит, идентична? — удивился Трубников.

— Это значит, что она совпала по всем имеющимся факторам, в том числе и по ДНК. Иными словами, это кровь одного человека.

— Вы не ошиблись? — заволновался Трубников, чувствуя, как волосы на голове начинают шевелиться.

— Ошибка исключена. Но если вы настаиваете, мы можем провести повторную, более тщательную экспертизу.

21

От такой информации стало плохо с головой. Слегка покачиваясь, Трубников вышел на крыльцо, да так и замер на промозглых ступенях. «Когда он вышел на воздух, то внезапно почувствовал, что мира для него больше не существует», — ни с того ни с сего раздалось в голове. Ну, вот, уже заговорил строками из романа этого шизика...

Впрочем, Трубников уже был близок к тому, чтобы самому сдвинуться по фазе. Разве так бывает? Человека пристрелили двумя пулями, да еще утопили, а он, как ни в чем не бывало, разгуливает по собственному двору, да еще в приподнятом настроении. Но если бы только по двору...

Трубников сел в машину и накрепко все свои извилины. Допустим, что по настоянию Марго Диман все-таки выстрелил Олегу в висок. Допустим, что потом в машине он всадил ему вторую пулю в лоб. Допустим, что после этих экзекуций, Колесников утопил свою жертву в пруду. Допустим, что после всего этого (хотя это вообще невероятно) Олегу удалось выплыть. Тогда где у него шрамы? И почему он не в больнице? Почему, наконец, пострадавший не заявляет в милицию? Словом, сейчас надо ехать в больницу и говорить с Диманом серьезно. Возможно, по обыкновению, он что-то сильно не договаривает.

Трубников завел машину и, что было скорости, полетел к Колесникову, как всегда игнорируя светофоры.

На этот раз Евгений смотрел на Димана совсем другими глазами, нежели всегда. Да и Диман, оправившись от потрясения, выглядел вполне благопристойно и больше не валял дурака. Видимо, пребывание в изоляторе под замком подействовало на него отрезвляюще. При виде Евгения большой радостно соскочил с кушетки и кинулся навстречу.

— Ты уже встаешь? — спросил Трубников.

— А фиг ли нам!

Друзья трянули друг другу руки и уселись на табуреты. Трубников без предварительной подготовки сразу начал лобовую атаку:

— Скажи честно, из того, что ты мне рассказал относительно убийства Олега, где правда, а где ложь?

— Все правда! — коснулся сердца Колесников. — Клянусь, что не соврал ни слова.

Трубников пристально взгляделся в вечно бегающие зрачки друга и увидел в них неподдельную тревогу. Похоже, что он был искренен.

— Тогда скажи, после того, как ты бросил тело в пруд, ты сразу уехал?

— Да нет же! Я тебе рассказывал, — встрепенулся Колесников. — Я только собрался сделать ноги, как вдруг услышал, что к пруду едут машины. Я тут же дал задний ход и заехал за будку.

— И долго ехали машины.

— Минуты две.

— И все это время прорубь был в поле твоего зрения?

Глаза Колесникова округлились до невероятных размеров.

— Не понимаю, к чему ты клонишь?

— Ну мог за это время Олег вылезти из пруда?

Колесников испуганно отпрянул и перекрестился.

— Окстись! Ты с ума сошел! Он был мертвым и уже даже затвердевшим. Я его трогал через мешковину. Да если бы ему и удалось вылезти, куда бы он потом делся? Остался лежать на льду?

— А сколько времени купался мэр?

— Минут пятнадцать, не больше. Он сплавал туда и обратно, обтерся полотенцем, и они уехали.

— Ты уехал следом?

— Нет. Я был там еще около двух часов, или даже трех.

— Зачем? — поднял брови Трубников.

— Переживал. Опустился на корточки и как бы задремал. А потом, знаешь, — глаза Колесникова сделались шальными, — мне показалось, что в проруби кто-то плещется. А потом я услышал шаги. И вдруг после этого меня кто-то тронул за плечо. И я проснулся. Открыл глаза — никого.

— Это все ерунда! — отмахнулся Трубников. — Через пятнадцать минут и здоровый человек не выберется из проруби, не то, что с двумя пулями в башке.

Трубников замолчал и задумчиво уставился в пол.

— Знаешь, вчера я расковырял заднее сиденье твоей «БМВухи» и действительно нашел в нем пулю от револьвера. Ты стрелял из револьвера?

— Да, из револьвера, — кивнул Колесников. — Бульдога! Американского. Купил у одного чеченца. А ты что же, до сих пор мне не верил? Не верил, что я грохнул Олега?

Трубников поднял на товарища глаза и увидел в лице отчаянье.

— Как я мог поверить такому бреду, когда Олег жив?

Глаза Колесникова снова сделались шальными. Он втянул голову в плечи и испуганно прошептал:

— Ты его тоже видел, да? И я видел! От живого не отличишь! Скажи!

— Я не только его видел, но и подослал ребят, что бы они расквасили ему нос.

Глаза Колесникова сначала выразили испуг, затем радостно блеснули.

— Вот это правильно! Вот это я одобряю. Давно ему нужно было дать по морде, чтоб не шатался где не попадя. Кстати, — глаза Колесникова снова сделались бешеными, — твои ребята предупредили его, чтобы он больше ко мне не являлся?

Трубников едва сдержал улыбку.

— Они ему врезали совсем с другой целью. Чтобы пустить кровь. Ты понял?

— Понял. Не дурак! Но кровь-то пустить удалось?

— Будь спокоен. Удалось. Более того, эту кровь я сдал на анализ, и она совпала с кровью на пуле.

— А где ты взял пулю? — удивился Колесников.

— Извлек из заднего сиденья твоей машины. Ты что не помнишь? Я тебе только что сказал.

Колесников рассердился.

— Ты расковырял мою машину? Распорол кожаное сиденье? Ну, и осел. Что ты этим хотел изобразить? Измерить алгеброй гармонию? По-твоему, я сумасшедший? Не вижу, кого убиваю?

— Не кипятись, — оборвал Трубников. — Ты сам-то, что думаешь по этому поводу?

Вместо ответа Колесников пожал плечами и надул губы.

— То-то и оно. Скажи, а перед тем, как утопить покойника, ты разворачивал его?

— В каком смысле?

— Ну, извлекал из мешковины?

— Ты спятил! — вытаращил глаза Колесников. — За каким чертом?

— То есть, ты не знал, кто в ту минуту был завернут в мешковину?

— Как же не знал? Тот же самые, что и завернутый накануне.

Зубы Колесникова выбили дробь. Трубников сощурил глаза.

— И еще вот какой вопрос: после этого ты встречался с Марго?

— Нет, с Марго я не встречался, но в тот же вечер позвонил. Она сказала, что обещанное получу через месяц. Однако так и не получил.

22

В тот вечер у Колесникова осталось чувство какой-то дикой недоговоренности с Марго. Это как во сне, когда пьешь, пьешь, и никак не можешь напиться. Бедняга трижды снимал трубку и трижды возвращал ее на место. Марго не любит слюняев. Лучше не звонить. Лучше действительно выждать месяц.

Колесников заметил, что у него внутри продолжают трястись поджилки. Бедняга допил из бутылки коньяк, но он не оказал на него ни малейшего влияния. Пришлось выпить полпузырька валерьянки, однако валерьянка также не помогла. Дмитрий снова снял трубку, но набрать номер Марго не решился. Страдалец так и заснул с телефоном в руках, и ему всю ночь снилось, как он колесил по Москве в поисках трупа с этим несчастным трупом за спиной.

Труп был очень беспокойным. Он то шевелился, то подсакивал, то стонал. А перед светофором сделал первую попытку заговорить с водителем. Олег извлек из кармана револьвер, обернулся и замер от ужаса. На заднем сиденье, как ни в чем не бывало, сидел ухмыляющийся Олег с сигаретой в зубах и теребил в руках сползшую с плеч мешковину.

— Папаша, огоньку не найдется? — спросил он, озорно подмигнув. — Ты что, глухонемой, папаша?

— На тебе огоньку! — с отчаяньем крикнул Дмитрий и нажал на курок.

Раздался слабенький хлопок, который не нанес воскресшему ни малейшего вреда. Попутчик не шелохнулся, не из-

менился в лице и не погасил своей издевательской ухмылки. Да и лоб его, в который по всем физическим законам должна была впитаться пуля, оставался абсолютно гладким. Колесников выстрел повторно, затем еще раз, наконец, в три секунды расстрелял весь барабан, но на покойника это не произвело ни малейшего эффекта. Тем же беззаботным взглядом смотрел он на спятившего водителя и хитро подмигивал.

Тогда Колесников с отчаяньем принялся молотить рукояткой револьвера по упрямой башке покойника, но вдруг с ужасом заметил, что от его синего лица исходит мертвенный холод, а самому ему ничего не делается. Видя полную бесполезность рукоприкладства, несчастный решил спастись бегством. Он панически дернул ручку дверцы, но она и не подумала подчиниться. В ту минуту, когда страдалец уже собрался выбить стекло, к машине откуда-то подошел милиционер и открыл заклинившую дверцу. Колесников выскочил наружу, но (о ужас!) перегородивший дорогу мент внезапно превратился в Олега с ухмыляющейся физиономией и все той сигаретой в зубах.

— Давайте я поправлю вам галстук, уважаемый! — любезно предложил он и холодные пальцы легли на шею Димана.

«Не надо! Я не ношу галстуков», — хотел крикнуть Колесникова, но тут проснулся. В руках гудела телефонная трубка, а шею ломило от ледяных пальцев покойника.

Дмитрий поежился, положил трубку на аппарат и включил торшер. Было половина четвертого утра. Пришлось сходить в ванную, освежиться ледяной водой и накапать себе бром. «Ничего. Этот кошмар скоро пройдет, — успокаивал себя Дмитрий. — Все на свете забывается, а тем более грехи».

Однако кошмар только начинался. На следующий день ближе к вечеру, когда информационная горячка спала, в отдел неожиданно вошла Юлькина подруга из отдела культуры, и начался обычный бабский треп.

Колесников сидел за компьютером к ним спиной и строил очередную заметку. В принципе, их воркотня не мешала. Он уловил краем уха, что Юлькина подружка только что вернулась из отпуска, но не придал этому значение.

— Ой, опять работать! Так не хочется, — стонала она, потягиваясь и хрустя суставами. — Я сегодня ничего не сдала. Не могу еще войти в ритм.

— Значит, вы с мужем принципиально решили не ехать за границу? — любопытствовала Юлька.

— Да надоело уже! Каждый год одно и то же: то Греция, то Италия, то Тенерифе. От Египта с Турцией меня уже тошнит. По большому счету, это не отдых, а суета сует с сумками в руках и языком на плече. Мы в этом году решили так: снимем отдельный домик в Подмосковье, с баней, с сауной, с баром и всем остальным, что требуется для полного счастья, и, наконец, отдохнем по-человечески. Днем лыжи и коньки, вечером — камин, красное вино, мясо на вертеле. Разве не классно?

— Где вы нашли домик?

— В пятидесяти километрах от Москвы. В зоне отдыха «Старая мельница». Это в Ярославском направлении.

На этих словах Колесников вздрогнул. Он тут же забыл о заметке и прислушался.

— Ты знаешь, — продолжала девушка, — место — божественное. Природа — сказочная. Сервиз — на европейском уровне. Я бы даже сказала, покруче, чем в итальянских пятизвездочных отелях. Единственно, что плохо — скучновато. Народу — никого, потому что дорого. Мы почти все десять дней были одни. Представляешь? Двое на всю зону отдыха, которая тянется на два километра, — рассмеялась девушка. — Правда, под конец приехала еще одна пара, но у нас уже было чемоданное настроение. А они ничего. Мы с ними в первый вечер так здорово набрались. Мой Славка даже приревновал к Олегу, мужу той красавицы...

Колесников закрыл глаза и побледнел. Чтобы не выказать волнения, он встал и ушел в туалет. Спецкор заперся в кабине, сел на крышку унитаза и обхватил голову руками. «Не может быть, — тикало в висках. — Это какая-то ошибка. Разве так бывает?»

Когда Колесников приехал домой, так и не закончив материала, то в первую очередь отыскал справочник оздоровительных учреждений Подмосковья. Домов отдыха с названием «Старая мельница» в Московской области насчитывалось с десятков, но только один был в Ярославском направлении. Колесников набрал номер администрации оздоровительного учреждения и, представившись следователем прокуратуры, потребовал список клиентов, побывавших в их комплексе в этом году. Администратор без лишних слов зачитал из книги регистрации фамилии постояльцев, которых было не так уж и много. Когда он дошел до супругов Маргулиных, у Дмитрия потемнело в глазах. Не дослушав список, Колесников спросил упавшим голосом:

— Маргулины были вдвоем?

— Ну, конечно, если супруги.

— Но, может быть, они зарегистрировались как супруги, а приезжал кто-нибудь один.

— Такого не может быть, — ответил администратор. — Я их обоих видел лично, когда они приходили ко мне отсылать факс. Маргулины пробыли недолго. Всего сутки...

После этих слов Колесников уронил трубку и опустился на диван. Он пробыл в оцепенении около получаса, затем дрожащими руками набрал телефон Марго. Только к телефону никто не подошел.

Месяц прошел в страшном напряжении. Колесников почти не спал ночами. Ему еженощно снилось одно и то же, что он возит по Москве мертвого Олега и ищет речку с прорубом. Всякий раз во сне покойник оживал и принимался душить водителя своими ледяными руками. Дело всегда заканчивалось одним и тем же: позорным бегством водителя из собственной машины.

Каждый вечер Колесников звонил Марго, но к телефону никто не подходил. Однажды он не выдержал и поехал к ней на Речной вокзал. Окна Марго были темны. Колесников набрался наглости и поднялся на пятый этаж, где жила его возлюбленная. Только на звонок никто не вышел. Квартира явно была пуста. Колесников вздохнул и уже собрался развернуться и уйти, как неожиданно из лифта вышла Маринкина соседка.

— А Маргулиных нет! — доложила она с ходу, извлекая из сумочки ключи. — Марина живет у матери, а муж в отъезде.

— В отъезде? — удивился Колесников.

— Да, он уехал в командировку.

— Куда?

— Понятия не имею.

Соседка отперла дверь и вошла в квартиру. Колесников, ни живой, ни мертвый, направился вниз пешком. Если она всем говорит, что муж в командировке, то это объясняет, почему его до сих пор не объявили в розыск? «Но зачем ей это надо? — удивился Дмитрий. — Этим она только навлекает на себя подозрения».

Как бы там ни было, а тридцать дней, наконец, миновало, и в субботу девятого марта в десять утра Колесников не без трепета набрал номер Марго. И (о чудо!) трубку сняли.

— Маргарита, это я, — интимно прошептал Колесников, не дождавшись ее милого «алло».

— Вам нужна Маргарита? — неожиданно раздался голос Олега. — К сожалению, она сейчас в ванной. Позвоните попозже.

23

— Так ты позвонил попозже? — спросил Трубников.

— Ты с ума сошел? Меня от страха чуть удар не хватил.

— После этого ты с Маргулиной не встречался?

— Как я с ней встречусь, когда там Олег.

— И ты сразу поверил? Может быть, только голос похож?

— Ты думаешь, я голос Олега не знаю? Я его козлячий баритон узнаю из тысячи. Хотя, честно, на следующий день к вечеру я начал сомневаться. У меня даже мелькнула мысль снова позвонить.

— Позвонил?

— Нет. Олег мне позвонил. В дверь. Я тебе рассказывал. После этого я заперся и отключил телефон.

— Так значит, ты перерезал вены от страха?

— От чего же еще?

— Я думал, от угрызения совести.

— Кончай издеваться, Женек!

— Да-да, извини! Это абсурд, чтобы тебя замучила совесть до такой степени. Значит, после этого ты Марго не звонил?

— Нет.

Трубников прищурился и вдруг хитро улыбнулся.

— А давай ей сейчас позвоним?

— Ты с ума сошел! Зачем? — отпрянул Колесников.

— А затем, друг мой, что ты сделал работу и не получил гонорара. Разве это справедливо?

Трубников извлек из кармана сотовый, но Колесников кинулся ему на грудь.

— Не надо, Женька! Умоляю! Я сейчас кричать начну.

Трубников презрительно впился взглядом в побледневшего приятеля и покачал головой.

— Ну, ты и трус, Диман. Неужели тебе не хочется посмотреть в глаза Марго? Ладно, не трясись. Я пошутил.

Трубников уперся глазами в пол и задумался. В это время в дверь заглянула медсестра и потребовала, чтобы разговор заканчивали, поскольку настало время производить процедуры. Посетитель поднялся с табурета и лукаво подмигнул

больному:

— Вот что, Диман: делай процедуры, поскольку твоя главная задача — побыстрее выздороветь и по возможности не попасть в психушку, а я поеду навещу Маргулиных. Давно я у них не был в гостях.

— Как? — ужаснулся Диман. — Прямо сейчас? Без предварительного звонка?

— Сейчас и без звонка. Я хочу их застать врасплох. Да, перестань так трястись, идиот! Диктуй адрес!

«Пожалуй, напирать не буду, — размышлял за рулем Трубников, летя в сторону Речного вокзала. — Формальный повод такой: позарез нужен начальник отдела сбыта. Почему без звонка? Да потому, что аккумулятор сел в телефоне. А там посмотрим, по обстановке».

Через полчаса издатель уже звонил в квартиру Марго. Трубников усек, как глазок в двери потемнел, и почувствовал за дверью замешательство. Но возможно, он ошибся.

Дверь распахнулась, и Олег с распухшим носом едва не бросился гостю на шею.

— Ба! Какие люди! Марго, посмотри, кто пришел? — воскликнул он по-детски.

Из кухни в длинном халате незамедлительно выплыла Маринка. Она брызнула в бывшего одноклассника своими синими глазами и рассмеялась:

— Боже мой, Женька! Сто лет тебя не видела. Какими судьбами? Да, проходи! Чего встал, как не родной?

Трубников перешагнул через порог и начал лепетать оправдания:

— Знаете, мимо проезжал. Думаю, дай заеду. Хотел позвонить, а у моего телефона разрядился аккумулятор.

Его оправдания хозяев не интересовали. Они даже не спросили, откуда Трубников знает их адрес. Гостя раздели, втиснули в теплые тапочки и втолкнули в комнату.

— Я ведь чего заехал, Олег, — продолжал на ходу Трубников, — по делу, можно сказать, заехал. Не надумал ко мне начальником отдела?

— Да подожди ты с делами, — отмахнулся хозяин и умчался за женой на кухню.

Трубников осмотрелся. Не богато живут Маргулины. Это сразу бросалось в глаза. Квартирка так себе, малогабаритная. Серия фиговенькая. На стенах дешевые обои. Старомодная, обшарпанная мебель. Словом, класс — ниже среднего. Зато радушия — выше крыши.

Через пять минут они уже уютно сидели втроем за круглым столом со скатертью, и стол был сервирован по полной программе. Олег разлил по рюмкам коньяк, но Трубников отказался.

— Вы пейте, а я за рулем!

Муж с женой весело чокнулись и с удовольствием опрокинули по маленькой. Они как будто ждали повода, чтобы принять на грудь по двадцать капель. Только после этого Олег ответил на вопрос непрошеного гостя:

— Я конечно, Женек, над твоим предложением думаю, но еще окончательного ответа дать не могу. Сейчас я временно без работы. Месяц назад мне пришлось уволился из родного института. Не могу там больше. Надоело. Денег не платят, да и коллектива как такового нет. А без коллектива я никто.

Пока Олег произносил монолог, у Трубникова была возможность рассмотреть его более внимательно. Правый висок совершенно чистый. На лбу ни царапины. Только нос несколько пухловат.

— Что у тебя со шнобелем? — поинтересовался Евгений.

— Дверью нечаянно стукнул, — засмеялся хозяин.

Маргарита тоже засмеялась и вдруг спросила:

— Ты в курсе, что произошло с Колесниковым? Я слышала, он совсем плохой.

— После того, как ты позвонила ему на работу, у него окончательно съехала крыша, — произнес Трубников как можно непринужденный. Сам же очень внимательно наблюдал за реакцией. Только не один мускул не дрогнул на прекрасном лице королевы. А вот Олег встрепенулся.

— Ты звонила Диману? — сощурился он. — Так-так. Ну-ка рассказывай! И в глаза, в глаза смотреть!

— Не звонила я Диману, — рассмеялась Марго. — Я даже не знаю, где он работает. Ему, вероятно, звонила какая-то другая мадам.

В ее словах было столько искренности, что гостя одолели сомнения.

— С Диманом все нормально. Выздоровливает, — произнес Трубников, не сводя с одноклассницы глаз.

— Слава Богу, — ответила Марго. — А то я переживала. Кстати, ты мне говорил по телефону, что видел меня пятого февраля в семь вечера на Ленинском проспекте. Я вспомнила. В этот день я не могла там быть. В это день был взрыв на «Белорусской», и мы с Олегом случайно оказались на месте происшествия.

— Это точно! — подхватил Олег. — Мы с ней возвращались из гостей, и дернул же нас черт поехать через Белорусскую площадь. Взорвалось буквально на наших глазах, у а меня, как назло, заглохла машина. Смыться не успели. Нас с Марго тут же захомутали в свидетели. Пока составили протокол, пока подписали, — вечера как не бывало!

Глядя на их веселые физиономии, Трубников неожиданно понял, что разведка боем не удалась. Также он понял, что Марго никогда не приходила к Диману. Это была одна из его idiotских фантазий. А между тем муж с женой вели веселую перепалку по поводу спятившего Колесникова.

— Не удивлюсь, если узнаю, что Вова Кузнецов тоже был твоим поклонником, — прикалывался Олег. — Ну и класс у вас в тридцать пятой школе.

— Как будто ваш класс лучше, — не осталась в долгу Марго. — И вообще помолчи, салага! Когда я перешла в восьмой, ты пошел только в первый...

Единственно, во что мог вцепиться Трубников, это подловить Олега на вранье по поводу его поездки. Было несколько не тонко расспрашивать о командировке, но так уж получилось.

— Куда ездил в феврале? — невинно удивился Олег. — Никуда не ездил. Я весь месяц просидел дома...

Это было неправдой. Трубников ощутил это по тону. Олег тоже почувствовал, что гость ему не поверил и немного занервничал. Но через некоторое время снова развеселился, и казус был замят.

В прихожей Трубников остался с Маринкой наедине. Она брызнула в него своими синими глазами и как-то очень таинственно улыбнулась. Гость шаловливо подмигнул и тихо произнес:

— Когда он вышел на воздух, то внезапно почувствовал, что мира для него больше не существует.

— Что? — подняла брови Марго.

— Да ничего. Это так, строка из одного романа, — пояснил Трубников.

24

Когда он вышел на воздух, то внезапно почувствовал, что мира для него больше не существует. Конечно, он существовал. Куда он мог деться? Существовала и эта аллея дворца,

по которой в чрезвычайном унынии плелся молодой воришка Пьер. Существовал и этот проклятый снег, залепляющий глаза и нагло проникающий за шиворот. Существовало и это огромное небо над головой, из которого шпарило, точно из прохудившейся корзинки. Существовал и этот черный, спящий Париж с веселыми девками в кабаках.

Только они, румяные, грудастые сучки, с белыми плечами и пухлыми коленками скрашивали эту невзрачную, никчемную жизнь. Только они создавали иллюзию, что жить в Париже весело и уютно. Только ради них Пьер лазил по карманам на торговых площадях, играл в кости, ввязывался в драки и никогда не пускал в душу уныния. Но сегодня он понял, что все это изуверский обман. Ни в одной из этих девок не было того, что было в Марго — истинного сумасшествия к жизни.

Пьер бродил по ночному Парижу, и впервые в жизни ему хотелось умереть. Все, чем он жил он этого, казалось мелким и ненужным. Теперь после Марго он не посмотрит ни на одну из женщин, потому что таковых в Париже нет. Есть только грубые подобию, а не женщины.

Несмотря на то, что Пьер изрядно продрог, в теплую харчевню, ставшую ему родным домом, идти не хотелось. Теперь ему все там было не мило — противно, вонюче и низкомерно.

Пьер подошел к собору Святой Марии и взгляделся в каменную Богоматерь, грустно склонившую голову к дубовым дверям храма. Впервые в жизни парижскому вору захотелось выговориться не шлюхе, а мадонне. Он сложил ладони лодочкой, почтительно поклонился, и в эту минуту в его горло уперлось холодное лезвие ножа.

Пьер поднял глаза и увидел каменное лицо Шарля. Он был в черном камзоле без шляпы и плаща. Его глаза как всегда неподвижно и мрачно торчали в железных глазницах, светлую шевелюру обильно посыпал снег.

Воришка не испугался. Ничто не шевельнулось в его маленькой душонке под чужим плащом. До сегодняшней ночи он даже не подозревал о существовании души. А оказывается, она была. И душе требовалось совсем не то, что творило тело, в котором ей приходилось пребывать, словно в тюрьме.

— Шарль, — улыбнулся Пьер. — Если бы ты знал, как я рад тебя видеть. Не спеши перерезать мне горло. Я еще должен убить это чудовище Екатерину Медичи, матушку

прекрасной Марго.

Убийца засопел и надавил лезвием на кадык.

— Да-да, Шарль! Ты правильно понял, — засмеялся Пьер. — Я только что, вместо тебя, держал в объятиях эту августейшую прелестницу. В моих штанах до сих пор еще влажно. Мои ладони, прикасавшиеся к нежным бедрам, еще хранят тепло Божественной Маргариты, а мои ноздри еще вдыхают ее девственный запах. — Пьер закрыл глаза и судорожно вздохнул. — Шарль, это было тело настоящей женщины, а не поддельной. Я впервые в жизни ощутил живой огонь. Я чувствовал ее всю, понимаешь? Всю, до самой глубины. — Пьер перевел дух и остановил взор на каменной мадонне. — Тебе не понять никогда этого, Шарль. Все женщины, которых я знал до этого, — всего лишь куклы, по сравнению с Марго. Игнеса заводится и стонет, когда ей водят языком по сосцам, но мое тело никогда не чувствовало того, что чувствовала она. Мариэте достаточно провести ладонью по затылку, и ее можно брать голыми руками, она замирает, и на ее коже выступают пупырышки. Мои ладони чувствовали ее мягкую кожу с пупырышками, но никогда не чувствовали ее саму. А в роскошные груди Луизы можно уткнуться лицом, но с таким же успехом можно уткнуться в подушку. Большой разницы нет. Конечно, она может приласкать и успокоить, но мое тело никогда не сливалось с ее телом, как бы я не заводил эту чертовку. А завести ее непросто. Ее нужно целовать в ступни и одновременно гладить пах, только тогда она начинает похотливо стонать и дрожать. Но эта дрожь никогда не передавалась мне, потому что в ней нет истинного огня. Тебе никогда не понять этого, Шарль. Ты слишком груб для таких тонкостей. Ты будешь всю жизнь оставлять на ее белых ляжках синяки и даже не подозревать, что истинное удовольствие Луиза получает только тогда, когда усыпляет тебя настойкой ландыша. Тебе никогда не завести даже Мариэту, но даже она, дорогой Шарль, вспыхивающая от одного прикосновения руки, всего лишь заводная кукла по сравнению с Марго.

Пьер жадно вдохнул морозного воздуха и со стоном зажмурил глаза. Перед его взором все еще стояло это прекрасное существо с пронзительно синими глазами, и от этого не хотелось смотреть ни на кого, даже на каменную мадонну.

— После ночи с такой женщиной умереть не страшно, — прошептал со счастливой улыбкой воришка. — Делай свое дело, Шарль. Я готов.

Пьер закрыл глаза, но внезапно почувствовал, что стальное лезвие больше не давит на кадык. Он с удивлением приподнял одно веко и увидел, что Шарль засовывает свое стальное орудие труда обратно за пояс. Его глаза по-прежнему были неподвижными, и по ним по-прежнему невозможно было определить, что на уме у этого человека.

Одним движением Шарль сорвал с Пьера шляпу и плащ. После чего уронил воришку в снег и снял с него свои ботфорты. Но прежде, чем уйти, убийца бросил сквозь зубы:

— Не забудь, что ты сегодня должен убить королеву-мать.

— Не беспокойся, приятель! Я сделаю это не хуже тебя.

Едва заметная усмешка тронула сухие губы Шарля.

— Убить не легко! — произнес он одной половинкой рта и тут же пошел прочь.

Весь последующий день Пьер готовился к убийству. Он раздобыл кривой нож, выведал маршрут своей жертвы, узнав, что сегодня после вечерней молитвы она поедет в обитель к Епископу. Именно у ворот этой обители новоявленный убийца вознамерился вонзить клинок в кишки матери-королевы. Пьер спрячется за угол. От угла до ворот всего двадцать шагов. Как только остановится карета и Катрин ступит на землю, Пьер выскочит из-за угла и молниеносно проткнет ножом ее большую печеньку. Дальше его не интересовало.

Пьер сидел в харчевне «Три гуся», пил вино и сосредоточенно отшлифовывал детали. Вор уже сбегал к дому Епископа и даже вытоптал место за углом, где он будет поджидать свою жертву. «Главное, стремительность и быстрота, — бодро думал новоявленный душегубец. — Ведь ноги его еще никогда не подводили».

В это время, когда вор хотел попросить в долг вторую кружку вина, в харчевню вошел Шарль. Он как обычно постоял у порога, затем, не спеша, направился к Пьеру. Убийца грузно опустился на скрипучую лавку рядом, и к нему тут же подлетел хозяин с кувшином Бургундского.

— Вам как всегда запечь гуся? — спросил он с заискивающей улыбкой.

Шарль молча кивнул и хозяин испарился.

— Меня пасешь? — улыбнулся Пьер, подмигнув убийце.

— Боюсь, тебе не перепадет это удовольствие. Меня прикончат сразу у ворот Епископа, как только я всажу нож в живот бабушки Катрин.

Шарль молча приложился к кувшину и мрачно произнес:

— Не советую нападать у дома Епископа. Ты не успеешь сделать и двух шагов, как мгновенно окажешься на шпаге. На королеву-мать лучше всего напасть перед въездом на мост, где карета замедляет ход. Из-под моста можно выско-чить незаметно, запрыгнуть в карету, вонзить в Катрин нож и выпрыгнуть с обратной стороны...

25

Придя на следующий день на работу, Трубников первым делом позвонил полковнику Кожевникову.

— Снова какие-то неприятности? — поинтересовался полковник.

— Пока нет. Но могут быть, — ответил глава издательст-ва. — Я хочу распутать одно дело. Вы мне обещали подоб-рать хорошего детектива. Помните, вы сказали, в случае че-го, у вас есть один на примете...

— Да, я помню! — перебил полковник. — У меня есть один без работы. Паша Горохов. Его недавно выперли из органов. Надеюсь, что временно. В перестрелке подстрелил не того, кого следовало. Пришлось отстранить. Словом, ему нужно с годик где-то перекантоваться. Если пристроишь к себе, тебе многое простится, как свыше, так и от органов, — рассмеялся полковник.

— Он по какой части? — заинтересовался Трубников.

— По любой! Сыщик отменный. Нюх, как у собаки. Читал «Парфюмер»? Так вот у него такой же нюх. Только не пору-чай ему какую-нибудь ерунду. Он все-таки капитан.

— Заметано, Вадим Александрович! Присылайте!

Через час в кабинет вошел высокий молодой мужчина в кожаной куртке и вылинявших джинсах. Его лицо было от-крытым, глаза умными и внимательными. Трубникову он сразу понравился.

— Евгений, — протянул руку издатель.

— Павел, — улыбнулся сыщик. — Вадим сказал, что у вас проблемы.

Трубников жестом указал на кресло, а сам сел напротив. После того, как секретарша принесла кофе, лицо главы из-дательства приняло озабоченный вид.

— Проблемы есть. Вы должны незаметно навести справ-ки о некоем гражданине Маргулине. В первую очередь я хочу

знать, где он находился в период с пятого февраля по девятое марта. Сам он уверяет, что не выходил из дома. Но это вранье. А если вранье, значит, тут что-то нечисто. Второе: вы должны узнать, где в этот же период времени обитала его жена Марина? Я слышал краем уха, что у матери. Если действительно у матери, то почему? И третье: нужно деликатно выведать у одной медсестры, кто, кроме меня, интересуется больным Колесниковым?

— Ну что ж, давайте адреса. Я прямо сегодня и преступлю, — деловито произнес Горохов.

Такая готовность к работе без предварительного оговора условий тоже понравилась Трубникову. Он написал на листочке адрес и телефон Маргулиной, а по поводу данных ее матери только развел руками.

— Ничего, я найду, — пообещал капитан Горохов и, сдержанно улыбнувшись, вышел из кабинета.

Через двадцать минут издатель забыл о существовании детектива, поскольку снова навалило работы. Однако в шесть вечера он сам напомнил о себе телефонным звонком.

— Кое-что удалось узнать от соседей Маргулиных, — сообщил сыщик. — Разумеется, конфиденциально

— Я вас внимательно слушаю.

— В начале февраля, предполагаю что шестого числа, потому что это был вторник, соседи видели, как Олег Маргулин с чемоданом в руках выходил из подъезда. Он был одет по-дорожному и несколько не по сезону: в легкую синюю куртку и в летние, светлые штаны. Соседи с первого этажа утверждают, что чемодан он положил в багажник белых «Жигулей», за рулем которых уже сидела его жена. После того, как они уехали, Олег больше не показывался до седьмого марта. Его жену видели на следующий день вечером. После чего она тоже исчезла на месяц. И все это время, как уверяет живущая в соседней квартире соседка, их дом пустовал, потому что за стеной не слышалось ни звука, если не считать ежевечерних телефонных звонков. Но трубку, естественно, никто не брал. Так длилось около месяца. Седьмого марта сосед с первого этажа своими глазами видел, как к подъезду подъехало такси, и из него вышел Олег Маргулин с чемоданом в руках. Сосед спросил: «Как отдохнули?» Маргулин ответил: «Прекрасно!» Но где отдыхал, уточнять не стал.

Я разыскал адрес родителей Маргулиной в Химках, — продолжал детектив, — и через соседей выяснил, что Мари-

на Константиновна действительно жила у матери больше месяца, пока муж находился в заграничной командировке.

— В заграничной? — удивился Трубников.

— Именно в заграничной. Во всяком случае, так утверждали соседи. А они слышали от родительницы Маргулиной. На этом пока все. Медсестру я возьму за жабры завтра.

— Не спешите с медсестрой, — заволновался Трубников.

— Шестого февраля супруги Маргулины приехали в дом отдыха «Старая Мельница»? Выясните, они прибыли вместе или раздельно? То же самое с отъездом на второй день. Если они уехали вместе, то — в какое время? Во что был одет Олег по приезду на турбазу? И еще, очень хотелось бы узнать, значится ли Маргулин в списках пассажиров аэрофлота за седьмое февраля? Если это, конечно, возможно.

— Почему не возможно? Могу даже просмотреть списки пассажиров поездов. У меня на железной дороге в отделе информатике свои люди.

— Было бы здорово, — обрадовался Трубников. — И вот еще что: эта парочка утверждает, что пятого февраля она была свидетельницей взрыва на «Белорусской». Если это правда, то должен быть протокол. Действительно ли существует протокол с их показаниями, или это вранье? Выясните! Кроме того, мне хотелось бы побольше узнать об Олеге. Какова его прежняя фамилия, и почему он взял фамилию жены? Да, чуть не забыл: Маргулина во вторник и в среду отсутствовала на работе. Выясните, прогуляла она, или заранее взяла отгулы?

— Хорошо. Выясню! — пообещал детектив и положил трубку.

Трубников тоже собрался водворить трубку на место, но задумался и застыл с ней в руках. А задуматься было над чем. Из перечисленных фактов получалось, что Олег Маргулин шестого февраля не пошел на работу из-за того, что решил куда-то поехать, а его жена прогуляла потому, что собралась его провожать. Но уезжают они весьма своеобразно: сначала едут на скачки, которыми никогда не увлекались, затем в дом отдыха «Старая Мельница», откуда Олег отправляет факс об увольнении, и только на второй день он, видимо, оттуда едет в аэропорт. А Марго возвращается в Москву. Она ночует дома одну ночь, после чего уезжает к матери в Химки и живет у нее до возвращения супруга. Все это более чем странно. Но вот что еще зацепило Трубникова: кажется, жертва Колесникова была одета несколько по-

другому. Кажется, Диман толковал о рыжей дубленке...

Трубников вскочил с кресла и выбежал из кабинета вон. Скорее в больницу к Колесникову. Пусть опишет одежду того, в кого он всадил две пули.

26

Но в тот вечер описать одежду жертвы Колесникову было не суждено. Трубников застал его в чрезвычайно паническом состоянии. На нем не было лица.

— Мне конец! — воскликнул Диман при виде Трубникова. — Меня завтра переводят в психдиспансер.

— Ты думаешь, оттуда не выходят? — ухмыльнулся Трубников.

— Мне оттуда прямая дорога в тюрьму, — плаксиво простонал Колесников. — Со мной будут проводить сеансы гипноза, и я под гипнозом расскажу, что убил человека.

— А ведь точно! — присвистнул Трубников и принялся чесать затылок. — Ты прав, Диман. Тебе туда никак нельзя. Во всяком случае, пока. Кстати, как у тебя с рукой?

— С рукой все нормально. Вены и сухожилия срослись. Уколы с завтрашнего дня отменяют, гипс снимают. Боже мой, что делать? После обхода меня сразу повезут в психушку.

Трубников задумчиво уставился в пол и принялся сосредоточенно сопеть носом. Через пару минут его озарило.

— Вот что. По закону тебя могут забрать родственники под расписку.

— Какие родственники? — схватился за голову Колесников. — Ты же знаешь, моя мать умерла, а отец спился. Ему по фигу, есть у него сын, или нет. Он за все это время ни разу меня не навестил, а ты говоришь, забрать под расписку.

Трубников вторично уткнулся в пол и сопел около пяти минут.

— Тогда остается только одно: бежать, — произнес Евгений не вполне уверенно.

— Каким образом? — шмыгнул носом Колесников.

— Сейчас со мной.

— Ты рехнулся! Они вызовут милицию, и тебя посадят.

— Ну, положим, не посадят, но неприятности мне гарантированы. А их бы очень не хотелось. — Трубников немного помолчал и вдруг спросил: — Сегодня тебе еще будут де-

лать уколы?

— Будут, — недовольно буркнул Колесников, не понимая, куда он клонит. Но внезапно до него дошло. — Знаешь, когда я отворачиваюсь к стене и укрываюсь с головой, они меня не трогают. Боятся!

Друзья устали друг на друга, и шарики в головах закружились.

— Завтра в шесть утра меняются сестры, — прищурился Трубников. — Тебя откроют только в восемь. Если ты внезапно исчезнешь, то дежурная, которая сменится, будет валить на сестру, которая уйдет домой. А та, которая уйдет домой, будет уверять, что оставляла тебя в целости и сохранности. Не станет же она признаваться, что пускала к тебе посторонних?

— Это гениально! — захлопал в ладоши Колесников. — Я рвану в родильное отделение, а оттуда на грузовом лифте спущусь в подвал. Подвал всегда открыт. А ты иди через парадный вход.

Друзья залезли в шкаф с бельем, вытащили несколько подушек и сложили их на кушетке в виде силуэта лежащего на боку человека. Сооружение накрыли одеялом, и получилось довольно натурально. Колесников даже снял с себя носок, набил его ватой и сунул под одеяло. Теперь с торчащей из-под одеяла ногой, создавалась полная иллюзия, что на кушетке поживает Колесников.

Трубников осторожно выглянул в коридор.

— Собака! Сестра треплется по телефону.

Через пару минут посетитель выглянул вновь. Коридор был пустым. На всякий случай Евгений вышел из изолятора и заглянул в кабинет к медсестре. В нем тоже никого не было. По все видимости, пошла делать уколы.

— Диман, рви когти, пока никого.

Колесников вихрем промчался через коридор и, завернув на лестницу, скрылся из виду. В ту же минуту из палаты вышла медсестра. Трубников едва успел юркнуть в изолятор. Выждав довольно прилично, посетитель широко распахнул дверь и, заметив в коридоре дежурную, выразительно произнес, обращаясь к пустой кушетке:

— Ну ладно, Диман, отдыхай! Тебе надо выспаться. Пока!

Трубников захлопнул за собой дверь и, не спеша, направился к лифту. Пройдя мимо медсестры, он вежливо попрощался, и дежурная тут же, достав ключи, направилась к изолятору. Евгений видел, как, прежде чем запереть дверь, она

заглянула в комнату и довольно долго смотрела на отвернувшегося к стене больного. Сердце Евгения замерло. «Сейчас начнется», — подумал он.

Только ничего не началось. Сестра не раскусила обман: захлопнула изолятор и заперла дверь на два оборота.

Трубников спокойно спустился на лифте и вышел через парадную дверь. Вахтер охотно открыл ему и даже пожелал спокойной ночи. «Пусть видит, что я выхожу один, — лукаво улыбнулся Трубников. — Пусть потом доказывают, что я рыжий».

Евгений респектабельно сел в машину и доехал до угла. За углом уже стоял трясущийся от холода беглец в больничной одежде, тапочках и одном носке.

— Быстро же ты! — усмехнулся Трубников.

— Врубай скорее печку! — простонал Колесников и плюхнулся на переднее сиденье.

Они рванули подальше от этой чертовой больницы, но вскоре Трубников сбавил газ. А собственно, куда вести господина журналиста? На Ленинский проспект? Но туда с утра явится милиция. К себе на Сущевский вал? Но и к Трубникову завтра могут нагрянуть господа правоохранители. Так куда?

— Ну, чего ты встал! — простонал Колесников, все еще трясясь от холода, хотя в машине уже было как в парилке.

— Думаю, куда тебя спрятать? Тебе нужно сейчас лечь на дно минимум на пару недель. Понял? Есть у тебя какая-нибудь бабенка незасвеченная?

— Бабенка? — растерялся Колесников.

— Ну да, баба! Девка! Лялька! Любовница! Дама сердца! Ты хочешь сказать, что у тебя нет даже любовницы?

Колесников как-то неопределенно повертел головой.

— Ну, ты даешь, Диман! А Людка Зыбина?

— Нет! С ней все кончено.

— Надо же... Что будем делать?

Трубников покрутил головой по сторонам.

— Где мы находимся? По-моему это Рязанский проспект. Слушай, где-то здесь по близости обитает Вова Кузнецов. Что если к нему? У меня, кажется, был его телефон.

— Ты думаешь? — с сомнением произнес Колесников. — Я слышал, что у него с головой не в порядке.

— Тебе ли опасаться? Боже мой! Наоборот вы друг друга поймете, — засмеялся Трубников и извлек из кармана электронную книжку. Немного порывшись в ней, он воскликнул:

— Мы спасены! Телефон есть! Ура!

Не долго думая, Трубников набрал номер Кузнецова и тут же услышал его дремучее «алло».

— Володя привет, это Женька Трубников, твой одноклассник. Мы тут с Димкой Колесниковым проезжали мимо и вдруг вспомнили о тебя. Как ты жив?

Кузнецов даже не удивился.

— Так заезжайте, если рядом! Я — жив, — невозмутимо ответил он. — Я как раз один. Записывайте адрес.

27

Кузнецов встретил их с широкой улыбкой. Он почти не изменился после школы, только под глазами появились фиолетовые круги, и лицо стало землистого цвета. А так — все тот же стройный брюнет с ясными глазами. Во взгляде не было ничего такого, что говорило бы о сдвиге по фазе. Только движение стали замедленными и речь с огромными паузами. Впрочем, он всегда был неторопливым.

— Проходите, — произнес Володя, извлекая из шкафа тапочки. — Только не пугайтесь: у меня в квартире небольшой беспорядок.

— Не из пугливых, — отозвался Трубников и прошел в комнату.

Однако тут же с изумлением застыл на пороге. То, что хозяин назвал небольшим беспорядком, классически называлось полным бардаком. Если бы не стеллаж с книгами в дальнем углу, можно было подумать, что находишься в городе Содоме после изливания на него Божьего гнева. Повсюду, в каком-то страшном беспорядке валялись совершенно немыслимые вещи, железки, бревна, коряги, камни, булыжники. На стенах висели черт знает какие картины, с потолка свисали железные крюки, на полу стояли деревянные клетки, и в них кто-то шебаршился.

Всех приличней в этой квартире выглядела уличная урна из чугуна, покрытая черным лаком. Из нее торчали три сухие веточки. Это, судя по всему, была икебана, произведение, так сказать, высокого искусства. Вообще, если внимательней взглядеться, все, что находилось в комнате, являлось произведениями искусства, хотя и в весьма своеобразных выражениях.

Пахло тоже весьма нетрадиционно: кошачьей мочой и

химикалиями какими-то неведомых животных. Последующего за Трубниковым Колесникова тоже хватил столбняк.

— У меня из клетки выбежали белые крысы, — пояснил Володя. — Они где-то здесь бегают под ногами. Вы не обращайтесь внимания. Их тридцать восемь штук

Как бы в подтверждении из-под дивана выглянула чья-то хитрая морда. Выглянула, понюхала и исчезла, как в Гоголевском «Ревизоре».

Гости прошли в комнату и сели в кресла за журнальный столик. Володя суетился на кухне, колдую над какой-то незамысловатой закуской. Купленные по дороге две бутылки водки пришлось как нельзя кстати, поскольку нахождение в подобном месте не предполагало трезвого состояния. Друзья осмотрелись по сторонам, и не увидели ни телевизора, ни радио, ни магнитолы.

— У тебя нет телика? — громко спросил Трубников.

— Нет! — донеслось из кухни. — Телевизор только отнимает время и ничего не дает для совершенства души.

Колесников поднял бровь и скорчил рожу, означавшую «вот ведь, едрит твою за ногу». Трубников выпятил губы и развел руками, что означало: «это тебе не хось мось».

Вскоре появился Володя с рюмками, вилками и железным блюдом, в котором крупными ломтями покоились хлеб, сыр и колбаса. Трубников с готовностью разлил по полной, и друзья, чокнувшись за встречу, залпом опустошили посуду.

Странное дело, но после первой рюмки гости в этой Кузнецовской обстановке начали улавливать какие-то элементы гармонии. А после третьей рюмки стало даже уютно.

— Ты где сейчас работаешь? — спросил Трубников, энергично разделяваясь с колбасой.

— В системе городского хозяйства, — ответил Кузнецов. — Лесорубом пашу. Недавно спилил три тополя на Плющиче.

— Зачем? — испугался Колесников.

— Начальство приказало. Трухлявые потому что стали. Кстати, их было четыре, а не три. Фильм, видимо, назвали тремя топиями чисто для благозвучия.

— Лесотехнической окончил? — спросил Трубников, проявив осведомленность.

— Нет. Ушел с третьего курса. Подвернулась одна интересная экспедиция в усадьбу Тургенева, так что пришлось бросить.

— Ты, говорят, ездил в Пермскую аномальную зону? —

вмешался Колесников.

— Ездил. Но там ничего интересного не было. Крыша у меня поехала после общения с Тургеневым. Не с Иваном, а с его дядей, — спокойно ответил Кузнецов и приложился к рюмке.

Гости перестали жевать и переглянулись.

— А как это выражается? — сглотнул слюну Колесников.

— Нарушился дисбаланс моей сущности. Из меня хотело выйти астральное тело.

Друзья, намеривавшиеся хлопнуть по стопке, как по команде, поставили рюмки на стол и круглыми глазами уставились на хозяина.

— Вы, наверное, слышали, что по аллеям усадьбы Тургенева уже двести лет ходит призрак его дяди, — произнес весьма будничным голосом Володя. — Это совершенно официально, и все музейные работники принимают это как должное. Для них он такой же экспонат, как рукописи писателя. Дядя Тургенева был масоном. Это он разбил парк перед усадьбой в виде звезды Соломона. Почти сразу же после этого барин подавился орехом, и его погребли в фамильном склепе, который находится на территории усадьбы. Но это к слову, для общего, так сказать, развития. В восемьдесят восьмом году наша аэрофотолесоустроительная экспедиция стояла недалеко от этой усадьбы, и я решил воспользоваться случаем и пообщаться с масоном. На центральной аллее, по которой ходил призрак, рос огромный тополь. На нем я свил себе гнездо и засел на ночь. Разумеется, я обезопасил себя крапивой и шпагой Парацельса, которую сделал из кочерги. Я же не сумасшедший! Словом, ждал я три ночи. И вот на четвертую, сразу после грозы я увидел на аллее светящуюся дымку. Она медленно плыла по дорожке, как раз к тому самому тополю, на котором сидел я. Когда я сообразил, что это и есть призрак дяди Тургенева, то спрыгнул вниз и пошел ему навстречу. Не дойдя нескольких шагов, я четко различил прозрачный силуэт старика. Он меня увидел, но не остановился. Видимо, собирался пройти мимо. Тогда я начал задавать вопросы. — Володя посмотрел на притихших гостей и рассмеялся. — Я ему про смысл жизни, а он мне про какой-то клад, зарытый под тополем.

— Ты слышал его голос? — спросил Колесников.

— Понимаешь, — поморщился Кузнецов. — Его голос исходил не от него. Он раздавался у меня в мозгах, такой хриплый, дряхлый голосино со старческим покашливанием. И

выражался старикашка так медленно, витиевато, и все больше про клад. А это был восемьдесят восьмой год. Сами понимаете, теософской литературы никакой, а меня очень тянула к эзотерическим знаниям. Словом, ходил я за ним всю ночь, но так ничего и не добился.

Володя сокрушенно вздохнул и снова поднял рюмку. Гости торопливо переглянулись, чокнулись, и Колесников спросил:

— Ну, а крыша-то, как поехала?

— А! — вспомнил Володя, зажевав водку сыром. — Это уже через две недели, когда мы приехали в Казань. Общение с призраком оставило у меня на сердце какую-то жуткую тяжесть. И вот однажды вечером я почувствовал, что эта тяжесть начинает выползать наружу, отщепив от меня половину моей сущности. Словом, астральное тело вышло из меня и пошло. Я естественно за ним. Следую в полушаге. Чувствую, что если оно отделиться полностью, то мне конец. Вот так мы и ходили по набережной Казани двое суток, точь-в-точь как на египетском барельефе, где за человеком в полушаге следует другой человек. Чего я, мужики, только не насмотрелся за эти два дня, каких только существ не увидел: и полулюдей, и полулошадей, и полусобак и полукозлов. Это невозможно описать. А одно инопланетное существо в виде осы, только метра четыре в высоту, попросило у меня энергии. Типа для того, чтобы добраться до своей планеты. Я так понял. Ну, я дал своей энергии. Взаимы, конечно. Дал, и вот прошло уже тринадцать лет, а оно все не возвращает.

Трубников взглянул на Колесникова и тут же отвернулся, поскольку тот судорожно трясся от рвущегося наружу хохота. Евгений прикрыл улыбку ладонью и отвернулся к двери. Воцарилось идиотское молчание.

— Тяжелый случай, — наконец выдохнул Трубников.

— Да, типичный козел! — подхватил Колесников и сам заблеял козлом, не в силах больше сдерживать смеха.

Трубников незаметно показал ему кулак, но не выдержал и тоже расхохотался. Кузнецов и не подумал обидеться.

— Ну, а зарабатываешь как? — поинтересовался Трубников, больше из вежливости, нежели из любопытства.

— Так себе, — ответил Володя. — Хотя иногда перепдают шабашки. — Вот месяц назад, например, я выпилил прорубь для Лужкова на Воробьевых горах.

— Выпилит? — одновременно воскликнули гости.

— Выпилит! Бензопилой! — невозмутимо подтвердил Во-

лодя. — Десять метров в длину и пять в ширину. Он же морж. Вы разве не знали? Пилил в шесть утра. Еще было темно. Пока допилил до конца, вымок как мышь. И думаете, сколько мне за эту работу заплатили? Двести рублей!

После этих слов воцарилось жуткое молчание. Колесников взялся откупоривать вторую бутылку, и Трубникова не мог не заметить, как дрожали его руки. Только Кузнецов ничего не заметил.

— Ну, а вы как? — спросил он, как ни в чем не бывало.

— Я возглавляю издательский дом, — ответил Евгений, стараясь быть непринужденным. — А Диман работает в газете. Кстати, у него в Нью-Йорке вышла книга стихов. И возможно в недалеком будущем выйдет исторический роман. Если конечно он его допишет.

— Никогда я его не допишу, — мрачно отозвался Колесников, справившись, наконец, с пробкой.

— А вот это зря, — покачал головой Кузнецов. — Роман — это очень серьезно. Незаконченное творение может исковеркать всю жизнь. Незавершенная судьба персонажа часто переходит на судьбу автора, и тогда ему самому приходится доживать жизнь за своего героя.

28

Нельзя сказать, что Володя произвел на Евгения тягостное впечатление. Он был таким же, как и в школьные годы, только более тормозным. Это не смертельно. Что касается его общения с призраками, то к этому хобби бывший одноклассник отнесся весьма спокойно, и даже с пониманием. Однако у Димана на это счет были свои соображения.

— Ну, а клад под тополем действительно был, как ты думаешь? — весь вечер допытывался он.

— Думаю, что был, — равнодушно пожал плечами Кузнецов.

— У а тебя не возникло мысли прибрать его к рукам? — продолжал напирать гость в больничной пижаме.

— Я как-то над этим не задумывался, — поморщил лоб хозяин.

«Не хрена себе, во дает!» — подумал Трубников, а Колесников подумал: «Точно трюкнулся!»

Собственно, из-за этого клада Колесников и остался ночевать у Кузнецова. А до этого не хотел. Трубников это чув-

ствовал.

— У меня на кухне диван. Сейчас я достану чистое белье, — невозмутимо произнес хозяин. — Ну, пижаму, как я понял, тебе не надо, — добавил он без тени иронии, наконец, обратив внимания на то, что один из его гостей был в нижнем белье.

За весь вечер Володя ни разу не выразил удивления ни по поводу странного одеяния бывшего одноклассника, ни по поводу его гипса на руке. «Это даже хорошо», — подумал Трубников и начал собираться домой.

— Завтра утром я съезжу к тебе домой и привезу одежду, — подмигнул он Колесникову. — И завтра же снимем с тебя гипс.

— Я сам его сейчас сниму, — ответил Диман.

Евгений потрянул друзьям руки и вышел на воздух. Сразу пахло сыростью и прохладой. С крыши капало. Вокруг — ни души. На часах было половина второго.

Вот какая гнусность! А завтра в девять нужно как штык быть на работе. А до работы нужно успеть съездить на Ленинский проспект к Диману за его одеждой. Конечно, это можно сделать и во время работы, но во время работы наверняка будут донимать господ из правоохранительных органов по поводу побега Колесникова из больницы.

До дома Трубников доехал без приключений. Никто его не остановил и не заставил дыхнуть в трубочку. На этот случай водитель держал одну зелененькую бумаженцию. Десять минут третьего полуночник вошел в квартиру.

Жена с чистой совестью сопела, предварительно обзвонив все Московские морги, потому что Трубников отключил сотовый. Есть не хотелось, пить тоже. Ночной гуляка быстро разделся и, не зажигая света, юркнул в постель. Жена не проснулась. Только немного повозилась и вдруг прошептала с жарким французским прононсом:

— Не покидай меня, Пьер!

— Какой еще Пьер? — дернулся Евгения и зажег настольную лампу.

Настя закрыла ладонью глаза и со стоном отвернулась от света, так и не проснувшись. Евгений скользнул по книге, которая лежала на ее тумбочке, и успокоился. Это была «Война и мир». Больше ничего не оставалось, как потушить свет и рухнуть виском в подушку.

Но едва коснувшись подушки, бедняга снова увидел сон про то, как он тщетно ждет свою супругу. Было уже поздно,

транспорт не ходил, метро закрылось, а ее все не было. Евгений звонил ей на мобильный, но из телефона доносилось всегда одно и то же: «неправильно набран номер». Тогда Трубников в отчаянье принялся обзванивать больницы и морги, только никто не отвечал. И вот, наконец, когда бедняга совсем отчаялся, замок в дверях щелкнул, и Настя медленно вплыла в прихожую с мечтательной улыбкой на губах.

— Ты где была? — воскликнул Трубников, вне себя от отчаянья, но вместо ответа Настя рассмеялась и жеманно отвела глаза. — Отвечай, или убью!

Она снова неприлично расхохоталась, и глаза ее ускользнули куда-то в сторону. Трубников размахнулся для удара, но рука застыла на месте. «Стоит один раз ударить, и больше не остановиться», — сверкнуло в больной голове.

Бедняга знал, что это сон, и что по соннику царя Соломона, если бьешь во сне жену, значит она изменяет. «Убить! — возникла спасительная мысль. — Убить, и дело с концом. Убить, чтобы навсегда отмучиться...»

Но Трубников не мог убить. Он поклялся больше никогда не убивать. Кому он поклялся, когда и при каких обстоятельствах? — несчастный не помнил, но точно знал, что такую клятву он давал. Тогда обезумевший муж сделал страшные глаза и с надрывом в голосе возопил:

— Да скажешь, наконец, где ты была?

— У Людки Зыбиной, — ответила жена и снова спрятала глаза.

— Врешь, сука! — с рыданиями воскликнул Трубников.

И влепил первую пощечину. А следом — вторую. После этого его ладони сами сжались в кулаки, и удары посыпались градом. И чем больше он молотил кулаками, тем больнее кровоточило сердце. «Но ведь силой верности ни добьешься», — сверкнула последняя мысль, и Трубников проснулся.

Он был в холодном поту, сердце колотилось, как у сумасшедшего, в голове бушевал прибой. Трубников повернул голову и не увидел жены. Обычно, когда Настя вставала, он всегда просыпался. У него очень чуткий сон. «Как тихо она сегодня выскользнула», — подозрительно подумал Трубников и посмотрел на часы. Было четверть восьмого утра.

Трубников поднялся с постели и с тревогой обошел квартиру, но ни в зале, ни в кабинете, ни в гостиной жены не обнаружил. Она была на кухне. Стояла у плиты и мило помещивала ложечкой в маленькой кастрюльке. А краем глаза

косилась в телевизор, по которому передавали утренние новости.

— Привет, — улыбнулась она мужу. — Почему так рано вскочил?

Вместо ответа он подошел к ней и нежно обнял за талию. Она также доверчиво прильнула к нему и погладила по голове.

— Скажи, — тихо произнес Трубников, — у тебя кто-то есть?

Настя рассмеялась и шаловливо оттолкнула мужа. После чего серьезно посмотрела в глаза и произнесла:

— За всю жизнь я знала только одного мужчину.

Внутри у Трубникова мгновенно потеплело. По всем его суставам начали разливаться покой и благодать. Он чмокнул жену в шейку и вернулся в спальню. «Пожалуй, минут пятнадцать еще понежусь», — подумал он и зарылся в подушках. Однако понежиться не удалось. Внезапно в спальню вбежала жена и дрожащим голосом сообщила новость:

— Только что передали по телевизору: «Какой-то неизвестный в маске ворвался в больницу и обстрелял кровать журналиста Дмитрия Колесникова».

29

Это происшествие весь день смаковали в телевизионных новостях. Каждый канал толковал покушение по-своему. Новость с каждым часом обрастала какой-то забавной чепухой и всякими невероятными подробностями, но, в конце концов, к полудню следящим за событиями телезрителям предстала точная картина происшедшего.

Итак, в больнице произошло следующее: в начале седьмого, сразу после пересменки медсестер, на втором этаже реабилитационного отделения появился человек в маске. Он вышел из лифта и направился к дежурной медсестре, которая сидела за столом в коридоре и просматривала карты больных. Мужчина молча приблизился к ней, навел на лоб пистолет и приказал, чтобы она открыла изолятор, в котором находился журналист. Сестра потребовала, чтобы человек в маске немедленно покинул больничные покои, или на худой конец надел белый халат. Неизвестный взвел курок, и сестре ничего не оставалось, как уступить просьбе посетителя.

После того, как она собственноручно отперла дверь изо-

лятора, мужчина хладнокровно произвел семь выстрелов в спящего Колесникова. Но тут внезапно выяснилось, что журналиста в изоляторе нет, а вместо него под одеялом покоятся четыре подушки. До преступника это дошло только после опустошения обоймы. «Где он?» — спросил убийца и, не получив ответа, оглушил медсестру рукояткой пистолета. После чего, скрылся в неизвестном направлении. Однако Колесников тоже до сих пор не найден. Видимо, он ждал такого поворота событий и предусмотрительно принял меры.

Слушая эти новости на работе, Трубников с минуту на минуту ожидал, что в кабинет ворвутся рослые молодчики в камуфляжной форме. Ведь, как никак, а издатель был последним, кто видел Колесникова живым и невредимым. Дежурную медсестру наверняка уже допросили. Вряд ли она станет выгораживать вечернего посетителя.

Глава издательства решил не признаваться. Пусть докажут, что это он похитил Колесникова. Да, был в больнице. Ну и что? Вышел через парадный вход. Вышел один. Вахтер может подтвердить. Куда мог деться Колесников? Кто его знает? Журналисты — народ непредсказуемый.

Но в «Элирну» так никто и не нагрязнул. И не могли нагрязнуть. Это Трубников понял в три часа дня, когда сообщили новую подробность этого непонятного происшествия. И она была ужасной. Медсестра, которая дежурила ночью, была застрелена в собственной квартире около восьми утра. Теперь дать показания по поводу того, что Колесникова каждый вечер навещал молодой респектабельный блондин с карими глазами, было некому. Про это мог рассказать только вахтер, но вряд ли его об этом спросят. Он уже с утра заявил, что во время дежурства через его блокпост не проскользнула ни одна мышь.

Ближе к вечеру сообщили, что журналист Колесников до сих пор не найден, однако дверь в его квартиру оказалась взломана. Судя по всему, преступник сразу после больницы отправился к нему на Ленинский проспект, и, не найдя его на месте, поехал к медсестре, которую затем и застрелил. Об этом свидетельствовала пуля, извлеченная из ее головы. Она была выпущена из того же пистолета, что и те семь пуль, оставленные в больнице.

— Вот это номер, — присвистнул Трубников и набрал телефон Кузнецова.

Трубку поднял Володя и сказал, что Диман отправился в ларек за пивом.

— За пивом? — ужаснулся Трубников. — Вы что, не слушаете новости?

— Откуда? — засмеялся Кузнецов. — У меня нет ни телевизора, ни радио. Газет я тоже не выписываю. Потому что газеты — абсолютно пустое чтение!

— Как только Диман вернется, пусть немедленно позвонит мне, — строго наказал Трубников.

— А Диман разве не звонил? — спросил Володя. — В пять утра он не тебе звонил?

— В пять утра? — удивился Трубников.

— Да, в пять. Вчера, как только ты уехал, он вспомнил, что оставил свой роман в больнице. Диман попытался позвонить тебе на сотовый, но твой сотовый был отключен. Он хотел тебя попросить, чтобы ты заехал в больницу и забрал тетрадку. А я думал, что в пять он звонил тебе. Значит, я ошибся. Когда он утром вернулся, я не заинтересовался насчет тетрадки. Может, он ее уже забрал.

— Не понял, — нахмурился Трубников. — Откуда он вернулся?

— Понятия не имею, — ответил Кузнецов. — Сразу, после того, как он в пять утра позвонил (я думал, тебе), Диман оделся в мою одежду и ушел. Вернулся в девять...

Трубников в замешательстве бросил трубку на рычаг и глубоко задумался. Что-то здесь не чисто. Кому в пять утра мог звонить Диман?

Его размышления прервал приход детектива. Он без доклада вошел в кабинет и с порога заявил:

— Все, о чем вы меня просили, я выяснил.

Трубников кивнул ему и попросил секретаршу принести кофе.

— В общем, так, — начал детектив, уютно расположившись за журнальным столиком. — Марина Маргулина с пятого февраля по девятое марта находилась в законном отпуске. Она его полностью провела в Химках у матери. Они с ней занимались ремонтом. Вот почему она там жила. Что касается ее мужа: в списках аэропассажиров таковой не значится. То есть ни в феврале, ни в марте Олег Маргулин никуда не улетал, и ниоткуда не прилетал. Также он никуда не уезжал на поезде. Я проверил списки железнодорожных пассажиров. Остается одно: если он действительно покинул Москву, то только на автомобиле.

— Вы сами как думаете? — выгнул брови Трубников.

— Мое дело не думать, а изыскивать факты. А такими

фактами, которые бы подтверждали, что он был в отъезде, я пока не располагаю. Мне удалось узнать, что шестого февраля около четырнадцати часов Маргулины приехали на турбазу вдвоем. Супруг был одет в легкую серую куртку и светлые штаны, супруга — в белую короткую шубку и бордовое кепи с длинным козырьком.

«Черт! — сверкнуло в голове у Трубникова. — А ведь так и не спросил у Димана, во что была одета жертва?»

— Вы узнали, действительно эта пара значится в списках свидетелей взрыва на «Белорусской»?

— Не только узнал, но и своими глазами видел протокол с их подписями. Взрыв произошел пятого февраля в восемнадцать сорок пять. Протокол свидетельских показаний был составлен в девятнадцать пятьдесят. Так что с ними все нормально. Про фамилию Олега я тоже узнал. Его прежняя фамилия была Козлов. В школе, наверное, дразнили Козлом, поэтому он и взял фамилию жены. Но это мое личное предположение.

— Спасибо, — рассеянно поблагодарил Трубников, думая о своем. — Узнали вы достаточно. Но пока притормозите с Маргулиными. Появилась более срочная работа. Вы, вероятно, слышали о покушении на Колесникова? Сегодня целый день об этом трезвонят. Про убийство медсестры тоже, наверное, слышали? Так мы и не узнали от нее, кто кроме меня интересовался Колесниковым?

— Почему не узнали? — улыбнулся Горохов. — Вчера я с ней разговаривал, приблизительно через двадцать минут после того, как ваш «Ауди» отъехала от больничных ворот.

Брови генерального взметнулись вверх. Интересно, капитан знает, что он уехал с пассажиром?

— Ну, и что вы у нее выяснили? — поинтересовался Трубников.

— Что журналистом интересовались две женщины. Они ежедневно звонили в справочную больницы и подробно расспрашивали о состоянии здоровья Колесникова. Одна представлялась его двоюродной сестрой, другая невестой.

— Интересно, — покачал головой Трубников. — Более чем интересно. Насколько мне известно, у Димана нет сестер, ни родных, ни двоюродных. И невесты нет. Ха! Мистика, да и только. Ну а кроме меня еще кто-нибудь посещал Колесникова?

— Один раз приходила какая-то женщина. Это было днем. Ее не пустили, поскольку часы были не приемные. От

нее взяли только передачку.

— Что за женщина? Опишите!

— Медсестра ее не видела. Так что описать не могу.

— А мужчина приходил?

— По поводу мужчины она ничего не знает. Но, честно говоря, я ей не поверил.

Мысли заскакали, как кузнечики. Трубников напряг на лбу вены и впал в чрезвычайную задумчивость.

— Вот что, Павел, — произнес он, после дремучего молчания, — вы должны найти того, кто стрелял в Колесникова. Он же, судя по всему, убил и медсестру.

— Найти по горячим следам не сложно. Но вся загвоздка в том, что у меня нет доступа к месту происшествия, — вздохнул капитан. — Сейчас там работают господа из прокуратуры. Меня близко не подпустят. Так что по этому инциденту могу сказать только одно: стрелял не профессионал.

30

После того, как детектив ушел, Трубников снова позвонил Кузнецову.

— Диман вернулся?

— Еще нет.

— Неужели так далеко пивной киоск?

— Близко. Сам удивляюсь, почему он так долго ходит?

— Он ушел в твоей одежде?

— Почему в моей? В своей!

— Откуда у него одежда?

— Понятия не имею. В девять утра он возвратился в своей одежде. А мою принес в пакете.

— Как вернется, пусть сразу позвонит, — рявкнул Трубников и бросил трубку.

Генеральный закрыл лицо ладонями и застонал. Дьявольщина! Да ведь это снова очередные штучки Колесникова. Как он мог, Евгений Трубников, знавший Димана как облупленного, опять попасться на его удочку?

Глава издательства вышел из-за стола и принялся возбужденно ходить из угла в угол. Главное спокойствие. Сейчас нужен холодный лоб и трезвый рассудок.

Он подошел к журнальному столику, залпом выпил остывший кофе и погрузился в кресло.

С утра, услышав новость о покушении на журналиста, ге-

неральный проникся уверенностью, что тот, который желает избавиться от Димана (а это тот же самый, что подкинул ему наркотики), кровно не заинтересован в том, чтобы сумасшествие Колесникова на почве убийства Маргулина выплыло наружу. Вот почему он решил убрать больного до того, как его упекут в психушку. Хотя непонятно, зачем нужно было убивать медсестру? Вероятно, затем, что она знала больше, чем следовало?

Так думал Трубников утром и еще даже полчаса назад, но сейчас все больше проникался подозрениями, что Диман не так прост, как прикидывается. Вечером он был растерян и не знал, куда ехать, чтобы исчезнуть на пару дней, а в пять утра уже с кем-то созвонился. После этого он уходит и является через несколько часов в своей собственной одежде. Значит, Диман ездил домой. Следовательно, не случайно дверь в его квартиру оказалась выбитой.

Трубников полез в карман и извлек связку ключей. А ведь ключа от квартиры у Димана действительно не было. Так-так! Любопытно...

Что же получается фактически: Колесников от Кузнецова уходит в пять, а приходит в девять. За эти четыре часа расстреливают его кровать в изоляторе, выбивают дверь его квартиры и убивают медсестру.

Трубников снова описал круг по кабинету и остановился перед зеркалом. Из зеркала на главу издательства смотрел серьезный мужчина во всем черном, в глазах которого не было ни малейшей искры наивности. «Как же тебя так подетски облапошил Диман», — усмехнулось отражение в зеркале и направилось к креслу.

Итак, попробуем произвести события с самого начала. Пятого февраля в два часа дня Марго звонит Диману на работу и назначает свиданье на семь вечера в его собственной квартире. Этот факт подтвердили сотрудники отдела. Действительно ему звонила какая-то женщина, после которой он пришел в неопикуемый восторг и сбежал с работы, спихнув свой материал коллеге. Это совершенно в духе Колесникова. После этого Марго, по его словам, приехала к нему. Она приехала в семь вечера, и это первое его вранье, поскольку Маринка в это время находилась с мужем на Белорусской площади. Маргулины пребывали там с восемнадцати сорока пяти (в это время прогремел взрыв) до девятнадцати пятидесяти. Именно в девятнадцать пятьдесят был составлен протокол, и супружеская чета запечатлела на нем свои авто-

графы. Вывод: все, что говорит Колесников о визите Марго к нему, — бред сивой кобылы. Правда, Маринку в тот день и час видела на Ленинском проспекте его законная, но жена могла и опознаться, тем более после Китайской кухни. У нее всегда плохо с головой после Китайского ресторана.

«Но блин! — хлопнул себя по лбу Трубников. — А ведь звонок Марго в редакцию тоже можно сфабриковать. Разве сложно по телефону назвать любую женщину чужим именем, а потом разыграть несусветную радость? Да что женщину? По телефону женским именем можно назвать и мужчину. Кто будет проверять? Тем более что Колесников мастер на подобные фокусы».

Трубников снова поднялся с кресла и принялся метаться по кабинеты, как тигр по клетке. Его все больше одолевала уверенность, что у Колесникова есть соучастница. А ведь, как пить дать, есть!

Издатель вспомнил, что из бюро доверия тоже звонила женщина, которая, кстати, не представилась. Из какого бюро звонила? Не сообщила. В Москве их сотни. Она сказала, что телефонная служба засекла только первые три цифры. И снова натяжка! Неужели служба доверия настолько бедна, что не может позволить себе телефон с определителем? Хотя она не говорила, что у них телефон без определителя. Она, кажется, сказала, что не высветился номер звонившего. Допустим, так. Такое бывает. Но почему МТС засекла только первые три цифры? У них там что, допотопная аппаратура? Тоже нестыковочка! А если бы после этого не позвонила жена, которая случайно знала, что новый телефон Колесникова начинается с этих цифр, то всего бы этого геморроя сейчас не было...

«Хм, — насторожился Евгений. — Жена. Так-так... Случайно позвонила, случайно знала номер телефона, случайно увидела Марго у дома Колесникова. Не слишком ли много случайностей?»

Однако поразмыслить над этой странностью глава издательства не успел. Кабинет оглушил тревожный звонок. То, что он был тревожный, Трубников почувствовал печенкой. Когда он снял с аппарата трубку, то, еще не поднеся к уху, услышал голос своей жены. «Легка на помине», — нахмурился Трубников.

— Женька! — взвизгнула Настя. — Нашу дверь подожгли! Я задыхаюсь! Спаси!

— Что? — не поверил ушам Трубников. — Скорее наби-

рай воду в таз и заливай! Я сейчас приеду.

— Я боюсь открывать дверь! Вдруг меня застрелят, — простонала жена.

«Действительно, — чиркнула в мозгах. — Может, и подожгли с целью выманить хозяев».

— Правильно, не открывай. Скорее звони соседям, пусть они тушат! Скажи, что открыть не можешь. Сама закройся на кухне и дыши в форточку. Я еду!

— А вдруг я сгорю? — захныкала жена.

— Не бойся! Дверь бронированная. Вылей пара ведер на деревянную дверь, но не открывай.

Трубников бросил трубку и пулей выскочил из кабинета. Бешено летя в сторону Сущевского вала, он на ходу позвонил в милицию и в пожарную часть. Дозвонился он и до своего детектива, капитана Горохова.

Когда Евгений подъехал к дому и пулей взлетел на свой этаж, от сердца отлегло. Пожар был затушен силами площадки. Под ногами — море воды, потолок черен от копоти. Вокруг его обгоревшей двери возбужденно суетились люди.

Они звонили, стучали и кричали, но из квартиры не откликались. При виде хозяина жильцы расступились и мрачно доложили, что взломать дверь не смогли. Трубников отпер квартиру ключом (слава Богу, что замок не пострадал) и, холодея от ужаса, переступил порог.

Помещение было загазованное до такой степени, что закололо в глазах. Кухонная дверь была плотно закрыта, а внизу подложена тряпка. Трубников повернул ручку и облегченно вздохнул. Настя стояла на столе и, высунувшись в форточку, горько рыдала. При виде мужа она без сил упала ему на руки, и ее рыдания гармонично созвучно развивались в радостный смех. Проследовавшие за Трубниковым соседи, хором воскликнули «Слава Богу!» и бросились открывать окна.

Первым приехал Горохов, за ним — пожарные, а за пожарными — милиция. До милиции детектив внимательно осмотрел площадку, дверные глазки соседей, наконец, обгоревшую дверь квартиры. Обнюхав каждый сантиметр обшивки, он сказал:

— Поджег дилетант. Профессионал не решился бы на такую наглость среди бела дня, не залепив дверных глазков соседей.

Собственно, сгорела только кожаная обшивка. На дверь, как выяснили эксперты, плеснули литровую банку бензина и бросили горящую спичку. Соседи, естественно, ничего не видели, не слышали и первые пять минут не чувствовали запаха дыма. Только телефонный звонок Насти поднял их на ноги и мобилизовал на борьбу с огнем. Каждый квартиро-съемщик с площадки счел своим долгом вылить на пылающую дверь по два ведра воды, и таким образом пожар был ликвидирован.

Пожарные уехали крайне разочарованными, а милиция принялась опрашивать жильцов и составлять протокол. Выяснить ничего не удалось: посторонних машин у дома не видели, на чужих людей в подъезде не обратили внимания.

— Вы сами кого подозреваете? — поинтересовался опер-уполномоченный.

В ответ Трубников только развел руками, хотя у него и были кое-какие подозрения. Как только милиция уехала, хозяин сразу кинулся к телефону и набрал номер Кузнецова.

— Колесников не появился?

— Нет. Мне кажется, он уже не придет.

То же самое подумалось и Трубникову. Причем, уже давно. Более того, он был уверен, что Колесников больше не появится ни у Кузнецова, ни дома, ни на работе. Нечто подобное уже происходило в октябре девяносто третьего. Евгений водворил трубку на место и повернулся к детективу.

— Что означает сожжение двери? — спросил он.

— Это предупреждение. Помните, кому вы задолжали крупную сумму денег?

— И вспоминать нечего: долгов у меня нет.

— С «крышей» были проблемы?

— Никогда. Рэкет исключайте сразу. Фирму защищают органы.

— Странно. Может, какие-нибудь старые дела?

Трубников задумался.

— Есть одно дело семилетней давности. Но это вряд ли. Во-первых, те деятели осуждены. Во-вторых, они бы не стали так сразу, наскоком. Сначала бы, наверное, поговорили. В-третьих... — Трубников запнулся. — Впрочем, возможно, что и они. А может, и нет? Честно говоря, я сам в недоумении!

— Тогда остается только одно, — поднял палец Горохов,

— вы влезли в какое-то не свое дело. И влезли довольно основательно, если они пошли на такой отчаянный шаг. Этот поджог — акт отчаянья. Будьте осторожны, потому что тот, кто вас предупреждает, не профессионал. А значит, его действия непредсказуемы. Он действует дерзко, пренебрегая опасностями. Дилетант — это хуже всего. Поверьте мне, тертому волку.

— Вот что, Павел Алексеевич, — мрачно ответил Трубников. — В октябре девяносто третьего была взята группа московских гангстеров, которые числились работниками фирмы «Мираж». На самом деле — фирма была прикрытием, а ее работники были обыкновенными бандитами. Накрыл их ваш шеф, Вадим Александрович Кожевник, тогда еще майор Ленинского РОВД. Из восьми человек, которых посадили, меня интересуют трое: Геннадий Белянкин, Павел Почепцов и Николай Егоров. Где они сейчас? По идее, должны топтать зону. Им дали по десять лет. Я это точно знаю, поскольку присутствовал на суде в качестве свидетеля.

Трубникова перекосило, а Горохов почему-то улыбнулся.

— Хорошо, завтра я узнаю, — сказал он и направился к выходу.

— Только не затягивайте, — бросил в спину работодатель.

— В принципе, могу узнать и сегодня, — обернулся Горохов. — Это зависит от того, кто сейчас в Управлении сидит на базе данных.

После того, как детектив ушел, Трубников закрыл окна и обнял супругу. Она еще тряслась, то ли от холода, то ли от страха. Дым выветрился, но в квартире стало как в морозильнике. Пришлось закутать жену в шубу, усадить в кресло и поставить у ног обогреватель. После того, как она пришла в себя, Трубников сказал как можно мягче.

— Я не знаю, что происходит, но пока ситуация не прояснится, ты должна пожить у родителей. Позвони им, объясни, в чем дело. А хочешь, я позвоню?

— Они сейчас живут в Подольске у тетки, пока она за границей.

— Это даже лучше! — обрадовался Трубников. — Пока я разберусь с этими козлами, ты побудь с ними. А на работе возьми отпуск за свой счет.

— Чего они хотят, твои козлы? — спросила с дрожащим подбородком Настя.

— В том-то и дело, что не знаю. Сейчас мой человек над

этим работает, а тебе пока надо исчезнуть.

— А вдруг они тебя убьют?

— Ну, смерти я не боюсь. Самым обидным будет, если я так и не узнаю, за что меня грохнут?

Настя кинулась к мужу на шею, крепко прижавшись своей горячей грудью. Дрожь еще продолжала ее бить, но уже, кажется, шла на убыль.

— Ты будешь грустить, если меня убьют? — прошептал Трубников.

— Буду, — ответила Настя, судорожно всхлипнув. — Ты же знаешь мою дурацкую привычку плакать по всяким пустякам.

Трубников улыбнулся и подумал, что если к жене вернулось чувство юмора, значит пора ее вести к родителям.

Через час они уже пересекали границу города, и Трубников очень внимательно всматривался в летящие за ними машины. Хвоста, кажется, не было. Но, возможно, он ошибался. В любом случае охотиться будут за ним, а не за женой. Но пусть на всякий случай она будет подальше.

Он нежно взглянул на Настю и улыбнулся. Если Колесников однолюб, он как влюбился в Маргулину в шестом классе, так и пылает к ней страстью по сей день, то у него, у Трубникова, все было по-другому. К своим одноклассницам Евгений страстью не пылал, и практически ни одна из них ему не нравилась. Интерес к девушкам у Трубникова начал проявляться после школы. С Настюшей Лазуткиной он познакомился на одной студенческой вечеринке. Станцевал с ней один танец и сразу забыл. В студенческие годы Трубников был любвеобилен. На первом курсе он был влюблен сразу в четырех поэтесс, однако Лазуткина в их число не входила. Да она и не была поэтессой.

Во второй раз они встретились на улице в девяносто первом году и сразу кинулись друг к другу в объятия. Смачно расцеловавшись, парочка зашла в кафе вспомнить общих друзей. Это был настолько прекрасный вечер, что Трубников вызвался проводить ее до дома, разумеется, без всякой задней мысли. Исключительно для того, что бы по дороге поболтать еще. Но внезапно у подъезда Настя покраснела и сказала, что гость может подняться к ней на чашечку кофе.

Столь неожиданное предложение немного смутило молодого поэта. Он хотел отказать, поскольку в этот день намеривался посетить один литературный салон на улице Герцена, но почему-то кивнул головой и поплелся за ней в подъ-

езд.

Уже в лифте Трубников стал смотреть на свою новую подругу совсем иными глазами. Точнее — не смотреть, а почитать. Ее глаза были большими и прекрасными...

Впрочем, глаза Евгений разглядел позже. А в лифте поэтический взор студента Литературного сразу уперся в ее пышную грудь. Следом поэт скользнул по ее округлым бедрам, аккуратным ножкам и искренне подивился тому, что как такая аппетитная девушка прошла мимо его взора? Вот только после этого инженер человеческих душ взглянул в глаза и увидел в них такое, что повергло его в крайнее смущение.

Если в кафе они беседовали весьма непринужденно, то кофе на Настинной кухне пили в большом напряжении. Как не ерзал Трубников глазами по потолку, его взгляд почему-то всегда застревал на высокой груди хозяйки. Дыхание перехватывало, и кофе не лезло в горло. У Лазуткиной тоже западало дыхание, вероятно, от взгляда Трубникова. В конце концов, она позволила прикоснуться к своим прелестям и расстегнуть три верхние пуговицы на блузке. Но не более того. Трубников ушел от нее в весьма унылом настроении и с чувством невыполненного долга.

Но это было только началом их романа. Он длился по всем классическим законам ухаживания: цветы, шампанское, кино, театры, литературные салоны, поцелуи в подъезде и одинокое возвращение восвояси. По мере развития их любви, шло планомерное завоевание ее роскошного тела. Грудь Евгений полностью отвоевал только на четвертом месяце ухаживания.

Это были упругие, круглые и в тоже время нежные с розовыми сосками прелести, которые могли украсить любой эротический салон мировой величины. Она давала упиваться ими на всю катушку, но ниже пояса ничего не позволяла. На седьмом месяце романа поэт раздевал возлюбленную до трусиков, совершенно теряя голову от ее гладких ног и кокетливых ямочек на попе. Но более чем млет, зрительно упиваться и чахнуть над ними, будто над золотом, она также не позволяла. На двенадцатом месяце они решили пожениться.

Трубниковы жили счастливо целых пять лет. Целых пять лет они пребывали в полной гармонии и согласии. Все у них ладилось и в постели, и в материальном благополучии. Настя была ласковой, нежной и уютной женщиной. Она была

эталоном верности и целомудрия. Это как раз то, что требуется для настоящего семейного очага. Юный муж души в ней не чаял и порой с ужасом вопрошал, что было бы с ним, если бы они не встретились тогда на Тверском бульваре? С кем бы он обитал? С какой-нибудь бомондовской прошмонтовкой, или элитарной сучкой, которыми напичкана вся Москва. Повезло же ему, дураку!

Однако все это внезапно закончилось в августе девяносто седьмого после вечера с одноклассниками. Лучше бы на него Евгений не ходил. Настя пойти с ним не могла. Она плохо себя чувствовала по женской части. А он пошел. И вот после этого в душе все потухло...

В Подольске почти у самого дома Настиных родителей неожиданно зазвонил сотовый. Это был детектив.

— Насчет Белянкина и Почепцова выяснил. Они попали под амнистию, и были освобождены в начале февраля. Егоров все еще сидит. Ему в ближайший год амнистия не светит.

Трубников эмоционально хлопнул себя по лбу и от возбуждения едва не съехал на обочину. Так вот где собака зарыта! Эта оказывается продолжение все той же четвертой подлости Димана, что и следовало ожидать. Вот дьявольщина!

— Павел Алексеевич, — крикнул он в телефон. — Все бросьте и срочно разыщите Колесникова. Да-да, того самого, что сбежал из больницы. Сегодня ночью он ночевал у моего одноклассника Володьки Кузнецова. Кузнецов живет на Рязанском проспекте. Возможно, Колесников снова явится к нему на ночь. Хотя я не уверен.

— Хорошо, попробуем, — ответил Горохов. — Диктуйте адрес Кузнецова.

— Ты думаешь, поджег связан с Колесниковым, — заволновалась жена.

— Не думаю, а уверен. Помнишь, как нам сожгли дверь в девяносто третьем? История повторяется.

32

То, что предлагал Диман, походило на бред. Зубы его клацали, и глаза лихорадочно горели. Был конец сентября девяносто третьего года.

— Ты сам-то понимаешь, что предлагаешь? — отмахивался Трубников.

— Женек, точно тебе говорю, третьего октября будет штурм Белого дома. Не веришь? Об этом известно в Москве только четверым журналистам. Женька. Будет дикая заваруха! Как ты не поймешь? Такой шанс предоставляется только раз в жизни.

— Диман, у тебя крыша едет! — раздраженно отмахивался Трубников. — Больше не смотри американских боевиков! Тебе вредно!

Колесников был удивительно мягок и не отвечал на раздражение тем же.

— Согласен. Это риск. Но это единственный шанс вылезти из нищеты. Нам судьба дает возможность распрощаться со своим рабским происхождением. Ты талантливый поэт, а за гроши горбатишься в издательстве на должности младшего редактора. И будешь горбатиться до пенсии, и никто никогда не оценит твоего литературного дара. Пойми, Женька, с твоими способностями тебе нужно иметь собственное издательство. Только никто тебе его не приготовит. Не надейся! А после нашей операции у тебя появится возможность стать хозяином.

Что касается мизерной зарплаты, тут Диман задел за живое. Несмотря на то, что Евгению приходилось просиживать на работе по двенадцать часов, зарабатывал он сущие гроши. А чем еще было заниматься студенту заочнику Литературного института, которого (несмотря на то, что ему учиться и учиться), уже приглашали в аспирантуру? Однако Трубников предпочитал редактировать переводы бездарных зарубежных беллетристов. Почему-то все редакторы частных издательских домов дружно решили, что закордонная литературная серость — это то самое, что необходимо российскому читателю.

Трубников с ужасом видел, как книжные магазины и развалы заполнялись этим околослитературным мусором в вальгарных глянцевых обложках. Видел и ничего не мог поделать. Тут Диман попал в точку, сделав упор на то, что после третьего октября Трубников уже сможет влиять на издательский процесс в стране.

— Но ведь это преступление, — шевелил бровями Евгений, возражая уже не так категорично.

— Какое преступление, Женек! — восклицал Колесников. — Опомнись, товарищ! Разуй глаза! Посмотри, что вокруг творится. Те, кого мы собираемся грабануть, самые первейшие бандюги. Обувать бандитов — не грех, а наоборот, —

долг честного гражданина. Разве Робин Гуд вошел в историю бандитом? Ничего подобного! Он герой. И мы будем герои, если провернем это дело.

Трубников уже не возражал, а остервенело чесал затылок. Честно говоря, изымание награбленного, он не считал аморальным делом. Более того, ограбление крутых бандитов — это доблесть высшего порядка, которой бы он втайне гордился.

— Как ты себе это представляешь? — вяло поинтересовался Трубников.

— Все предельно просто! — обрадовался Колесников. — Их контора находится в переулке Капранова, как раз в зоне будущих боевых действий. Мы ставим напротив офиса киоск и начинаем вести наблюдение...

— Где мы возьмем киоск? — раздраженно перебил Трубников.

— На свалке. Я уже присмотрел. Он немного побитый, но ведь нам в нем не гостей принимать. Наше дело поймать машину и привести его в переулок Капранова. Мы сделаем это второго октября. В этот день чухнуть не успеют, а третьего будет не до киоска. Мы останемся в киоске на ночь с газовым гранатометом.

— С чем?

— А вот его придется купить. Но это небольшие деньги. Если у тебя нет, я куплю на свои, а после операции, честно поделим расходы.

— А ты умеешь пользоваться газовым гранатометом? — сдвинул брови Трубников.

В ответ Колесников вытаращил глаза.

— Ты меня удивляешь, Женек! Кто у нас артиллерист ты, или я? Ты чем в армии занимался?

— Стихи писал.

— Ну, брат! Если все начнут писать стихи, то скоро будет некому защищать Родину? Ладно, шут с ним! Я спрошу у тех, у кого куплю гранатомет, на что там надо нажимать. Это не проблема. Проблема в другом. Хотя — это тоже не проблема... Проблем, Женек, вообще не существует. Вариант беспроектный. Поверь, что если третьего во время заварушки мы будем сидеть в киоске в камуфляжной форме и в противогазах, то все у нас получится.

— А где мы возьмем форму и противогазы?

— Купим в оружейном подвальчике на Пушкинской.

Колесников перевел дух, стер со лба испарину, затем де-

ловито продолжил:

— Итак, мой план такой: после того, как начнется штурм, мы улучшаем момент и стреляем из дуры в нижнее окно «Миража». В конторе начинается паника. Мы в форме и в противогазах вбегаем в офис и начинаем руководить эвакуацией. Ты останешься внизу, у двери и будешь направлять фирмачей к выходу, а я побегу на второй этаж, якобы для того, что бы проверить, все ли вышли, а сам вскрою железный шкаф и выгребу деньги.

— Минуточку! — поднял палец Евгений, почувствовавший в голосе друга фальшь. — Ты хочешь сказать, что вскроешь сейф?

— Нет! — вздохнул Колесников. — Сейф нам не вскрыть. Но железный шкаф я вскрою. Можешь не волноваться.

— Какой железный шкаф? Чего ты мелешь? — поморщился Трубников.

— Там рядом с сейфом стоит железный шкаф. Я своими глазами видел в нем пачки денег. В шкафу бандиты хранят наличку на текущие расходы. Основные деньги у них в сейфе, но нам хватит того, что в шкафу.

Что-то было натянуто с этим железным шкафом. Трубников это почувствовал. Однако Колесников тут же начал клясться мамой, что без денег они не уйдут. Он убеждал в этом товарища так горячо, что тот, в конце концов, сдался.

Как все-таки этому сумасшедшему Диману удалось подбить трезвого и благоразумного Евгения на эту рискованную авантюру, ему до сих пор непонятно. Да и с ним ли все это происходило? «А не сон ли это?» — качал головой издатель, возвращаясь по вечернему шоссе в Москву.

Но о том, что все это происходило в реальности, а не в воображении, свидетельствует его издательство. Только благодаря той операции Трубников стал владельцем издательского дома «Элирна».

Уже стемнело. Зажглись фонари. На шоссе вылезли ночные гаишники. Трубников подумал, что во второй раз он ни за что бы не решился на такую авантюру.

Дома без жены было одиноко. Душу гноили тоска и тревога. Эта была не та тревога, появляющаяся после того, как жизни начинает угрожать опасность. Это была тревога, свя-

занная с отсутствием кого-то родного.

Трубников устало опустился в кресло, положил ноги на журнальный столик и включил телевизор. Насте очень не нравилось, когда он клал ноги на журнальный столик. Но сейчас она отсутствовала, и можно было немного побыть самим собой.

Еще она терпеть не могла, когда муж жевал перед включенным телевизором. Ей всегда казалось, что он крошил на ковер. На самом деле Трубников не крошил на ковер, а ел очень аккуратно. Сейчас можно было спокойно поесть в компании с этим бессмысленным ящиком. Только есть совершенно не хотелось. Интересно, этот тип, который поджег дверь, будет ломиться ночью?

Трубников вынул из кармана газовый пистолет, перезарядил затвор и положил на журнальный столик. Нет ничего хуже ожидания. Хоть бы позвонил, объяснил, в чем дело, чего ему от него надо и в какой валюте? Но, видимо, дело здесь не только в деньгах. Совершенно не ради денег подбил его Диман на ограбление «Миража» в девяносто третьем году.

Самым удивительным было то, что ограбление удалось. Операция прошла без сучка и задоринки, в точности по тому сценарию, который разработал Колесников.

Утром второго октября они подогнали к свалке «КамАЗ» и с помощью водителя закинули на кузов деревянный киоск. Он был зверски обшарпан, с разбитыми стеклами и помятыми боками. Друзья вставили вместо стекла фанеру, но приличнее выглядеть он не стал. Внутри него уже лежали униформа, два противогаза и завернутый в одеяло гранатомет.

Когда эту бандуру сбросили в переулке Капранова напротив здания с высоким крыльцом, над которым висела вывеска АОЗП «Мираж», то она чуть не развалилась. Киоск пришлось подправить чисто по-русски — кулаками и пенками. Также под него пришлось подложить пару кирпичей, чтобы он не раскачивался от ветра.

Более нелепого сооружения не знала Москва со дня своего основания. Однако эта нелепость никого не удивила. Несмотря на то, что киоск бросался в глаза, ни один прохожий не ужаснулся этому фанерному чуду. Как и предполагал Колесников, в тот день никому не пришло в голову обратить внимание на то, что в переулке Капранова, неподалеку от Белого дома, где заперлись опальные депутаты, появилась еще одна торговая точка. В воздухе уже пахло грозой.

Орлы до вечера ходили вокруг своего фанерного дзота, и

с какой бы стороны не подходили, он отовсюду смотрелся как заплатка. Даже когда стемнело, киоск продолжал интенсивно белеть в темноте, и не просто белеть, а сиять, на манер Шамбалы, привлекая внимание прохожих. Однако делать было нечего. Друзья залезли в него и затаились до утра.

Было очень холодно. Их всю ночь трясло. Но это ничто, по сравнению с тем, какой ужас обуял друзей, когда по мостовой загрохотали танки. Они лязгали настолько близко, что казалось еще сантиметр, и киоск со всем содержимым превратится в лепешку. Но все когда-то кончается. Закончилась и эта жуткая ночь. Под утро дрожь усилилась, хотя танки уже прекратили свои маневры. Трубников посмотрел в щель. На улице вооруженной солдатни было больше, чем муравьев.

— А ты не верил, что будут штурмовать, — хихикнул сзади Колесников и выбил зубами барабанную дробь.

Утро было солнечным. Небо — невероятной голубизны. А под небом тягостная атмосфера ожидания. Штурм должен был начаться с минуту на минуту. Это уже почувствовал и Трубников. Солдаты исчезли, но в переулок стал стекаться народ.

— Этого еще не хватало, — выругался Евгений.

— Ничего, стрелять начнут, — разбегутся, — уверил Колесников.

Друзья, не спеша, перекусили бутербродами, после чего извлекли из одеяла гранатомет. Они вертели и крутили его до тех пор, пока Трубников не вспомнил, что нечто подобное держал в руках во время службы в перерывах между поэтическими порывами. Когда он окончательно разобрался, на что нужно нажимать, чтобы бандура пальнула, застрекотали первые выстрелы. Затем грохнул артиллерийский залп, и понеслось.

Народ, вместо того, чтобы разбежаться по домам, с радостным визгом бросился на штурм. Военному оцеплению понадобились усилия, чтобы оттеснить назад весело гогочущую толпу. Словом, началась потасовка гражданских с военными за место в театре военных действий. Народ хотел пива и зрелищ, а военные хотели исполнить свой долг перед президентом.

В конце концов, ближе к вечеру и те, и другие пришли к взаимному пониманию. Движение в переулке прекратилось, народ сосредоточил внимание на Белом доме, который довольно энергично обстреливали со всех сторон.

Колесников вышел из киоска, помелькал на глазах у военных и толпы, но внимания к себе не привлек. И действительно было не до него. Стоял изуверский грохот, и над головой веером фыркали пули. Диман вернулся и сказал:

— Я все разведал. В офисе люди. Они все на втором этаже, глазуют из окон. На первом — никого. Думаю, пора преступать.

Это было безумием стрелять в присутствии такого количества народа. Правда, все, и военные и гражданские, стояли спиной, не сводя глаз с Белого дома. Но повторить подобное Трубников бы уже не смог. Без каких-либо колебаний он выбил ногой фанеру, положил на стойку гранатомет, прицелился в одно из окон на первом этаже и, когда раздался очередной взрыв, хладнокровно нажал на спусковой крючок. В ту же секунду окно разлетелось на мелкие осколки, но никто ничего не услышал, так как все заглушила стрельба.

— Смотри-ка, попал! — удивился Колесников и бросился обнимать друга.

Из толпы оглянулись несколько человек, но ничего интересного не увидели. Колесников сунул в сапог ломик-монтажку, и друзья с противогазами в сумках тихо выскользнули наружу. Они, не спеша, перешли дорогу, приблизились к крыльцу и стали прислушиваться к тому, что происходит в здании. Это было не легко, потому что грохотали взрывы. Тем не менее, в перерывах между стрельбой можно было услышать женский визг.

— Пора, — подмигнул Колесников и одел противогаз.

Долго звонить не пришлось. Охранник, мужчина лет тридцати с пистолетом на боку, распахнул дверь и выбежал на улицу. У него были красные глаза и страдальческое выражение лица. Двое парней в противогазах и камуфляжной форме его не удивили. Он указал на проем двери и на что-то пожаловался, но друзья не расслышали, так как поспешили в помещение.

Первый этаж был уже достаточно задымлен. Грабители вихрем взлетели вверх и увидели, что все работники фирмы стоят у раскрытых окон, трут глаза и припадочно кашляют, не решаясь на эвакуацию. Было заметно, что внезапное появление двух парней в противогазах очень их обрадовало.

— Срочно покинуть помещение! В здание попал снаряд! — воскликнул Колесников сквозь противогаз.

Его слова возымели эффект. Сотрудники, двенадцать женщин и четверо молодых парней, немедленно направи-

лись к выходу, однако в нерешительности застряли на пороге. С первого этажа валил дым.

— Поднесите носовые платки к лицу и бегом за нами! — приказал Колесников.

Все так и сделали. Через минуту весь персонал был выведен на крыльцо, возле которого уже стояли любопытные и несколько военных.

— Принимайте людей! — приказал Диман, и военные начали послушно подхватывать падающих женщин.

— Я пойду посмотрю, остались ли еще люди! — произнес Колесников.

За ним хотели нырнуть добровольцы, но Колесников погрозил пальцем и указал на свой противогаз, что означало: «без противогаза даже не думайте». Трубников остался на стреме. Те несколько минут, которые Колесников провел в здании, показались Евгению вечностью. За это время дважды подходили какие-то офицеры и спрашивали, в чем дело? Трубников объяснял, что в здание каким-то образом попала дымовая шашка, но все люди эвакуированы. Военные подозрительно всматривались в парня в противогазе и в непонятной форме и куда-то исчезали.

Наконец Трубников не выдержал. Подозвав к себе солдата, он приказал никого не пускать в помещение, а сам зайцем понесся на второй этаж. Трубников готов был увидеть все, что угодно: задохнувшегося Колесникова со снятым противогазом, или рыдающего его над сейфом с изогнутой монтажкой, или дерущегося с каким-нибудь не вышедшим сотрудником, но далеко не это. Колесников сидел в кабинете управляющего, дверь которого была грубо взломана, и внимательно листал какие-то документы.

— Диман, ты чем занят? — удивленно воскликнул Трубников.

— Ах, да! Сейчас идем, — опомнился Диман.

Он захлопнул папку и сунул себе за пазуху. После чего, не дав изумиться, вытащил из сапога монтажку и приблизился к высокому железному шкафу, стоящему рядом с сейфом. Недолго раздумывая, Колесников ловко поддел створку своим орудием, пнул по замку ботинком, и дверца распахнулась. На полке лежало несколько пачек долларов. В ту минуту Евгению показалось, что наличие денег в этом ящике больше удивило Димана, нежели действительно обрадовало.

Колесников одним махом смахнул эти пачки в свою про-

тивогазную сумку, и друзья помчались на выход. И надо отметить, весьма вовремя. По лестнице уже стучали сапогами военные. Попавшимся навстречу солдатам Колесников бросил командным голосом:

— Мы все проверили, в помещении никого нет.

Однако солдаты не поверили и побежали дальше, а Колесников с Трубниковым, наконец, выскочили на улицу. Но тут с ужасом увидели, что на них смотрит вся толпа, и некоторые целятся своими фотоаппаратами. Колесников не растерялся. Не снимая противогаза, он деловито подошел к охраннику и, оттянув хобот, озабоченно спросил:

— Сколько людей было в помещении?

— Включая меня семнадцать, — ответил охранник.

— А сколько вышло?

— Вышли все.

— Слава Богу! — произнес Колесников, после чего оглянулся, схватил Трубникова за рукав и произнес: — Пойдем, нас ждут!

Спасители, также не снимая противогазов, нырнули в толпу и энергично потопали в сторону метро, чувствуя, что все внимание приковано к ним. Шнырять среди народа с противогазами на мордах было также анекдотично, как ходить по Берлину с волочившимся сзади парашютом. Но лиц показывать было нельзя.

К счастью, в это время снова загрохотало, и все опять устремились в сторону Белого дома. Колесников, наконец, сорвал с себя противогаз и кивнул на киоск. Друзья мгновенно изменили траекторию и нырнули в свое фанерное укрытие. Но, вступив в него, с изумлением застыли на пороге. На полу, на развернутом одеяле, рядом с гранатометом томно стонала полуобнаженная пара. При виде мужчин в камуфляжной форме, юноша онемел, а девушка вскочила на ноги и, смущенно одернув юбочку, целомудренно прикрыла ладонями верх.

— Извините, — пискнула она и стыдливо потупила взор.

Когда они, наспех одевшись, покинули киоск, Трубников почесал затылок и философски изрек:

— Кому война, а голому баня.

литераторов. В подвальчике никого не было, если не считать барменшу. Но она не отрывала взгляд от телевизора, по которому шла трансляция штурма Белого дома. Так что доллары пересчитали без лишней суеты.

Сумма оказалась зверской: сто восемьдесят тысяч с лишним. Излишки, Колесников тут же изъясил. «Это на возмещение расходов», — пояснил он. Остальное — честно поделил пополам. Разумеется, заполучив девяносто тысяч долларов, Трубников совершенно забыл о документах, которые Колесников сунул себе за пазуху. От счастья литератор не помнил, как добрался до дома. Словно пьяный ввалился он в квартиру и, не раздеваясь, бросился на диван.

— Что с тобой? — испугалась жена. — Ты напился?

— Настюха, теперь мы богатые, как сволочи! — дико расхохотался Трубников.

Он рассказал ей все, упустив лишь момент, когда Колесников сунул под куртку какие-то бумаги.

— Ой, не нравится мне это, — покачала головой жена. — Найдут они вас...

Ее пророчество сбылось. На третий день Настя позвонила ему в издательство и дрожащим голосом сообщила, что их дверь выбита, а в квартире все перевернуто.

— Скорее беги оттуда! Спрячься у родителей, — возопил Трубников, и сотрудники удивленно подняли головы.

Трубников не появлялся на работе два дня. После ограбления он позвонил в издательство и попросил, чтобы его уволили. В тот день Евгений тоже не собирался на работу, но позвонили из отдела кадров и попросили забрать трудовую. Но лучше бы несчастный остался дома. Пес с ней, с трудовой! Теперь он здесь, а жену, может быть, уже пытаются бандиты.

В ту же минуту бедняга выскочил из кабинета отдела кадров, но дорогу преградил главный редактор.

— Тебя искали какие-то стриженные ребята. На их лицах я не заметил дружелюбия.

Трубников побледнел и, ни слова не сказав, выскользнул на улицу. Вне себя от страха он остановил первое попавшееся такси и приказал водителю лететь на Суцевский вал.

Вбежав в подъезд и поднявшись на свой этаж, Трубников похолодел: дверь была не просто выбита, а садистски переломана пополам. Это с какой же силой по ней ударили?

Хозяин с трясущимися коленками переступил порог квартиры и замер в замешательстве. В ней было все переверну-

то вверх дном. Особенно, налетчики повеселились в письменном столе. Рукописи были разбросаны по всем комнатам.

Евгений проследовал на кухню и заглянул в железную банку из-под муки. Деньги были на месте. И только Насти на месте не было.

Трубников позвонил ее родителям в Подольск, но к телефону никто не подошел. «Все правильно! — успокоил себя глава семьи. — Жена еще не успела доехать».

Тогда Евгений позвонил Колесникову. Но его тоже не оказалось дома. Ничего не оставалось, как пойти по соседям. Только это намерение оказалось глупым. В глазах соседей читался страх. Они ничего не слышали, не видели, не знали.

— Может, слышали Настин крик? — с отчаянием вопрошал Трубников.

Но соседи по площадке только сочувственно качали головами, глядя на выбитую дверь, и спешили поскорее закрыться на ключ. Только один пенсионер из квартиры напротив вышел с топором, ободряюще похлопал по плечу и предложил:

— Давай починю дверь!

Трубникова схватили сразу, как только он вышел из подъезда. Бедняга собрался отправиться в Подольск, к родителям Насти, но не успел сойти с крыльца, как перед ним выросли два угрюмых гопника.

— Ты Трубников? — спросил один из них.

Евгений ничего не ответил, взглянул в их глаза и рванул наутек. Но разве можно на своих двоих убежать от джипа. Его нагнали во дворе, врезали по физиономии и бросили на заднее сиденье. За всю дорогу орлы не произнесли ни звука.

Куда его привезли, он не понял. Неизвестный район, непонятный дом, огороженный железобетонным забором. Осмотреться толком не дали. Его втолкнули в какое-то пыльное помещение, похожее на бильярдную, и поставили перед каким-то хмырем в белом костюме.

Хмырь долго смотрел на пленника, сверкая золотыми зубами, затем обратился к архаровцам, презрительно сплюнув на пол:

— Это и есть тот самый?

— Он, — подтвердил орлы.

— Ну, и где? — спросил хмырь у пленника.

— Что, где? — переспросил пленник.

— Сам знаешь, что. Технология!

— Какая? — изумился Трубников.

Хмырь тяжело вздохнул и устало покачал головой. Затем, не сказав ни слова, кивнул шестеркам, и те немедленно поволокли пленника во двор.

От первого же удара в нос бедняга потерял сознание. Видимо, это его и спасло от дальнейшего избияния.

Когда Трубников очнулся, во дворе никого не было. Он лежал на сырой земле лицом вниз, и голова раскалывалась на куски. Евгений поднялся на четвереньки и вдруг заметил, что ворота распахнуты настежь, а у ворот стоит джип с открытой дверцей. Он будто сам предлагал нырнуть в салон и втопить педали.

Трубников огляделся. Действительно никого. Дверь в дом открыта, но в доме тишина. Евгений прислушался. Нет. Там, кажется, работал телевизор.

Пленник поднялся и тихо направился к машине. Заглянув в нее, он увидел, что ключ зажигания тоже торчит, где положено. Не долго думая, безумец прыгнул на сиденье, завел машину и вылетел на улицу. Беглец успел увидеть в зеркальце, как из дома выскочили трое, и впереди всех тот самый хмырь с золотыми зубами.

Проскочив два квартала, Трубников понял, что находится в районе Черкизовского рынка. До Подольска было порядочно. Главное, чтобы не тормознул автоинспектор. Автоинспектор, слава Богу, не тормознул, и через сорок минут беглец уже звонил в квартиру Настиных родителей.

Трубников услышал за дверью шорох и увидел, как потемнел глазок. Через минуту дверь радостно распахнулась и на шею бросилась жена. Гость тут же затолкал ее в квартиру и защелкнул за собой замок.

— Слава богу, что с тобой все в порядке! — выдохнул муж.

— Ты весь в крови! Тебя били? — всхлипнула Настя. — Отдай им деньги и скажи, что больше не будешь.

— Тише ты! — цыкнул Трубников. — Про деньги никто не заикнулся. Они требовали с меня какую-то технологию.

Трубников прошел в комнату и набрал телефон Колесникова. Но снова никто не отозвался. «Телефончик он, видимо, отключил», — подумал Трубников и направился к выходу.

— Сиди здесь и не высовывайся. Я утрясу проблемы.

В первую очередь нужно было отогнать подальше от дома бандитский джип. Во вторую — отыскать Колесникова.

Трубников прыгнул в угнанную машину и рванул обратно

в Москву, на Алексеевскую к Диману. Но, естественно, дома его не застал. И было бы странно, если бы застал. По всей видимости, он давно уже слинял из Москвы.

Ничего не оставалось, как отправиться домой, на Суцевский вал. Евгений специально поставил джип у подъезда, чтобы бандиты знали, что он здесь. Чтобы не искали его у родителей жены. Главное, что Настя в безопасности, остальное можно пережить.

Беглец поднялся в квартиру, сел на диван и стал ждать. Дверь была восстановлена соседом, но Евгений заперся только на защелку. Как он заснул, не помнил. И до сих пор не может понять, как можно заснуть в такой ситуации.

Евгений проснулся от запаха гари. Нет, это ему не снилось. Горела дверь. Ничего не оставалось, как рвануть в ванную, набрать в ведро воды и броситься с ним в прихожую. Но едва он отпер дверь, как тут же получил в глаз и сразу ослеп. Евгений рухнул на пол и на секунду отключился. Очнувшись, попытался подняться, но получил второй удар под дых. Потом почувствовал, что его волокут к лифту, а дверь как горела, так и продолжала гореть.

— Пойдите, зачем так грубо? Я же вас ждал, — бубнил он.

Но его не слушали. Вытащили из подъезда и закинули в тот же джип, который он угнал. Когда его привезли обратно, откуда он три часа назад так блистательно дал деру, то увидел на лице хмыря искреннее изумление.

— Чего же ты прятался у себя дома? — осканился он. — Да еще машину у подъезда оставил. Ну, ты болван.

— Я не прятался. Я ждал вас. Чтобы поговорить...

— Говорить будем потом, когда отдашь технологию, — не дослушал хмырь, и Трубников тут же получил удар по ребрам.

Его били всю ночь. Сначала Трубников намеривался чистосердечно признаться в том, что он похитил деньги из железного шкафа, но его лепет про деньги никого не интересовал. От него упрямо требовали, чтобы он вернул технологию. Трубников понял, что с такими баранами говорить бесполезно и замкнулся. К утру он перестал стонать и ощущать свое тело. Боли уже не чувствовалось, и жить больше не хотелось. На душе — состояние полного безразличия.

Спасение пришло неожиданно. В полдень во дворе началась стрельба. Следом — какая-то паническая суета в доме. Потом сквозь туман Евгений увидел каких-то милиционеров,

которые заглядывали в его глаза с нескрываемым ужасом. В полное сознание Евгений пришел только в больнице. В ней-то он и познакомился с майором Кожевниковым, который давно следил за этой бандой.

— Чего они от тебя хотели? — спросил Кожевников.

— Сам не знаю.

— Как это могло попасть к ним? — нахмурился майор, протянув больному его редакторское удостоверение.

— Понятие не имею, — вытаращил глаза пострадавший.

35

В девять утра позвонил Горохов.

— Есть новость относительно Колесникова. Вчера около двенадцати дня его видели в больнице на втором этаже. Проник, видимо, через подвал и родильное отделение, поскольку через центральный вход он не входил. И это правда. Я поговорил с вахтером.

— Боже мой! — удивился Трубников. — Что он там делал?

— Явился забрать тетрадку. По словам медсестры, когда Колесников узнал, что на него в половине седьмого утра покушались, то побледнел и смылся так поспешно, что его не смог догнать прибывший следом наряд милиции. Ну, про пять минут она, конечно, загнула. Бригада приехала не раньше, чем через полчаса. Но не в этом суть. Словом, едва Колесников вышел из больницы (тоже непонятно как?), он тут же канул, словно в воду. Ни у себя на Ленинском проспекте, ни у Кузнецова он больше не появился. Кстати, его машины в гараже нет.

— Павел, — произнес после короткого молчания Трубников. — Колесников мне нужен позарез. У меня есть подозрения, что он сам разыграл комедию со своим покушением.

— И медсестру убил? — удивился детектив.

— Возможно.

— Может быть, и дверь вам поджег?

— А вот это вряд ли. Дверь, я думаю, сожгли те самые архаровцы, которые освободились из тюрьмы, Белянкин и Почепцов. Словом, Павел Алексеевич, ищите Колесникова. Семь лет назад он отсиживался где-то в Подмоскowie. Где точно — не знаю. Но я слышал, что у него в деревне есть какая-то хата.

Детектив пообещал, что прозондирует насчет дома под Москвой в областном бюро недвижимости, и положил трубку. После этого издателя охватила злость. Какого фига он опять связался с этим подонком? Ведь тогда в девяносто третьем Колесников бессовестно использовал его в своих интересах, а потом подставил, как барана, подбросив бандитам удостоверение. Вот каким образом архаровцы вышли на него. Сам же Диман в это время предусмотрительно смылся.

До Трубникова это дошло потом, после суда, на котором он давал показания, честно признавшись, что бандиты требовали от него какую-то технологию, о которой он не имел понятия. Те, трое на скамье подсудимых недоуменно переглядывались и молчали. В дальнейшем они так и не раскрыли суду, что в действительности добивались от жертвы? А пропажа денег из железного ящика не всплыла. Потом Евгений понял, почему. У бандитов «Миража» конфисковали два миллиона долларов наличными. Исчезновение такой мелочевки никто не заметил.

Когда пострадавший вышел из больницы, то свои девяносто тысяч нашел там же, на кухне, в железной банке из-под муки, несмотря на то, что квартира больше недели стояла открытой.

Возвратившись домой, Трубниковы в первую очередь поставил бронированную дверь и ликвидировал последствия пожара. Затем Евгений зарегистрировался как частный предприниматель, купил издательскую лицензию, и как-то сразу пошел в гору. Колесников не появлялся. Около года Трубников регулярно звонил ему на домашний телефон, с намерением выяснить отношения, но трубку никто не брал. А потом злость прошла сама собой. Трубников, можно сказать, плюнул. Когда он услышал, что Диман снова возвратился в большую журналистику, то просто махнул рукой и приказал себе забыть о нем навсегда. Колесников, видимо, чувствуя вину, тоже больше ничем не напоминал о себе.

Однако напомнил. Правда, не сам лично, а через бюро доверия. Но это можно и подстроить. И жертву любви не сложно разыграть, и покушение на самого себя. И все-таки одного не понимал Трубников: как можно без риска для жизни разыграть самоубийство?

Так в полной неопределенности прошла неделя. За освободившимися Белянкиным и Почепцовым было установлено наблюдение. По словам детектива, они вели себя настолько примерно, что складывалось ощущение, что орлы чего-то

выжидают. Понятно, чего. Ждут освобождение своего патрона с золотыми зубами. Но это произойдет минимум через два года. А пока о каждом их шаге Трубникову докладывали по утрам. И хотя они были у издателя на мушке, все равно на душе скребли кошки.

Если сожгли дверь, то за этим должны последовать дальнейшие действия: либо требования, либо переговоры, либо угрозы. Но все было тихо. Жена по-прежнему жила у родителей в Подольске, а Трубников по-прежнему, укладываясь спать, клал под подушку пистолет. В жизни нет ничего хуже тяготы ожидания...

В воскресенье вечером Трубникова одолела тоска по жене. «Попросить, чтобы приехала домой, или самому отправиться в Подольск?» — раздумывал он весь вечер.

Трубников потянулся было к аппарату, как вдруг раздался звонок. «Эта жена, — обрадовался муж и поднял трубку. — Почувствовала мерзавка, что скучаю».

Однако звонил детектив.

— Я нашел Колесникова? — сухо произнес он. — Сидит в Подмосковной Малаховке и пишет роман.

— Прекрасно! Едем!

По дороге детектив рассказал, каким образом ему удалось вычислить Димана. Оказывается, через адресный стол. Сначала выявил девичью фамилию его матери, затем узнал, что у нее была сестра. Дальше дело техники: запросил адрес сестры, и компьютер выдал, что до девяносто пятого года она жила в селе Малаховка. До администрации села Горохов дозвонился с первого раза, и сельское начальство с готовностью рассказало, что сейчас по данному адресу проживает один крупный писатель, который имеет «БМВ». Что фамилия писателя Колесников, в этом сомнения не было. В России больше не найти писателя, который ездит на «БМВ».

Через час предположение детектива подтвердилось. Как только Трубников вошел во двор нужного дома, то сразу увидел зеленую колымагу приятеля. Он заглянул в салон и заметил, что заднее сиденье по-прежнему распорото. Хозяин даже не удосужился прикрыть его чехлом. Трубников подмигнул детективу и толкнул скрипучую дверь сеней.

Колесников сидел за столом и писал. Диман взглянул на гостей, и глаза его радостно вспыхнули.

— Женька, привет! — воскликнул он, вскакивая со стула и кидаясь навстречу.

Однако Трубников не подал руки. Гость сурово посмотрел

бывшему другу в глаза и тяжело произнес:

— Садись. Разговор будет долгим и трудным.

— Ты чего, Женек? — удивился Колесников и тревожно покосился на детектива. — А это кто?

— Это смерть твоя, — произнес Трубников без тени юмора и толкнул его на стул. Сам же расположился на диване.

— Сейчас ты мне расскажешь все! Понял? — строго произнес Трубников.

— Охотно отвечу на все твои вопросы, — пожал плечами Колесников и снова кинул взгляд на Горохова. — Ты бы познакомил сначала со смертью.

— Итак, — громко начал Трубников, пропуская мимо ушей пожелание, — первое, что я хочу знать, истинную цель нашего набега на «Мираж». Я догадался, что ты меня использовал, а потом подставил.

Колесников вздохнул и опустил глаза.

— Это не совсем так, — пролепетал он. — Я готов тебе во всем признаться. Но только пусть твой товарищ погуляет.

36

После того, как детектив вышел, Колесников поднял глаза и воскликнул:

— Я был тогда подлецом, но сейчас я другой человек! Поверь! Если бы я не подкинул им твое удостоверение, они бы сразу поняли что это я. И грохнули бы меня без раздумья.

— А тебя не смутило, что они могли грохнуть меня?

— Так не грохнули же! К тому же я принял меры. Кто, по-твоему, указал ментам их логово на Черкизовской?

— Хочешь сказать, милицию навел ты? Не свисти! Они за этой бандой следили шесть месяцев.

— Следить-то следили, а формального повода для ареста не было. А тут бандиты захватили тебя? Чем не повод? Похищение — особо тяжкое преступление...

— Достаточно! — с раздражением перебил Трубников. — Не заговаривай мне зубы! А какой технологии шла речь?

— О производстве кумыса.

Трубников вздернул брови и более чем внимательно взгляделся в товарища. Уж не издевается ли он?

— Думаешь, прикалываюсь? — выкатил глаза Колесников. — Сразу видно, что ты не знаешь этой проблемы. Вот скажи мне, что, по-твоему, спасло японскую нацию от выми-

рания после ядерной бомбардировки? Не знаешь. А спасли их кисломолочные продукты. А точнее — русский кефир, поскольку он выводит радиоактивные вещества и восстанавливает баланс организма. Можно сказать, что японцев спасли русские, потому что продали им технологию изготовления кефира. Сумма, за которую была продана технология, является государственной тайной, но я могу тебе сказать по секрету.

— Не надо. Мне не нужны секреты от предателей. Продолжай!

— Так вот, кумыс по своим целебным свойствам в тысячу раз эффективней кефира. Но не тот кумыс, который изготавливают монголы и калмыки из молока кобылиц, — поднял палец Колесников, — а другой. Об этом чуть позже. В девяносто третьем я вел в газете рубрику «Ненужные сыны России». И вот нахожу я в городе Саранске одного калмыка. Впрочем, он заслуженный врач мордовской республики с орденами, медалями и почетными званиями. Но не в этом суть. А суть в том, что он всю жизнь занимался исследованием кумыса и восстановил древнеиндийскую технологию изготовления его из коровьего молока.

— Чего ты мелешь? — поморщился Трубников. — Индусы и кумыс — это почти то же самое, что шампанское и селедка.

— А вот и нет! — засмеялся Колесников. — Нурба, так его звали, показал мне древнеиндийский медицинский справочник. В нем описана технология изготовлению кумыса из коровьего молока. Я своими глазами читал подлинник. Шестой век до нашей эры. А ты думаешь, почему в Индии коров считают священными животными? Да все потому, что кумыс из коровьего молока творит чудеса. В течение месяца излечивает от туберкулеза, за три дня восстанавливает флору кишечника, с ним усваиваются все лекарства без исключения. Всего стакан кумыса перед употреблением алкоголя и — ты весь вечер трезв как огурчик! Кстати самому Нурбе сто шесть лет. Он стройный, с гладким лицом и белоснежными зубами. Ты видел когда-нибудь старикана с белоснежными зубами?

— С фарфоровой челюстью видел.

— Обижаешь, старик! Я интересовался! Зубы у него свои, и ни одной пломбы за всю жизнь. Это благодаря тому, что он ежедневно употребляет кумыс. Кстати, когда мы с ним беседовали, угомонили литровый галлончик кумыса... Ты знаешь, честно скажу, я был с бодуна, а сделался как новорожден-

ный. А как жить захотелось! Особенно с ясноглазыми девами...

Глаза Колесникова светло блеснули. «Похоже, что на этот раз говорит правду», — подумал Трубников.

— Ну, восстановил он эту технологию, и что дальше?

— Восстановил и зарегистрировал как свое изобретение. При местной туберкулезной больнице организовал небольшое производство. Мощностью смехотворная: всего сто бутылок в день. Но зато это больница стала единственной в мире, где от туберкулеза вылечивались в течение месяца. Пронюхали про это дело монголы, у них тогда была эпидемия туберкулеза, и попросили Нурбу подарить им эту технологию.

— Монголы? — удивился Трубников. — Это еще за каким? Насколько мне известно, в Монголии на одного человека приходится по две кобылы?

— В том-то и дело, что кумыс саранского врача в тысячу раз эффективнее, чем кумыс монголов.

— Но почему попросили подарить, а не продать?

— Ну, сам подумай! Откуда у монголов деньги?

— Да, действительно! Иго давно свергнуто. И он подарил?

— Насколько мне известно, сейчас в Монголии по его технологии функционирует крупное предприятие. Нурбу приглашали туда для консультации.

— Но право на патент, надеюсь, осталось за ним?

— Да, за ним. В этом он не сглупил.

— И он единственный обладатель патента?

— Был.

Трубников сверкнул глазами и шумно засопел.

— Так-так, продолжай.

— Ну я, конечно, смекнул, что по душевной простоте Нурба может бездарно разбазарить свое гениальное изобретение, между тем, как он мог бы ворочать миллиардами. Сам понимаешь, если это дело поставить на широкую ногу, можно стричь миллионы только на одной продаже патента. И тогда я предложил свои посреднические услуги в раскрутке его изобретения. Он с радостью согласился. Мы подписали договор, в котором все права на изобретение перешли мне. Вот и все. Он вручил мне документы, а я пообещал ему проценты.

От волнения даже Трубников поднялся с дивана и возбужденно зашагал из угла в угол.

— Ну и ты, конечно, с наивностью сидоровой козы отправился с его технологией в «Мираж»?

— Как последний идиот. Я знал, что деньги у них есть, и деньги немереные, которые очень нуждались в отмывке. Я предложил им профинансировать проект по строительству завода на взаимовыгодных условиях. Они сказали, что подумают. Взяли у меня бумаги, якобы, для ознакомления и составления бизнес-плана.

— И потом тебя кинули?

— Если бы только меня, — вздохнул Колесников. — И Нурбу отправили к праотцам.

После некоторого молчания Трубников спросил:

— Значит на сегодняшний день, ты единственный обладатель этой технологии?

— И законный наследник.

Трубников снова опустился на диван и понимающе покачал головой:

— Ради такого наследства и друга подставить не жалко. Ладно! Забудем. Я тебя понимаю. Кого ты еще пытался заинтересовать своим кумысом?

— К бандитам я больше не обращался. Я обратился к банкирам.

— Ну и дурак! Это те же бандиты, только выше рангом. Ну и?

— Знаешь, нашел понимание. Они согласились профинансировать проект на взаимовыгодной основе. Начали довольно бурно. Тут же купили линию на одном молочном заводе, с перспективой выкупа всего завода, собрали команду, и таким образом создалась компания Млек Тринк Дам. Слышал, наверное?

— Ну, а как же? Молоко «Утро на ферме».

— Да нет! Ты путаешь с парфюмерной компанией. У них — «Хуторок в степи». Но это не важно. Так вот, эту компанию создали исключительно для моего проекта. Сечешь? Я должен был в ближайшее время под крышей их конторы вернуть собственное производство, которое стало бы стратегическим.

— И в чем оказалась загвоздка?

— В том, что компания неожиданно раскрутилась без моего кумыса, ну, и в результате, как это бывает, сменился учредитель.

На лице Трубникова появилась ехидная улыбка:

— Если подыхаешь, то надолго, а если не везет — то это

навсегда. Ладно! С этим разобрались. Теперь скажи, почему ты сбежал от Кузнецова?

Глаза Колесникова округлились.

— Ты же сам сказал, что мне нужно где-то отсидеться. Вот я и отсиживаюсь.

— Но ты мог отсидеться у Кузнецова.

— Нет уж спасибо. Сам у него отсиживайся. Я из-за этих проклятых крыс не спал всю ночь. А когда узнал, что на меня в больнице совершили покушение, мои мозги непроизвольно прояснились, и я вспомнил про теткин дом. Вот я и здесь.

— А зачем ты поперся в больницу?

— Как зачем? За тетрадкой. Она лежала под матрасом в шестнадцатой палате.

— А в пять утра кому звонил?

Глаза Колесникова воровато забегали.

— Кому-кому. Не кому я не звонил. Вернее, хотел позвонить тебе, набрал номер — никто не ответил. Вот и все.

— Но мне Володя сказал, что ты с кем-то разговаривал?

— Володя! — вспыхнул Колесников. — Нашел, кому верить. Да он в это время храпел как трактор с двумя крысами на лбу.

— Допустим, — сощурился Трубников. — А куда ты поехал после этого?

— Домой я поехал после этого. За одеждой, — хмуро ответил Колесников. — Я не понимаю, к чему все эти дурацкие вопросы?

— А к тому, дорогой, что за время твоего отсутствия была обстреляна твоя кровать в изоляторе, убита медсестра и выбита дверь в твоей квартире. Но с дверью понятно. Ты ее выбил, потому что у тебя не было ключей.

— Я не выбивал дверь! — вытаращил глаза Колесников. — Я аккуратно открыл ее булавкой. А когда уходил, то запер на ключ. Вот на этот. У меня дома были запасные ключи.

Диман вытащил из кармана связку ключей и потряс перед носом Трубникова. Трубников задумался.

— Ты хочешь сказать, что дверь выбили после твоего ухода?

— Да я и понятия не имел, что ее выбили. Спасибо что сказал. А по поводу твоих подозрений, что я сам на себя устроил покушение, а потом убил медсестру — это полный бред. Сам подумай, на кой черт мне это нужно?

Э, нет! Как бы там ни было, а у Колесникова был резон устроить на себя покушение, убить медсестру и выбить дверь своей квартиры. Это для создания иллюзии, что за ним охотятся. Трубников хорошо над этим поразмыслил, сопоставил факты, и все как-то само собой выстроилось в логическую цепочку.

Итак, в начале марта освобождаются два бандита. Через несколько дней Колесников режет себе вены. Трубников его спасает, кладет в больницу, после чего организывает ему побег и прячет у Кузнецова. Сразу же вслед за этим Трубникову сжигают дверь. Вот результат его добрых намерений!

Это реальные факты. А бредни Колесникова про убийство мужа Марго можно отбросить, поскольку они не подтверждены.

Что же могло произойти на самом деле? Бандиты выходят из тюрьмы, каким-то образом узнают, что технология у Колесникова, а не у его друга, которого он подставил. Скорее всего, за семь лет сидения в тюрьме они раскинули мозгами, напрягли извилины и сообразили, что тот, кто виртуозно разработал план по умыканию документов, просто физически не мог так глупо опростоволоситься на месте происшествия — обронить удостоверение. Тюрьма способствует прояснению рассудка. Они догадались, что несчастного редактора из издательства «Терра» бессовестно подставили, и подставил тот, кто знал о существовании технологии. А о ней знал только Колесников.

Итак, орлы выходят из тюрьмы и наезжают на Колесникова. Каковы же его действия? Таковы же, как и семь лет назад: снова подставить Трубникова, а самому исчезнуть. Вот для чего был разыгран этот спектакль с самоубийством и мнимым убийством мужа Марго. Все это было задумано исключительно для того, чтобы снова привлечь внимание бандитов к Трубникову, который за эти семь лет разбогател, а Колесников, между прочим, нет. Правда, многое в этой игре непонятно. В первую очередь то, что Диман резал вены натурально, во вторую, что на пуле, извлеченной из сиденья, кровь Олега.

«Ну, да к черту все это! Не стоит ломать башку», — затряс головой Трубников и приказал Колесникову собираться.

Он решил отвести его в Москву. Пусть один разбирается со своими проблемами, а Трубников сыт по горло. Но Колес-

ников и сам выразил желание вернуться домой, узнав, что в его квартире выбита дверь.

Они сели в машины, детектив — в «БМВ» Колесникова, Диман — в «Аудио» Трубникова. Евгений намеривался поговорить с ним по дороге, однако за все время пути задал только два вопроса. Первый: что за женщины звонили ему в больницу?

— Женщины? — фыркнул Колесников. — Понятие не имею. Меня к телефону не звали.

И второй: от кого он получил передачку?

— Не от кого не получил, — затряс головой Диман. — Нет! Может, кто и приносил. Я не знаю. Мне не полагались передачи. Меня же кормили глюкозой. Ты сам знаешь, Женек. Так что, если мне кто-то что-то и приносил, все прибирали нянечки.

Трубников замолчал, почувствовав, что он опять лжет, и больше не произнес ни слова. Сегодня Диман и без того наплел выше крыши. Про кумыс, конечно, правда, и вероятно — единственная. Все остальное — ложь.

Евгений высадил его на Ленинском проспекте и издевательски сделал ручкой.

— Вы разве ко мне не подниметесь? — удивился Диман, покосившись на вышедшего из «БМВ» детектива.

— Нет! — ответил Трубников. — Чао! Если бандиты явятся ко мне за технологией, я отошлю их к тебе.

— А почему они должны явиться к тебе? — удивился Колесников.

— Потому что они освободились и уже успели сжечь мне дверь.

— Сжечь? — открыл рот Колесников, да так и остался стоять с отпавшей челюстью посреди проспекта.

Там же, на Ленинском, у метро, Трубников высадил и детектива.

— Держите меня в курсе всего и не спускайте с бандитов глаз, — устало произнес глава издательства и поехал домой.

Из дома Трубников позвонил в Подольск Насте и сказал:

— Можешь возвращаться. Опасность миновала.

— Завтра приеду! — обрадовалась жена. — Как там Колесников, нашелся?

— Нашелся. Но знать этого типа я больше не желаю.

Однако Трубников жестоко ошибался, заявив, что больше не клонет на удочку этого известного интригана Колесникова. Издатель позвонил ему на следующий же день. Но перед

этим имел любопытный разговор с детективом.

Горохов вошел в кабинет генерального как всегда без стука. На его губах сияла сдержанная улыбка. «Раскопал что-то ошеломляющее», — догадался Трубников.

— Я только что из Управления. Дело с покушением на журналиста и убийством медсестры, кажется, на стадии завершения.

— Да ну! — скептически хмыкнул Трубников. — Неужели, правда, на нашего друга кто-то покушался?

— Начну по порядку. Один бомжик, который ночует в подвальной подсобке больницы, видел, как в то утро в подвал вошел высокий черноволосый мужчина в рыжей куртке и синих джинсах. Бродяжку он не заметил, поскольку тот лежал в картонной коробке из-под УЗИ. Зато бомж все видел в деталях. Этот молодой человек скинул с себя куртку, бросив ее прямо на цементный пол, надел на лицо маску и вызвал лифт. После того как он уехал, бомж выполз из коробки и пошарил в карманах куртки. В ней оказался кошелек, туго набитый долларами и обойма с патронами. Бомж напугался, ничего не взял и спрятался обратно в коробку. Через некоторое время молодой человек спустился на лифте, снял маску, надел свою рыжую дубленку и ушел. Через полчаса этого же молодого человека в рыжей дубленке и синих джинсах видели в подъезде дома медсестры. Жильцы заметили, как он подъехал к их дому на белых «Жигулях». А одна из свидетельниц даже запомнила номер машины.

— Невероятно! — подпрыгнул в кресле Трубников. — Вот это я понимаю, бдительность! Его вычислили?

— В тот же день.

— И кто же это оказался?

— Олег Маргулин.

Трубников почувствовал, как у него по затылку пробежала мурашки. Он поднял брови и скептически присвистнул.

— Вот это не черта себе! Значит, все-таки Олег. А сам-то он, что говорит?

— Ничего не говорит. Маргулин бесследно исчез в тот же день. Об его исчезновении заявила в милицию жена. Словом, он сейчас в федеральном розыске.

— Бог ты мой! — почесал затылок Трубников. — Чертовщина, да и только.

Гендиректор сорвал трубку и набрал номер Колесникова.

— Диман, — произнес он приглушенным голосом. — Только, ради Бога, не ври! Ты знаешь, где сейчас Олег Мар-

гулин?

— Знаю, — шепотом ответил Диман. — И ты знаешь. Он в пруду на Воробьевых горах.

— Диман! — взревел Трубников. — Хватит ломать комедию! Ты можешь сказать прямо, где сейчас Олег?

— Так я же его грохнул, — растерянно ответил Колесников. — Ты мне до сих пор не веришь?

— Хорошо, — устало прохрипел Трубников. — Пусть, грохнул. Во что он был одет?

Колесников немного помолчал, затем начал деловито перечислять:

— На нем была рыжая дубленка, под ней черный джемпер. Замшевые ботинки, тоже рыжие. И синие джинсы...

Трубников бросил трубку, не дослушав этот бред. Он тяжело вздохнул и закрыл лицо ладонями.

— Какие-нибудь проблемы, — тонко осведомился детектив, дав гендиректору успокоиться.

— Проблемы все те же, — ответил Трубников. — Все вокруг сошли с ума! Вот что! Нельзя ли как-нибудь по тихому проверить дно одного пруда на Воробьевых горах?

38

Снег уже порядком подтаял, хотя очертания проруби еще имели геометрическую форму. Для этого мероприятия пришлось накачать резиновую лодку. Было около восьми утра. Кузнецова решили поставить на стреме, но он категорически отказался.

— Уверяю вас, что в такой час никто не явится. Если бы ждали мэра, то меня бы подняли в шесть, чистить прорубь.

Словом, в лодку сели втроем: Кузнецов, Горохов и Трубников. Кузнецов на носу с трехметровым глубомером, Трубников сзади, Горохов на веслах. Плыли медленно, чтобы дать Кузнецову возможность ощупывать дно. Он, не спеша, погружал в воду шест и в деталях расписывал свою виртуозную работу по вырезанию этого пространства бензопилой. Когда доплыли до кромки, Кузнецов произнес с серьезным лицом:

— Кажется, что-то есть. — Взгляд его сделался сосредоточенным, на руках набухли вены. — Точно! Что-то объемное и мягкое. Вытаскиваем?

— Дай мне, — заволновался Горохов и, отобрав у Кузне-

цова шест, принялся ощупывать что-то на дне пруда. — Похоже на труп. Его что-то держит. Ну да, что-то тяжелое и круглое.

Трубникову стало жутко, а Кузнецову ничего.

— Глубомером не зацепим. Нужен багор. Давай я сейчас нырну, отрежу от груза и толкну вверх. А вы подхватите.

Трубникова передернула, а Кузнецов, как ни в чем не бывало, начал раздеваться.

— Пойдите, здесь надо подумать, — почесал висок Горохов.

— Чего тут думать? Нырять надо, — отозвался Кузнецов.

— Не в этом дело. Тут вопрос другого характера. Допустим, мы сейчас вытащим труп. Нам ничего не останется, как заявить о нем в милицию. Это наш гражданский долг. Допустим, мы заявим. Но как объясним, что знали о трупе в пруду?

— Да, действительно, — нарушил молчание Трубников. — Нам это не надо. Хотя любопытно взглянуть на утопленника.

Володя в нерешительности застыл на носу.

— Так нырять, или не нырять?

— Вот что я предлагаю, — произнес капитан. — Сегодня вечером по телевизору объявят о пропаже Маргулина. Я позвоню из автомата и сообщу, что мужчина с такими приметам покоится на дне этого пруда. Это будет анонимный звонок без последствий. Вас устроит такое дело, Евгений Алексеевич?

— Устроит, если органы среагируют.

— Не переживайте. Завтра милиция достанет утопленника, и я вам скажу точно, кто покоится на этом дне.

Вечером в новостях передали, что журналист Колесников найден. Он скрывался в Подмоскowie от Преображенской криминальной группировки, главари которой неоднократно грозили расправиться с ним за его разоблачительные статьи.

— Ну, Колесников, ну дает! Из всего извлечет выгоду! — захопал в ладоши Трубников.

Жена не поделила сарказма мужа.

— Откуда ты знаешь? Может, ему правда грозили. Он довольно смело пишет на криминальные темы.

Вслед за Колесниковым объявили о пропавшем Маргулине. Такого-то роста, с такими-то глазами, особых примет нет, одет в рыжую куртку и синие джинсы. «Всем, кому известно о его местонахождении просим позвонить в студию по таким-

то телефонам».

В тот вечер Евгений и помыслить не мог, что кроме Горохова относительно пропавшего позвонят еще две гражданки.

С этой новости и начал свой рабочий день опальный капитан. Он влетел в кабинет издателя в девять утра и взволнованно воскликнул:

— Только не падайте, Евгений Алексеевич! Все Управление на ушах. Вчера, после показа фотографии Маргулина по ТВ, позвонили две женщины, которые заявили, что за несколько минут до взрыва на станции метро «Белорусская» видели этого мужчину с коробкой из-под обуви в руках. Обе уверяют, что он сидел на той самой лавочке, под которую было подложено взрывное устройство. Когда подъехал поезд и народ хлынул в вагоны, мужчина остался на месте.

— Какие наблюдательные женщины, — скептически ухмыльнулся Трубников. — Им бы только в контрразведке работать.

— Нет ничего удивительного, — не разделил скепсиса капитан. — Маргулин — мужчина симпатичный. Поэтому он и бросился в глаза женщинам. Кстати, у меня тоже было подозрение, что покушение на Колесникова, убийство медсестры, сожжение вашей двери и взрыв в метро — дело рук одного человека.

— Да? — вскинул брови Трубников. — И какая же связь?

— А связь такая, что все эти четыре преступления совершил дилетант.

— И взрыв на «Белорусской»?

— И взрыв особенно. Взрывное устройство было, во-первых, самодельным, во-вторых, подложено весьма нелепо. Эксперты говорят, что преступник рассчитывал на саму скамью, что она, якобы, по замыслу минера должна была разлететься на куски, и тем самым увеличить число жертв. Но скамейка оказалась крепкой, поскольку была сделана еще при Сталине, и здесь преступник, якобы, просчитался. Так объясняют специалисты отсутствие трупов в этом инциденте. Но я склоняюсь совсем к другому мнению. Этот взрыв был совершен не с целью терроризма, а с целью запудривания мозгов.

— Кому? — удивился Трубников.

— Вот это и хотелось бы выяснить.

— Но Маргулин вряд ли мог подложить взрывное устройство. Ведь он был в числе свидетелей.

— Как раз наоборот: одно другому не мешает.

— Полагаете? — задумался Трубников. — А кстати, сегодня будут извлекать из воды труп?

Горохов посмотрел на часы и кивнул:

— Я думаю, что уже подняли. Пожалуй, я пойду.

— Держите меня в курсе!

Детектив ушел, а Трубников снова принялся ломать голову. Да нет, не может быть. Мало ли в Москве высоких черно-волосых мужчин в рыжих дубленках? Почему все должно сходиться на Олеге Маргулине? Интересно, кого милиционеры вытащат из пруда, если действительно в пруду труп, а не мешок с отходами?

К концу дня позвонил Горохов.

— Ваш друг как в воду глядел. На дне действительно был труп. Он завернут в мешковину и стянут веревками. К веревкам привязана двадцатичетырехкилограммовая гиля. Утопленник одет в рыжую дубленку, синие джинсы и рыжие замшевые ботинки. Убит двумя выстрелами из девятимиллиметрового револьвера. Первый выстрел был произведен в висок. Второй — некоторое время спустя в лоб через мешковину. Кстати, револьвер найден там же, на дне пруда...

— Кто убитый? — нетерпеливо перебил Трубников.

— Как кто? — удивился детектив. — Вы же знаете! Олег Маргулин.

— Это точно? — не поверил ушам Евгений, чувствуя, как холодеет затылок.

— Точнее не бывает. Его уже и супруга опознала.

39

Не дослушал подробностей, Трубников немедленно выехал на Ленинский проспект к Колесникову. Темпераментно влетев в квартиру, он схватил хозяина за грудки и прохрипел в его испуганную физиономию:

— Или ты скажешь мне правду, или я тебя задушу.

Диман как-то сразу обмяк, лицо его вытянулось, глаза потускнели.

— Какую правду ты хочешь от меня услышать? — спросил он упавшим голосом.

— Прежде всего, я хочу знать, что за игру ты ведешь? Какую новую подлость задумал? И против кого? Говори!

Гость задохнулся, а хозяин приложил руку к сердцу и с чувством произнес:

— Клянусь тебе, Женька, никакой игры я не веду. Я был подлым человеком, признаю! Но после того как ты меня вытащил с того света, я стал совсем другим. Клянусь! Я искренне жалею, что использовал тебя тогда, в октябре девяносто третьего. Я уже тысячу раз раскаялся. Ну, был я идиотом! Прости!

Трубников оттолкнул его и устало опустился на диван. С минуту он молча смотрел в пустоту, угрюмо сопя и чудовищно шевеля бровями, затем поднял голову и хищно впился в глаза.

— Это ты убил Олега?

Глаза Колесникова были влажными и грустными.

— Я же тебе рассказывал, Женек.

— Ты мне говорил, что убил его шестого февраля.

— Ну, да! Я и сейчас это говорю.

— Не ври! Хоть сейчас не ври. Он пропал восемь дней назад вместе с тобой.

В глазах Колесникова выразилось недоумение.

— Что он пропал, я знаю. Слышал вчера по телевизору. Но причем здесь я? Ты ведь прекрасно знаешь, куда я делся. Уехал в Малаховку дописывать роман.

— А перед этим всадил две пули в Маргулина и бросил его в пруд?

Колесников побледнел.

— Ты хочешь сказать, что я убил его дважды?

— Нет! Ты убил его один раз. Но не шестого февраля, а спустя месяц.

— Зачем? — вздрогнул Колесников.

— Вот и я хочу спросить тебя, зачем? Зачем тебе все это надо: сначала убеждаешь меня, что ты убил Маргулина, хотя еще не убил, а только намеривался убить. А потом убиваешь его точно так, как расписал мне. Всадил две пули: одну в висок, другую в лоб через мешковину. Я до сегодняшнего дня не верил, что ты способен на убийство. Но сегодня утром труп Олега достали из озера.

— Что? — ужаснулся Колесников. — Его труп достали? В мертвом виде? Боже ты мой! — Колесников перекрестился, и в его глазах сверкнула неподдельная радость. — Значит, он больше не явится?

Трубников смотрел на Колесникова и все больше проникался подозрением, что Диман сумасшедший. Ведь так долго пребывать в роли не сумеет даже артист. Еще гость понял, что больше ничего не добьется от своего бывшего друга.

Впрочем, радость в глазах Колесникова тут же сменилась тревогой.

— А как они узнали, что Олег в пруду?

— Я им сообщил.

— Ты меня выдал?

— Я позвонил анонимно. Не думай, не с целью тебя выдать, а с целью узнать правду. Но, кажется, я никогда не узнаю правды.

Трубников поднялся и молча направился к двери. Колесников последовал за ним.

— И что же, труп, который вытащили, был недельной давности? — спросил он.

Трубников взглянул в его глаза и увидел в них первородное любопытство. «Точно сумасшедший», — с тоской заключил гость и молча кивнул головой.

Ответ ввел Колесникова в замешательство. Глаза его снова наполнились ужасом, подбородок задрожал. Он прошептал:

— Мистика какая-то.

И захлопнул за другом дверь.

Когда Трубников вышел в коридор, то услышал за спиной паническое щелканье замков и скрежет передвигаемой мебели. «Уж не баррикадирует ли он дверь?» — с издевкой подумал Трубников. — Нет-нет! Он определенно больной».

Хотя, наверное, не следовало кивать. Ведь, честно говоря, Трубников еще не знал о степени свежести трупа, выуженного из пруда? Заключение экспертов пока нет. А вдруг он, правда, месячной давности? Тогда действительно мистика. Ведь нашел же Трубников при живом Олеге пулю с его кровью.

И все равно в мистику глава издательства не верил. На следующий день он потребовал от детектива заключение экспертов, относительно поднятого тела.

— Терпение, Евгений Алексеевич, — ответил капитан. — Это дело ни одного дня. Как только заключение будет готово, я вам сразу принесу копию.

Однако через два дня детектив развел руками и сказал, что проведенную экспертизу почему-то засекретили. Это, по меньшей мере, странно. Видимо, подобная секретность связана с тем, что убитый подозревается в теракте. Как бы там ни было, но из лаборатории относительно трупа не удалось получить никакой информации.

— Зато Маргулину затаскали по допросам, — поведал

всезнающий детектив. — Мне удалось узнать, что ее допрашивают весьма интенсивно. Она, естественно, отрицается, мол, понятие не имеет, куда в то утро отправился муж. «Жигуль» на месте. То ли он ушел пешком, то ли потом загнал машину в гараж. Но почему в таком случае он не зашел домой? Словом, она сама в недоумении. Но у меня сложилось впечатление, что если бы не показания бомжа, Маргулина так и не заявила о пропаже мужа. Хотя возможно, я ошибаюсь. Словом, дело темное. Думаю, в ближайшее время прокуратура это дело раскрутит. Так что скоро мы будем свидетелями скандальных событий.

Однако капитан ошибся. Ничего скандального за допросами Марго не последовало. Более того, вдове, по ее просьбе, возвратили тело мужа.

— Все ясно, — махнул рукой детектив. — Прокуратура не захотела возиться.

40

Более красивой вдовы, чем Маргулина, не знало Новогиреевское кладбище со дня своего основания. Маринке чертовски шла эта дымчатая вуаль и черное пальто, стройнившее и без того ее тонкую фигуру. Все, подходившие к закрытому гробу, невольно задерживали взгляд на молодой элегантной женщине и принимались лепетать соболезнования. Марго не реагировала. Стояла молча, убитая горем, не поднимая глаз. За все время траурной церемонии вдова не обронила ни слезинки, и не произнесла ни слова. Когда настало время прощаться, она просто упала на гроб и лежала на нем до тех пор, пока ее не подняли.

На похоронах было много знакомых, несмотря на то, что Олега знали плохо, хоть он и учился в той же тридцать пятой школе. В основном пришли знакомые и родственники вдовы. Маргулина, казалась, совсем обезумела от горя.

На поминальной трапезе, проходившей в Новогиреевском кафе, вдове стало настолько плохо, что ее увезли домой. Оставшиеся поминать Олега не долго сидели со скорбными лицами. Начались разговоры, расспросы, сплетни. Кое-кто уже улыбался, в основном те, кто всех усерднее утирал слезы.

Людка Зыбина перегнулась через стол и шепотом спросила у Трубникова:

— Женька, ты когда в последний раз видел Димана? Я слышала, на него покушались в больнице.

— Было дело. Обстреляли его кровать, — ответил Трубников, подавив улыбку. — Ты думаешь, почему он не пришел выразить соболезнование? Опасается террористов.

Зыбина не заметила иронии, а если заметила, то поняла по-своему. Трубников знал, что Колесников несколько лет жил с Зыбиной в гражданском браке. Потом они разбежались, но Людка продолжала питать к нему нежные чувства и время от времени навещать к бывшему сожителю.

— Сто лет его не видела? — мечтательно вздохнула она и потянулась к компоту.

— Так сходи к нему! Чего зря языком молоть? — посоветовал Трубников, думая о своем.

— Рада бы сходить, да не приглашает. Он, говорят, переехал в новую квартиру на Ленинский проспект.

— Позвони и спроси адрес.

— Откуда у меня телефон?

Трубников перестал жевать и внимательно посмотрел на подругу.

— Ты не знаешь его телефон?

— Нет, — хлопнула глазами Зыбина. — Если ты знаешь, продикуй!

Трубников покосился на сидящую рядом супругу, целомудренно вкушающую поминальный пирог, и произнес как можно громче:

— Вот Настя знает телефон Колесникова. Спроси у нее.

Жена подняла на Зыбину невинные глаза и, как ни в чем не бывало, ответила с пирогом во рту:

— У меня записано в записной книжке. Позвони нам как-нибудь. Я тебе продикую.

После этого уже никакой кусок не лез Трубникову в горло. Он ждал и не мог дождаться, когда закончится поминальная трапеза и все, наконец, выйдут из-за стола. Но никто выходить не спешил. Тогда Трубников, выбрав минуту, когда стало особенно шумно, наклонился к жене и прошептал со злоющим свистом:

— Что же ты обманываешь, дорогая? Говорила, что телефон Димана дала тебе Зыбина, а она и знать ничего не знает.

Жена недоуменно посмотрела на мужа, потом, как будто о чем-то вспомнив, наклонилась к подруге и спросила:

— Людка, разве не ты мне дала телефон Колесникова?

— Нет! — вытаращила глаза Зыбина.

— Тогда кто же дал? — призадумалась Настя, но, так и не вспомнив, махнула рукой. — Значит, кто-то другой.

— Кто же? — полусшепотом напирал Трубников, не сводя с нее глаз.

— Не помню! Потом вспомню, дома. И перестань шептать мне в ухо. Неудобно.

После поминок Зыбина попросила Трубниковых подбросить ее до метро.

— После того, как Олег повозился в моторе, мой «Москвич» совсем перестал фурычить. Он и без того дышал на ладан... Царство ему небесное!

— Олег? Когда он успел повозиться? — вяло поинтересовался Трубников, думая о жене.

— Да вот, с месяц назад, когда Маргулины приезжали ко мне в гости. В тот день мы еще попали в заваруху на Белорусском вокзале. Как раз там, в метро что-то взорвали, и нас загребли в свидетели.

— Вас втроем? — удивился Евгений, усаживаясь за руль.

— Почему втроем? Вдвоем! — засмеялась Зыбина, располагаясь с ним впереди. — Марго уехала раньше.

— Минуточку, — насторожился Трубников. — Откуда она уехала раньше?

— От меня! — подмигнула Зыбина, удивляясь тугоухости чужого мужа. — Мы сначала сидели тихо, мирно, спокойно. Пили кофе, слушали музыку. Вдруг Марго посмотрела на часы и закричала, как резаная: «Ой, я забыла, мне нужно к зубному». И удрала, оставив меня со своим мужем наедине. Пусть земля ему будет пухом.

— И ты, конечно, воспользовалось правом одинокой женщины, — хихикнула с заднего сиденья жена.

— Каким правом? Сидели, как пришибленные. Марго смылась так поспешно, что мы растерялись. Ну, из вежливости, конечно, сидим, пьем кофе. Потом Олег чего-то засуетился, засобирился. Я говорю, да сиди ты, а он: «Нет, пора домой. Завтра на работу». А времени-то еще и шести не было. Ну, он мне и говорит: «Людка, отвези меня до Речного вокзала. Марго уехала на машине, а я ненавижу ездить в метро. Хочешь, сам поведу машину?» Ну, я добрая душа, говорю: «Нет проблем». А потом свою доброту две недели проклинала.

— Ну-ну, мы слушаем! — подбодрил Трубников, вырливая на трассу. — В аварию попали что ли?

— Хуже! В катастрофу! Словом, Олежка сел за руль и погнал зачем-то через Белорусский вокзал. Сказал, что на секунду заскочит кое-куда. Остановился у вокзала, взял пакет и смылся. Потом возвращается...

— Без пакета?

— Естественно.

— А что было в пакете?

— Откуда я знаю? Коробка какая-то. Словом, возвращается и говорит: «У тебя клапана стучат. Я посмотрю». Открывает капот и начинает копать. И вдруг под землей как шарахнет. Ну, тут паника, народ бежит из метро. Машины сразу улепетывают. Кому охота в свидетели попадать? Потом фиг отмажешься. А Олег стоит, как теленок и озирается. Я говорю: «Прыгай скорей, и мотаем. Я паспорт не взяла». А он: «Я очиститель отвернул». Ну, и достоялись. Подходят два милиционера, делают под козырек, «ваш паспорт, молодой человек!» Он показывает паспорт и кивает на меня: «Это моя жена. Она паспорт дома оставила». Ну, менты расспрашивать о том, о сем: что видели, что слышали? Другой бы сказал, ничего не видел, ничего не слышал, а Олежка понес, да так, что они едва успевали записывать. Милиционеры протокол составили, мы расписались, я — за Марго, поскольку жена. И только после этого нас отпустили. Как отпустили, у меня от сердца отлегло. Я уже приготовилась провести ночь в обезьяннике...

— Как была одета Маринка? — грубо перебил Трубников.

Зыбина удивленно скосила глаза на водителя и фыркнула:

— А я помню? В белый шубон, кажется. И еще в бордовую кепку с полуметровым козырьком. Юбон на ней еще был пласированный, зашибательский...

Зыбина говорила что-то еще, но Трубников больше не слушал. Он гнал машину по трассе, и в висках упрямо стучало: «Значит все-таки Марго. Значит все-таки она...»

41

В тот вечер Трубников не решился позвонить Маргулиной. Как-никак, только что с похорон. Нужно было дать ей время немного прийти в себя. Трубников решил выждать три дня, а потом все-таки поговорить. Но за день до этого ему приснился престранный сон.

Собственно, странного ничего не было. Трубников снова сидел в своем одиноком доме и ждал Настю. За окном было темно, стрелки часов показывали полночь. На душе, как всегда, тревога. Бедняга по обыкновению обзванивал своих знакомых и подруг жены, но в отличие от предыдущих снов, ему с готовностью отвечали на звонки. Правда, все говорили одно и то же, что Насти у них нет и где она, неизвестно. И тогда Трубников решил позвонить Зыбиной.

Когда на том конце провода подняли трубку, Трубников услышал веселую музыку, пьяный гогот и разнузданную французскую речь. Французская речь у Трубникова всегда ассоциировалось с чем-то светским и изысканным, но в данный момент она была именно разнузданной, точно доносилось из какого-то грязного притона.

— Зыбина у аппарата, — развязно произнесла Людка и тоже почему-то с французским прононсом.

— Это я, Женька Трубников. Настя у тебя?

— Была у меня, но в данный момент изволила отбыть домой со своим мужем? — шаловливо ответила Зыбина.

— С каким мужем? — рассердился Трубников. — Ты чего плетешь? Это я, Женька, ее муж! Не узнала?

— Одну минуточку, я сейчас уточню, — хихикнула Зыбина, ничуть не смутившись, и окликнула кого-то по-французски. Ей ответили на том же языке, и Зыбина протаторила официальном тоном, в упор не узнавая мужа подруги:

— Ждите, скоро должны быть.

И точно. Через минуту в прихожей раздался звонок. Трубников открыл дверь и обмер: на пороге стояла Настя, но в каком виде: пьяная, растрепанная, с дымящейся сигаретой в руках. Ее помада на губах была безобразно размазана, плащ распахнут, на блузке оторваны пуговицы, на груди следы чьих-то жирных пальцев.

Жена не отвела глаз, как обычно. Она открыто смерила мужа насмешливым взглядом и переступила порог.

— Ты где была? — с ужасом прошептал Трубников, чувствуя, как его руки сжимаются в кулаки.

— Разве ты не знаешь, где я была, — усмехнулась она. — Ты же звонил Людке Зыбиной.

— Она сказала, что ты ушла с мужем.

— Она правильно сказала, — ответила Настя, стряхивая пепел на пол.

— Но ведь я твой муж! — прошептал Трубников.

Она смерила его презрительным взглядом и вульгарно хмыкнула:

— Ты уверен?

Кулаки Трубникова обмякли и разжались, но сжалось с неземной тоской его земное сердце. «Это сон, всего лишь сон, — подумал он. — Нужно сделать усилие и проснуться». Только проснуться не получилось.

— Ты удивлен? — улыбнулась она. — Почему? Разве я твоя собственность? Разве я не имею права иметь еще одного мужа? Разве я не могу распоряжаться своим телом так, как мне заблагорассудится? Давай, начинай бить! Я жду!

В ее глазах сверкнуло что-то сатанинское. Трубников растерянно попятился и вдруг трижды перекрестился. В ответ она звонко расхохоталась.

— Ну, что же ты? Убей, если сможешь. Но убить — это не легко.

— Уходи, — простонал Трубников.

— Конечно, уйду. Я потому и пришла, чтобы сказать тебе, что ухожу навсегда.

Вслед за этим она развернулась и сильно хлопнула дверь. Трубников кинулся за ней на лестничную площадку, но внезапно проснулся. На душе не было тяжести, а было облегчение. Ведь сегодня он ее не тронул и пальцем. Оказывается во сне тоже можно владеть собой. Трубников посмотрел на жену. Спящей она всегда казалось милой и целомудренной.

Нельзя сказать, что сон оставил на душе тягостный отпечаток. Он забыл о нем тотчас, как только явился на работу. Однако глава издательства целый день помнил, что вечером должен позвонить Марго. Откладывать уже не было терпения.

В девять вечера после ужина Евгений удобно расположился в кресле неподалеку от своей жены, уютно шелестящей журналом, и набрал номер Маргулиной.

— Марго, значит, все-таки пятого февраля ты была у Колесникова? — произнес он, после короткого приветствия. — Только не говори, что в это время ты торчала у Белорусского вокзала. Я знаю, что вместо тебя в свидетельских показаниях расписалась Зыбина. Может, я не вправе на четвертый день после похорон устраивать разборки, но пойми, Колесников мне друг.

— Друг? — издевательски переспросила Марго. — Ну что ж, друг, так друг. Понимаю, друг — это святое. — Из трубки

донесся протяжный вздох, и Маргулина более чем спокойно поинтересовалась: — А скажи мне, Женя, Людка Зыбина — это твое единственное доказательство, что я была в тот вечер у Колесникова?

— Ни в коем случае! Диман мне тоже рассказывал о твоём визите. Почему я должен ему не верить?

— Ах да, ведь друг же, — произнесла она насмешливо.

— И еще моя жена видела тебя в тот вечер у его дома.

— Жена? — невесело рассмеялась Марго, и в трубке воцарилось молчание. Впрочем, длилось оно недолго.

— Позволь полюбопытствовать, а где конкретно видела меня твоя жена?

— Не компостируй мозги, Маргулина! На Ленинском проспекте она тебя видела, у дома номер девяносто пять. Ты была в белой шубке и бардовой кепке. И еще в юбке-разлетайке. Она видела, как ты выходила у Китайского ресторана из своих «Жигулей».

Новая пауза воцарилась в телефоне. Но длилась она гораздо меньше первой.

— Скажи, мой милый Женя, ты бывал когда-нибудь у Колесникова в квартире?

— Что за дурацкий вопрос? Я был у него десять дней назад, как раз в тот день, когда из пруда достали твоего мужа.

— Тогда скажи, где ты ставил машину?

У Трубникова нервно дернулась щека.

— Не понимаю, к чему ты клонишь, Маргулина? Во дворе я ставил машину. Где же еще?

— Во двор ты въехал через арку?

— Да, через арку, которая с левой стороны от Ленинского проспекта. Через чего же еще я мог въехать? Там больше нет никакого въезда.

— Правильно. Потому что с правой стороны действительно въезда нет.

— И что?

— А то, что Китайский ресторан находится с правой стороны.

— Я понятие не имею, где находится Китайский ресторан, — вышел из себя Трубников.

— Я имею понятие, — спокойно ответила Марго. — Он находится с правой стороны от Ленинского проспекта. Теперь подумай, был ли мне смысл ставить машину у Китайского ресторана, а потом через три улицы обходить этот громадный дом, чтобы зайти во двор?

Трубников задумался.

— Что ты этим хочешь сказать, Маргулина?

— А то, что если твоя жена действительно видела меня, то уж никак не у Китайского ресторана, а в самом дворе. Усекаешь? Ты спроси, что она делала во дворе твоего друга?

Сердце Трубникова оборвалось и отбыло куда-то в колени. Следом раздалась насмешливые гудки. Евгений посмотрел в испуганные глаза жены и понял все.

42

О пятой подлости Колесникова Трубников даже не подозревал. Это произошло в декабре девяносто седьмого за четыре дня до Нового года. Диман явился в дом бывшего товарища с искренним намерением — покаяться. Покаяться за все подлости, которые он совершил по отношению к своему единственному другу.

Нельзя сказать, что в Колесникове не было ничего святого. После того, как он подставил друга, подкинув бандитам удостоверение, его покинул сон. Димана замучила совесть. Видит бог, что все эти годы без Женьки Колесников искренне страдал и презирал себя за неблагодарство. Однако показаться на глаза Трубникову не решался. Четыре года самоистязаний очень изменили бывшего прохвоста. Карьера и слава перестали его занимать. К деньгам он тоже охладел. Если бы ему предложили расстаться с документами взамен на то, чтобы снова вернуть друга, он бы согласился, не раздумывая. Однако это уже было невозможно. Такие вещи не прощают.

Тот год был для него очень тяжелым. Работа не нравилась, личная жизнь не складывалась, творить — не хотелось. С Зыбиной, после трехлетнего сожителства, пришлось расстаться. Как ни тоскливо одиночество, но с ней было еще тоскливее. Только после ее ухода сделалось совсем невмоготу. Тогда-то он и решил поехать к Трубникову. Если набьет морду, станет легче. Лучше ходить с разбитой мордой, чем с признаками умирания от собственной ничтожности.

Диман решил прийти без звонка, по-русски, как снег на голову. По телефону Трубников мог его послать, и тогда уже точно конец. А тут явится с виноватыми глазами, с коньяком в руках и с цветами для Насти, может быть, не сразу спустит

с лестницы.

Диман позвонил в квартиру друга не без дрожи в коленях. Дверь тут же распахнулась и на пороге возникла Настя. Глаза ее выразили удивление и даже некоторую радость, но ни в коем случае не презрение.

— Ба, Колесников! Сколько лет, сколько зим?

— Привет, Лазуткина, — кисло улыбнулся гость. — Хозяин дома?

— Женьки нет. Он в командировке, — хлопнула глазами Настя. — Будет только завтра. Да, ты проходи. Расскажи, как живешь? Не женился?

Колесников типичным валенком переступил порог квартиры и неловко сунул хозяйке шикарный букет из девяти роз.

— Это тебе!

— Ой, спасибо! Какая прелесть! — простонала Настя, зарываясь носом в цветы. — Я уж и забыла, когда мне муж дарил розы. Ну, ты проходи! Чайку попьем. Да не стой, как пришибленный!

— Мне вообще-то хозяина надо, — несмело произнес Диман, однако скинул пальто и влез в теплые тапочки Женьки.

Он прошел в комнату, вдохнул воздух и присел на диван. В квартире Трубниковых даже пахло уютом. Мебель блестела, на полу мягкий палас, на диване и кресле милые коврики. Все гармонично и со вкусом. Что значит в доме настоящая женщина, а не какое-то неряшливое недоразумение, типа Людки Зыбиной.

Настя тоже выглядела великолепно. Намного лучше, чем в студенческие годы на этих бомондовских вечеринках. С Женькой она просто расцвела. Нежные светлые кудри, изящный изгиб шеи, высокая роскошная грудь. Из-под дорого велюрового халата без конца выглядывала соблазнительная ножка.

Пока она готовила чай, Колесников осматривался и грустно думал, что Женька никогда не стремился ни к славе, ни к богатству, ни к красивой жизни. Он никогда не суетился и не подличал ради того, чтобы выбиться вперед, или сделать карьеру. И вот сейчас имеет все, а он, Колесников, всю жизнь идущий по костям ближних, не имеет ничего. Кроме тоски.

Но, появившаяся с подносом Настя, не дала расползаться дальше грустным мыслям нежданного гостя. Она уютно расположилась рядом, составив на журнальный столик чаш-

ки, печенье и джем. И парочка принялась пить чай. Разговор поначалу не клеился. Колесников был напряжен, но, в конце концов, оттаял и принялся жаловаться на свою незавидную судьбу.

— Впрочем, я сам во всем виноват, — откровенно признался Дмитрий. — Очень много плохого я сделал в жизни, особенно Женьке. Гад я последний! Признаю. Но больше не хочу им быть. Клянусь! Я хочу быть как Женька. Как ты думаешь, он меня простит?

— Не знаю? — пожала плечами Настя. — В тот раз только чудо спасло его от смерти...

Настя была серьезной и прекрасной. Чистой мадонной, белокожей, с милой родинкой у рта и пухлыми руками. Дмитрий невольно любовался ею и вспоминал Марго.

— Не знаю, — пожимала она плечами. — Вообще-то он не злопамятный. Кстати, как поживает Зыбина?

— Мы с ней разбежались. Не могу я больше с хабалками.

— Ну, да! Ты ведь всегда любил аристократок типа Марго, — улыбнулась она.

— Почему, любил. Я и сейчас ее люблю. Хотя и безответно.

Последнюю фразу Диман произнес так грустно, что у сердобольной Насти навернулась слеза.

— Надо же, какое постоянство, — прошептала она. — Ты из-за этого не женишься? Ждешь ее?

Гость кивнул, и внезапно по щекам покатались слезы. Хозяйка взяла его голову и ласково прижала к своей груди. Сразу же сделалось хорошо и спокойно.

Настя гладила его кудри и говорила, что все образуется, что он еще найдет свою Марго.

Так они просидели довольно долго. Диман разомлел от ее жаркого тела и непроизвольно потянулся к бедрам.

— А вот этого делать не надо, — произнесла она строго.

Но упрямец уже не мог остановиться. Руки желали эту роскошную плоть, и эта плоть под руками Колесникова начинало оживать. Хозяйка оттолкнула его, поправила прическу и строго произнесла.

— Ну, все. Хватит. Пожалеть нельзя.

Колесников кисло улыбнулся и спустился с дивана на пол, чтобы спрятать лицо в ее пухлые колени. Так они просидели еще минут пятнадцать.

— Ну, хватит, все, — затормошила она за плечо, однако не выпустили из рук его кудрей.

Наконец он поднял голову с честным намерением встать и уйти. Засидевшийся гость посмотрел в ее глаза и улыбнулся. После чего припал к ковру, чтобы благодарно поцеловать выскользнувшую из туфли ножку. Видит Бог, только поцеловать и ничего более. Но когда он коснулся губами подушечки ее ступни, то почувствовал, как она вздрогнула и замерла. В ту же секунду Дмитрий принялся страстно покрывать целуя эту маленькую ножку, и из уст хозяйки вырвался стон.

Дальше он себя не контролировал. Точно в бреду целовал он ее ноги, руки, грудь. Халатик, как-то сам собой спустился с плеч, обнажив ее пылающее тело, следом полетел на пол ажурный бюстгальтер. Трусики тоже сползли куда-то к коленям...

Когда они, лежа на полу, среди валявшейся одежды окончательно пришли в себя, уже наступили сумерки. Она уткнулась лицом в его грудь и заплакала. А он подумал: «Теперь я законченный мерзавец».

43

— Ты что же, его любишь? — спросил Трубников не своим голосом.

Жена молча кивнула.

— А меня?

— Его больше.

Настя достала откуда-то сигарету и закурила. Что его жена курит, для Евгения было новостью. Сразу в квартире запахло чем-то чужеродным, поскольку сам он не курил. Трубников смотрел на супругу и не мог поверить, что ее нежное, чистое и до боли родное тело лапали чужие руки. Руки этого мерзавца Колесникова. «Немедленно поехать к нему и прибить, как шальную крысу!»

Такого потрясения глава семейства не испытал даже тогда, когда узнал, что Диман его подставил. Но лучше быть подставленным под кулаки бандитов, чем узнать такое.

Трубников не мог прийти в себя более получаса. Перед глазами все кружилось и плыло. А в ушах рокотало. Докурив сигареты, жена впечатала окурочек в чайное блюдце и застыла в ожидании дальнейших вопросов. Евгению, наконец, удалось совладать с собой, и он выдавил через силу:

— Давно это у вас с ним?

— Уже три года, — ответила она сухо.

— Как же вы с ним... снюхались? — скривился Трубников.

— Он пришел к тебе, но ты был в командировке. Ему было тогда очень плохо.

— И ты его решила пожалеть?

Настя взглянула мужу в глаза и тихо произнесла:

— Мне тоже было очень плохо. После той встречи с одноклассниками, тебя будто подменили. Ты стал совсем чужим. Мы перестали быть родными. Что там произошло?

Трубников не ответил. В ушах продолжало гудеть, а в глазах мутиться. Теперь ему многое стало ясно. Как же он об этом не догадался раньше? А ведь именно три года назад ему начали сниться эти проклятые сны. Однако жена всегда уверяла, что знала только одного мужчину.

— Значит, ты все это время лгала, что знала только меня.

— Я не говорила, что знала только тебя. Я говорил, что знала только одного мужчину, — произнесла она серьезно и сжалась, как нашкодившая кошка в ожидании пинка.

— Ах, вот оно что! — криво усмехнулся Трубников. — Так значит, настоящий мужчина — Колесников, а я не пристегни рукав? Ну, ты сука!

Трубников пытался разжечь в себе злость, но из этого ничего не получалось. «Немедленно схватить кухонный нож и рвануть к Колесникову!» Но, увы! В душе остались одни голешки. Евгений покачал головой и уныло спросил:

— Значит тебе с ним лучше, чем со мной?

— Да, — ответила Настя и смело посмотрела в глаза. — Каждый раз, когда мы встречались, для меня был праздник.

— И как часто... вы устраивала праздники?

— Раз в неделю мы обязательно встречались.

— У него на квартире?

— Да. Но в последний раз мы решили расстаться. Ради тебя. Он очень тебя любит. И все эти годы страдал, что встречался со мной. И я страдала.

— Смотрите, какие страдальцы, — зло рассмеялся Трубников. — И когда же вы решили расстаться?

— Три недели назад. На второй день после того, как ты забрал его из больницы.

— Что? В тот день? Когда вы успели? Ты ведь работала.

— Мы встретились с ним утром. До работы. Ты спал. Он позвонил в пять утра тебе. Но ты не проснулся. Трубку взяла я. Мы договорились встретиться в последний раз у него на квартире. Он не хотел. Говорил, что у него нет ключей. Но я настояла. Мы встретились у подъезда. Он отпер замок моей

булавкой... Когда я возвратилась, ты еще спал.

— А если бы я не спал, чтобы ты мне наврала?

— Я бы сказала правду. Мне уже все равно.

Трубников угрюмо опустил голову и долго смотрел в пол.

— Значит, это ты справлялась о нем в больнице?

— Я.

— И передачи носила?

— Носила.

— И он их принимал?

— Принимал!

Трубников уныло покачал головой.

— Вот мерзавец. А мне говорил, что передачи до него не доходили.

Евгений поднялся с кресла и уныло направился на кухню. Однако вместо ножа достал из холодильника бутылку коньяка, снял с полки стакан и проследовал к себе в кабинет. Там он рухнул на диван, налил себе полный стакан и залпом выпил. После чего укутался в плед и застыл, уставившись пустыми глазами в темноту. Так прошел час, или два, а он все сидел на диване в той же позе и, почти не мигая, смотрел в пустоту.

Ближе к полуночи дверь осторожно приоткрылась, и в проеме обозначился силуэт жены. Трубников дернулся, как ужаленный, и угрожающе прохрипел:

— Не смей входить в мой кабинет, шлюха!

— Да-да, я сейчас уйду, — кротко пролепетала Настя и сделала шаг назад. — Извини. Я просто хотела спросить: теперь, когда ты все знаешь... что ты намерен делать?

Болезненная усмешка исказило пьяную физиономию роносоца.

— А что бы ты делала на моем месте?

— Я не знаю, — шмыгнула носом супруга. — Может быть, подала на развод...

— Вот и падавай, — грубо отозвался Трубников. — А сейчас оставь меня одного.

Жена закрыла дверь, и Евгений услышал, как она засуетилась, собирая вещи. «Катись-катись», — зло прошептал он и снова плеснул в стакан коньяку.

Два чემодана уже стояли в прихожей, когда Настя снова робко постучалась в кабинет. Не услышав ответа, она тихо открыла дверь и произнесла с комом в горле:

— Я ухожу, прощай. Остальные вещи заберу позже.

— Вали! Будь счастлива со своим единственным мужчи-

ной.

— Я не к нему. Я к маме.

— Мне безразлично...

Она немного помолчала, затем спросила:

— Ты будешь объясняться с Колесниковым?

— Да. У меня будет с ним отдельный разговор, — недобро оскалился Трубников.

— Ты его убьешь?

— Не бойся! — нервно расхохотался Трубников. — Всего лишь отправлю в тюрьму за убийство Олега Маргулина.

Настя переступила порог кабинета и приблизилась к дивану.

— Пятого февраля Маргулина действительно была у Колесникова. В тот день я приехала к нему, но он меня выгнал. Сказал, что вечером у него свидание с той, которую он ждал всю жизнь. Я не поверила. Подумала, что у Димки новая баба. Спряталась за гаражи и своими глазами увидела, как во двор въехала Марго на своих белых «Жигулях».

44

После того, как дверь за женой захлопнулась, Колесников резво вскочил с дивана и бросился к телефону. Он набрал номер Маргулиной и, услышав ее шаловливое «алло», прохрипел в трубку:

— Я разобрался со своей женой.

— Это чувствуется по твоему голосу, — с насмешкой ответила Марго. — Надеюсь, она жива?

— Жива и здорова. И в данный момент уже на полпути к своим родителям. Вот так. А я опять свободен, как орел.

— И уже успел обмыть свободу?

— Успел, дорогая Марго, успел... Скажи, ты знала?

— Об этом многие знали. Они почти не скрывались. В тот вечер Лазуткина не удосужилась даже как следует спрятаться, что, впрочем, в ее стиле.

— Значит, ты все-таки была у Колесникова пятого февраля?

— Простите сэр, но вы задали слишком некорректный вопрос. Он может подмочить мою репутацию, — засмеялась Марго.

— Твой смех слишком весел для вдовы. Тебе не кажется? Впрочем, плевать! Я хочу тебя видеть, Маринка. Прямо сей-

час.

— Не поздновато?

— Плевать! Я еду.

— Что ж, я всегда рада тебя видеть.

— Даже с компанией?

— Ты собираешься приехать с компанией?

— Непременно с компанией. А если точнее, — с Колесниковым. Словом, жди!

Не дождавшись согласия, Трубников бросил трубку и хлопбыстнул еще четверть стакана. Затем неуверенно направился в прихожую. В прихожей он с трудом натянул на себя пальто, кое-как влез в ботинки и, не зашнуровавшись, вышел из квартиры. «Только бы Колесников оказался дома», — подумал он и вызвал лифт.

Колесников оказался домой. Визит неожиданного гостя его не столько удивил, сколько обрадовал. Он даже бросился к нему с рукопожатиями, но, взглядевшись в пьяную физиономию друга, растерянно застыл с протянутой рукой.

— Извини, что без звонка, — устало промолвил Трубников, продолжая держать руки в карманах. — Ты ведь тоже приходишь без звонка. Как друг. Точнее, как член семьи.

Лицо Трубникова исказилось в уродливой усмешке, а физиономия Колесникова вытянулась. Он сразу все понял, опустил голову и сник.

— Проходи, — тяжело выдохнул он.

Трубников прошел сначала в зал, затем в кабинет, наконец, в спальню. Он остановился у широкой кровати и долго молчал, глядя на нее. Наконец выдавил из себя через силу:

— На этом ложе ты развлекался с моей женой?

Стоящий в дверях Колесников зажмурился и страдальчески затряс головой.

— Я подлец! Какой же я подлец! Я не достоин твоей дружбы, Женек. Знаю, что такое не прощают, поэтому даже не пытаюсь просить прощения...

— Так на этой, или нет? — нетерпеливо перебил Трубников.

— Прекрати, Женя! К чему весь этот театр, Какая разница, где? — энергично зажестикублировал Колесников. — Я знаю, что не поверишь, но когда ты спас меня от смерти, я покаялся, больше никогда не встречаться с Настей.

— Однако встречался?

— Да! В то утро... — простонал Диман. — Сам не знаю, как получилось. У Кузнецова не было часов. Я думал часов

восемь. А оказалось пять. Поверь, я звонил тебе, а трубку сняла она. Я ей сказал, что больше не будем встречаться, что это подло по отношению к тебе, а она сказала, давай прощаемся. Это будет в последний раз. Клянусь тебе, что в то утро у нас была последняя встреча...

— Тебе с ней было хорошо? — мрачно перебил Трубников.

— Да! Мне с ней было хорошо. Можешь убить меня за это. Мне с ней было лучше всех.

— Лучше, чем с Марго?

Колесников судорожно дернулся и выпятил глаза:

— Что за дурацкий вопрос, Женя? Ты же знаешь, что у меня с Марго никогда не было постели. Я за всю жизнь знал только двух женщин.

— Которые звонили тебе в больницу?

— Нет. Зыбина не звонила.

— А кто еще звонил, кроме моей жены?

— Понятие не имею! — всплеснул руками Колесников. — Я же тебе говорил, что меня к телефону не звали.

— Не звали, говоришь... — пьяно искривился Трубников.

— Значит... говоришь, моя жена лучше? — Трубников немного помолчал, затем медленно поднял голову и посмотрел Колесникову в глаза:

— Если ты никогда не знал Марго, то с кого писал королеву в своем романе?

Колесников судорожно хмыкнул и скрестил на груди руки.

— Ни с кого. Это из воображения. Ты же сам поэт! Неужели не понимаешь, как это бывает.

— А пышногрудую Луизу, которая заводится от поцелуя в ступню, тоже из воображения?

— Ну, разумеется! Откуда же еще, — развел руками Колесников и вдруг осекся, что-то сообразив. Немного помолчав с выпученными глазами, он еле слышно прошептал: — Боже мой! Кто бы мог подумать?

Более минуты гость, не мигая, смотрел на хозяина квартиры, затем коротко скомандовал:

— Поехали!

— Куда? — вздрогнул хозяин.

— К Марго.

— Зачем?

— Затем, что она тебе кое-что задолжала. Забыл, чем она обещала отплатить за убийство мужа? Заодно и узнаешь, кто лучше?

Колесников открыл рот, чтобы возразить, но, видимо, раздумал. Он покорно поплелся в прихожую, влез в ботинки и кинул на плечо куртку.

— Что ты пьяный, ничего? — спросил он треснутым голосом.

— Даже лучше, — ответил Трубников.

45

Марго их встретила очаровательной улыбкой. Она не удивилась ни понурому виду Колесникова, ни сумасшедшему взгляду Трубникова. Хозяйка гостеприимно пригласила в квартиру и с тонкой иронией произнесла:

— Всегда приятно видеть друзей вместе. А еще говорят, что в мире нет ничего постоянного.

Мужчины прошли в комнату и сели за стол. Колесников был в этом доме впервые. Это читалось по его глазам, которые, несмотря на отсутствие блеска, пару раз скользнули по стенам и потолку.

— Сейчас я организую чай! — сверкнула глазами хозяйка и собралась улізнуть на кухню, но Трубников остановил.

— Не суетись Маргулина. Мы приехали не чаи распивать. Мы приехали сообщить тебе пренеприятное известие. — Трубников покосился на приятеля, который напряженно смотрел в пол, и усмехнулся. — Нам известно, кто убил твоего мужа.

— Улыбка мгновенно слетела с лица хозяйки. Глаза стали с чайные блюдца. Она прислонилась к стене и с ужасом выдохнула:

— Кто?

— Вот он скажет, — улыбнулся Трубников, кивнув на друга.

— Колесников поднял голову и, взглянув в глаза возлюбленной, коротко произнес:

— Я!

От тишины, которая возникла после этого признания, можно было сойти с ума. Марго долго и недоверчиво изучала глаза убийцы, после чего перевела взгляд на его приятеля.

— Мальчики, вы меня разыгрываете?

— Как ты здорово играешь, Марго? — покачал головой Колесников. — Ты естественна даже во лжи. Я всегда буду

любить тебя, какую бы подлость ты не совершила.

Марго снова перевела взгляд на Трубникова. В ее глазах был легкий испуг.

— Может, ты объяснишь, Женя?

— Брось ломать комедию, Марго, — натянуто засмеялся Колесников. — Он знает все, в том числе и то, что ты сама попросила меня убить Олега.

Маргулина дернулась и сделала шаг к двери. Она в третий раз перевела растерянный взгляд на Колесникова, затем спросила у Трубникова:

— Ты ему веришь?

Евгений откинулся на стуле и вальяжно закинул ногу на ногу.

— С сегодняшнего дня я не верю ни единому его слову, — произнес он, не отрывая взгляда от школьной подруги, чувствуя, как все глубже погружается в омут ее дьявольских глаз. Вот глаза ее потемнели и сделались мутными. Марго строго посмотрела на Колесникова и спросила:

— Это правда, что ты убил Олега?

— Правдивее не бывает, — усмехнулся Диман.

— Но за что? — прошептала она.

— Из ревности, — хмыкнул Колесников.

Трубников тут же встрепенулся.

— А что, вполне здоровый мотив! На суде я подтвержу, что ты, Диман, с шестого класса ходил за Маргулиной с высунутым языком. За убийство из ревности много не дадут.

Произнося это, Трубников продолжал растворяться в прекрасных глазах хозяйки. А Колесников все ниже опускал голову.

— Значит, ты решил меня сдать, Женек? Что ж, это правильно. Так мне и надо.

— Почему сдать? — пожал плечами Трубников. — Разве ты не сдашься добровольно? За чистосердечное признание тоже скашивают солидно.

Колесников покачал головой и закрыл глаза.

— Завтра же сдамся, — прошептал он еле слышно.

— Надеюсь, тебе хватит ума не впутывать в эту историю Марго, — не унимался Трубников. — Не будешь же ты сбивать с панталыку следствие, что эта она подбила тебя на убийство?

— Да-да, конечно, — интеллигентно улыбнулся Колесников. — Марго для меня всегда свята и непорочна.

После этих слов святая и непорочная Марго, наконец,

оторвалась от стены, плавно приблизилась к Трубникову и села к нему на колени. Счастливец сразу обнял ее за талию и прижался щекой к плечу. Колесников удивленно поднял голову.

— Ты всегда был настоящим мужчиной. Еще со школы, — проворковала Марго, запуская пальцы в шевелюру Трубникова.

Евгений улыбнулся, коснулся губами ее запястья и произнес:

— Я хочу снова пережить то, что произошло тогда за сценой...

Колесников вскочил со стула и с ужасом прошептал:

— Ах, вот оно что! Вы что же... того? Не ожидал...

— Чего не ожидал? — вяло поинтересовался Трубников, не отрывая глаз от этой невообразимой женщины.

— Да, как ты мог, мой лучший друг? Ты же знаешь, что она для меня все! Я на нее молился.

Колесников закрыл глаза ладонями и по-детски разрыдался. Но его слезы никого не тронули. Марго также, светло улыбаясь, сидела у Евгения на коленях и перебирала его волосы, а он влюбленно смотрел в ее глаза, и чувствовал, что еще немного и ему капут. Диман так и покинул квартиру с закрытыми глазами. Когда дверь за ним захлопнулась, Маргулина сказала:

— Не люблю слюнтяев. И трусов терпеть не могу. Ты думаешь, он завтра действительно пойдет заявлять на себя?

— Куда он денется? — счастливо улыбнулся Трубников. — Выброси его из головы. Ты слышала, что я сказал? Я снова хочу пережить то, что произошло тогда за сценой.

— Это невозможно, — покачала головой Марго. — Я замужняя женщина, и верная жена. Тогда я была разведенной, а сейчас я обязана блюсти честь и охранять достоинство супруга.

— Но у тебя больше нет супруга? — удивленно вздернул брови Трубников.

— Ты думаешь? — лукаво улыбнулась она.

Маргулина его выпроводила тотчас, как только он развязал поясok на ее халате. Гость и сам не понял, как оказался в подъезде за ее дверьми. Это было, как удар молнии. Толь-

ко что перед ним были ее глаза, а теперь перед глазами сожженная кнопка лифта. Классический облом!

Трубников тряхнул головой и направился вниз. Руки еще хранили тепло ее упругого тела, и внутри клочкотал вулкан. Евгений, покачиваясь, спускался по ступеням, и голова шла кругом. «Ради такой женщины и убить не грех», — неожиданно сверкнуло в голове.

Сев в автомобиль, герой-любовник долго не трогался с места и все смотрел с немой печалью на ее горящие окна. Когда они, наконец, погасли, Трубникову ничего не оставалось, как завести машину и вдарить по газам. В его семейной трагедии виноват не Колесников, а она, это очаровательная плутовка Марго. Это из-за нее примерный муж так резко охладил к жене.

Случилось это в августе девяносто седьмого как раз на следующий день после обвала рубля. Но кому дефолт, а выпускникам тридцать пятой школы радость встречи. Для этого мероприятия был снят холл второго этажа дворца культуры железнодорожников. Трубников тоже принимал участие в организации. В основном он финансировал покупку спиртных напитков и живую игру рок-группы.

Это был единственный случай, когда вечер удался на славу. Явилось больше половины одноклассников, и все со своими вторыми половинами. Только Трубников пришел холостяком, потому что Настя приболела. Марго тоже пришла одна, потому что была в разводе. Колесников не явился из боязни встретиться с Трубников. Ну да черт с ним! Ни о нем в данный момент речь.

Итак, как только Маргулина появилась в дверях, она немедленно бросила на Трубникова какой-то особенный взгляд, от которого стало не по себе. К ней тут же с визгом кинулась наиболее эмоциональная часть класса. Но когда первоначальные эмоции были разряжены и Маргулину усадили за стол, как раз напротив спонсора, она снова послала Евгению весьма выразительный взор.

Разумеется, она улыбалась всем. Марго смеялась, щебетала, строила глазки, шепталась с подружками, но взоры, которые она посылала Евгению, были более чем волнующими. Это не мог не отметить известный издатель. И еще не мог не заметить, что с годами Маринка стала красивее.

Как-то само собой получилось, что на школьный вальс Евгений пригласил ее. Все почему-то вцепились в своих жен и мужей, так что ничего не оставалось, как вцепиться в Мар-

го. Но на свете ничего не бывает случайно, поэтому можно смело сказать, что их швырнула друг другу в объятия сама судьба-чертовка.

Она была ослепительна: в черном приталенном костюме, который подчеркивал белизну и стройность ее ног. Высокая прическа на голове с ниспадающим на щеку локоном, грациозный изгиб шеи, но главное глаза — пронзительно-синие, в которых сияло нечто такое, что заставляло Трубникова смущаться. Талия была настолько тонка, что партнер опасался ее переломить. Она была как бабочка, легка и изящна, и Трубников рядом с ней чувствовал себя типичным валенком.

В тот вечер Евгений впервые коснулся ее талии и сразу отметил, что за всю жизнь не держал в руках ничего подобного. Теперь он понимал Колесникова, который домогался Маргулину с тринадцати лет. От ее талии исходил волнующий жар, и глаза лукаво лучились. Вальсируя с ней, Трубников замечал, что если долго смотреть в ее глаза, то начиналось головокружение, и ум заходил за разум.

После вальса Трубникову все стало не мило. Он глотал рюмку за рюмкой, но пьянел не от коньяка, а от дьявольских глаз Марго. Теперь он видел только ее: либо смеющуюся за столом, либо шаловливо отплясывающую рок-н-ролл, либо танцующую медленный танец. И тогда у Трубникова поднималась зависть к ее партеру. Когда объявили белый танец, Марго неожиданно направилась к нему. Сердце Евгения затрепетало от счастья. Она положила руку на его плечо и мило улыбнулась.

— Ты почему такой смурной? Уж не влюбился ли в чью-нибудь жену? — спросила она с лукавым блеском в глазах.

Вместо ответа он притянул ее к себе и задохнулся. Ее тело уже было достаточно разгоряченным, и от плеч исходил запах Вавилонской блудницы. Она отстранилась и покосилась на танцующих. Однако никто ничего не заметил. Все были подшофе.

— Женька, кончай! Мы не одни, — шепнула она на ухо.

— Как бы я хотел, чтобы мы были одни, — ответил он.

Марго рассмеялась.

— Да, ты оказывается шалун. А столько лет маскировался.

Танец окончился. Пришлось выпустить ее из рук. Она сделала небрежный реверанс и ускакала вниз, должно быть, в туалет. Ее временное отсутствие Трубников переживал довольно тревожно. Когда она появилась снова, изящная и

озорная, на душе стало значительно легче.

За окном уже стемнело. В зале зажгли интимный свет. Рок-группа, изрядно выпив, снова вернулась на сцену. В это время следивший за Марго Трубников уже был начеку. Он угадал. Снова заиграли медленный танец. К Маргулиной бросились несколько мужчин, но Трубников успел первым. Марго сверкнула своим понимающим взором и положила ему руки на плечи.

Они снова поплыли по залу. Кавалер все плотнее прижимал ее к себе, но она больше не отстранялась. Внезапно свет потушили и включили святящийся шар. Воспользовавшись моментом, Трубников принялся гладить ее бедра, незаметно маневрируя к темному углу за сценой.

— Куда ты меня тащишь, — притворно возмущалась Марго, однако не сопротивлялась. Здесь, в этом углу за сценой, он облапил ее настолько, насколько позволили руки, и впился губами в шею.

— Женька, сумасшедший! — с восторгом прошептала она, и в ту же минуту кавалер затащил ее за сцену.

Здесь уже можно было не опасаться посторонних взглядов. Безумец припал к ее губам и дальше не ведал, что творил. Он гладил и мял ее тонкое тело, осыпая поцелуями с головы до ног. Марго сопротивлялась чисто для приличия, после чего из ее уст вырвался томный вздох. Она закрыла глаза и прошептала умирающим лебедем:

— Женька, что ты делаешь? Я же могу не устоять.

После этих слов ее черный пиджачок полетел на пол, вслед за ним улетела в темноту белоснежная блузка. Трубников припал к ее груди, которой уже было невыносимо в тесном бюстгальтере, и задохнулся. Он чувствовал, как бешено колотится сердце под этими упругими мячиками, как стонет и рвется наружу ее душа. Да-да, Трубников впервые почувствовал в теле женщине живую душу. Он сорвал с нее бюстгальтер, а с себя рубашку и прижал эту огненную птицу к себе.

Какая полнота жизни разлилась по телу. Какой гармонией пахнуло из темноты. Он полез под юбку, под которой все трепыхалось и горело, и с удивлением обнаружил, что трусики давно уже спущены...

Когда Евгений очнулся на полу с прижавшейся к нему Марго, то отдаленно услышал, что на сцене по-прежнему грохочет рок-музыка, а зал трясется от вакханального топота. Шевелиться не хотелось и не хотелось больше ничего.

Неизвестно, сколько бы они пролежали, если бы в зале не включили свет. Трубников взглянул на обнаженную Марго и вожденно застонал. Она было прекрасна.

Марго открыла глаза и улыбнулась.

— Выходить будем по одному, — лукаво прошептала она и начала неторопливо одеваться. Облачившись в костюм и наспех пригладив прическу, Маринка выглянула из-за кулис и весело рассмеялась:

— Можно выходить, не опасаясь. Все в доску!

Она выскользнула в зал, предварительно чмокнув Трубникова в висок, а Трубников так и остался лежать нагишом среди разбросанной одежды. Внезапно он понял, что теперь, после этой чертовки, все женщины ему будут казаться жалким подобием.

Это было в точности такое же состояние, как у героя романа Колесникова, вышедшего из покоев королевы Марго.

47

На следующее утро секретарша доложила генеральному, что к нему рвется некий господин Колесников.

— Одно другого не легче! — недовольно пробурчал Трубников. — Вы спросили, что ему надо?

— Спросила, — хлопнула глазами секретарша. — Он ответил, что у него к вам очень важное дело. Сказать, что вы заняты?

— Скажите! Хотя, нет! Пригласите его!

Диман вошел в кабинет с каким-то помятым пакетом под мышкой и робко остановился у двери, не решаясь пройти дальше. Он выглядел довольно жалко, этот веселый, никогда не унывающий Диман.

— Привет, Женек, — виновато улыбнулся он. — Я иду сдаваться. Зашел проститься.

— Прощай, Диман, — ответил Трубников. — Веди себя примерно и, может быть, попадешь под амнистию. Так-то, вот, Дмитрий Федорович. Только к чему все эти сентиментальности?

— К тому, что кроме тебя, у меня никого больше нет. Прости! Но мне не кому оставить даже это.

Колесников подошел к столу и вытащил из пакета папку.

— Это технология производства кумыса и доверенность на право использование патента. Я переоформил права на

тебя.

— Зачем, Диман? — покачал головой Трубников.

— Затем, что, во-первых, мне больше это не понадобится, а во-вторых, у тебя лучше получится развернуть крупномасштабное производство.

— Я не собираюсь разворачивать производство, — занервничал друг детства.

— Как хочешь. Но пусть это побудет у тебя, пока я сижу.

Трубников тяжело вздохнул и потупил взор.

— И вот еще сохрани тетрадь, — со вздохом добавил Колесников. — Может, когда я выйду, мне удастся дописать роман. Хотя, наверное, уже поздно. Нужно все делать вовремя. Правильно сказал Кузнецов: героев надо определять сразу, иначе незавершенная судьба героя перейдет на автора. Я это испытал на собственной шкуре. Ей богу! Я задумывал один роман, а сейчас, двенадцать лет спустя, мои пальцы пишут совсем иное.

Трубников открыл тетрадь и сразу уткнулся в новую главу, написанную, в отличие от предыдущей, гелиевой ручкой: «В тот вечер был собачий холод, но Пьер дрожал не от холода, а оттого, что должен был совершить сегодня...»

— Хорошо, Диман. Я сохраню и то, и другое, — пообещал Трубников серьезным тоном и вдруг подал руку.

Надо было видеть, какой детской радостью вспыхнули глаза Димана. Он с благодарностью тряхнул пятерню товарища, и по его щекам покатились слезы. Виногато улыбнувшись, посетитель торопливо кивнул и поспешил к выходу.

— Поймай, Диман, — остановил Евгений. — Ты можешь не идти в милицию. Тебя никто не гонит. А с Марго мы договоримся.

— Нет! — тряхнул головой Колесников. — Я больше не могу злоупотреблять твоей добротой.

Он хлопнул дверью, и стала совсем тоскливо. Чтобы окончательно не впасть в депрессию, Трубников позвонил Маргулиной.

— Марго, что ты делаешь сегодня вечером? — грустно спросил он.

— То же, что и вчера. Тоскую по мужу.

— А не потосковать ли нам вместе?

— Извини, Женя. Не имею права.

— Понимаю, — сокрушенно вздохнул Трубников. — Ты должна выдержать траур. Ну, а скажем, после того, когда все траурные формальности будут соблюдены, не намерена ли

ты в третий раз выйти замуж?

— А есть кандидатура? — притворно удивилась Марго.

— Есть! — ответил Трубников. — Один одинокий преуспевающий глава издательского дома. Не бедный, если тебе это важно.

— Но и не настолько богатый, чтобы предлагать руку и сердце королеве.

— Как будто твой муж был американским миллионером! — с обидой в голосе парировал с Трубников. — Хватит выпендриваться, Марго!

— Ну, может, еще будет, — лукаво прочиркала она и бросила трубку.

Трубников почесал затылок и неожиданно подумал, что технология, которую оставил Колесников, еще может быть даже очень пригодится. А почему бы действительно не попробовать себя в роли мирового магната?

Впрочем, эти мысли не долго занимали будущего магната. Внезапно снова начали слипаться глаза и мозги превращаться в кашу-размазю. А ведь давно его не клонило в сон, с того самого вечера, как в редакцию позвонили из бюро доверия.

Гендиректор положил голову на рукав, решив, только чуточку кемарнуть, но по обыкновению оторвался по полной программе. Трубников проснулся от гула пылесоса и смеха вахтера.

— Чего ты ржешь, Петрович, — возмущалась уборщица. — Для них пятнадцать тысяч — это все равно, что для тебя пятнадцать копеек. Если бы я настояла, они отвалили бы все тридцать.

— А сорок! — залился жеребьячим ржаньем вахтер.

— И сорок! И все сто бы отвалили. Была бы я умнее, сейчас бы не выеживалась с этим пылесосом, а лежала где-нибудь на золотом песочке острова Тенерифе...

«Каждый день одно и то же», — поморщился Трубников и начал нехотя собираться домой.

Дома было тоскливо и одиноко. Телевизор раздражал, газеты раздражали, от радио гудела голова. Какое скотство! А не бросить ли все к бесам, и не податься ли куда-нибудь поближе к золотым пескам острова Тенерифе? Несчастливая уборщица понимает в жизни больше, чем генеральный директор издательского дома. Тоска!

Трубников упал на диван, открыл тетрадь Колесникова на новой главе и прочел: «В тот вечер был собачий холод, но

Пьер дрожал не от холода, а оттого, что должен был совершить сегодня...»

48

В тот вечер был собачий холод, но Пьер дрожал не от холода, а оттого, что должен был совершить сегодня. Он стоял за углом дома Епископа и клацал зубами. Иногда вор опускал руку за пояс и поглаживал гладкую рукоятку ножа. «Скорее бы», — нетерпеливо тикало в висках, и сердце замирало, если вдали раздавался конский топот. Но все кареты проносились мимо, и каждый раз после этого вор вздыхал с облегчением. «Хорошо бы если она сегодня не приехала», — сверкнула неожиданная мысль. И Пьер удивился своей трусости. Неужели ему страшно? Нет, не правда! Он ничего не боится! Просто очень холодно.

Зимний вечер был безлунным, но светлым от снега. Впрочем, Пьер заметил, что снег метет с его стороны. Те, кто встанут против ветра, будут жмурить глаза и не сразу заметят убийцу. Хотя пробежать незамеченным двадцать шагов по сугробу будет не легко.

«Скорее бы», — снова раздавалось в висках, и когда было совсем невмоготу, Пьер начинал прыгать. Он вытоптал в снегу за углом уже внушительную площадку, а кареты все не было.

Внезапно топот копыт и скрип колес прервал его невеселые мысли. Вор выглянул из-за угла и увидел, что по дороге несется очередная карета. «Судя по скорости, она проскочит мимо», — подумал Пьер, но ошибся. Неожиданно на повороте кучер резко осадил лошадей и направил экипаж к обители епископа. Сердце Пьера замерло. Он достал из-за пояса нож и до боли в пальцах сжал рукоятку.

С козлов сошел лакей и открыл резную дверцу кареты. Двое стражников прыгнули с рессор и встали по бокам. Лакей подошел к воротам и громко постучал колотушкой. Из кареты выходить не спешили.

Но вот, наконец, в воротах открылось маленькое окошко, и лакей что-то негромко произнес. Загремел засов, и в эту же минуту на первую ступень кареты ступили женская нога в черном чулке. Глаза Пьера сверкнули как у волка. Он даже разглядел в темноте на туфлях этой особы крохотные золотые застёжки. Выгнувшись, словно кошка, Пьер тенью вы-

скользнул из-за угла и замер за спиной одного из стражников в двадцати шагах. Второй, который стоял лицом, не заметил никакого движения, поскольку убийцу загоразивал его напарник, к тому же, снег слепил глаза. Маневр был прост: бесшумно подкрасться сзади и внезапно из-за спины охранника всадить нож в королеву-мать.

Снег предательски скрипел под ногами, когда убийца на цыпочках подбирался к карете. «Только бы не оглянулся кучер», — молил Пьер. Он вплотную приблизился к могучей спине стражника и бесшумно опустил на корточки. Женщина вышла из кареты и величественно направилась к воротам. За ней потопали оба охранника, а Пьер бесшумно последовал за ними. «Ну! Ну же!» — разжигал он себя, и все никак не мог решиться выскочить из-за спин стражников. А нужно было только прыжком обогнуть одного из них и пырнуть ножом в бок Екатерину. Секундное дело!

Из-за сугробов шествие было медленным. Неподалеку от ворот, мадам остановилось, чтобы поднять юбку и перешагнуть через снежный занос. Лучшего случая нельзя и придумать. Пьер двумя прыжками обогнул правого охранника и оказался лицом к лицу с великой Екатериной Медичи. Он замахнулся ножом и увидел ее глаза. В глазах бывшей королевы не было испуга, в них было королевское недоумение. Боже, как она была похожа на Марго. Пьер сжал зубы и яростно замахнулся во второй раз. Стража стояла на месте. Она была ошеломлена и не шевелилась. Нож позорно повис в воздухе, не двигаясь вперед. Будто какая сила не давала воткнуть его в дряблую плоть королевы. Женщина строго и величественно смотрела в глаза убийце и при этом не пыталась уклониться от удара.

— Прощайтесь с жизнью, ваше величество! — с отчаянием крикнул Пьер и замахнулся в третий раз, но внезапно понял, что никогда не сможет ударить ножом эту женщину. Ни эту, ни какую другую. Это поняла и жертва.

— Что же вы стоите, убейте его, — нарушила молчание королева, обратившись к рыцарям.

Стражники, наконец, опомнились, обнажили клинки и ретиво бросились на убийцу. Пьер ловко увернулся от шпаги: сначала от первой, затем от второй, после чего весело пустился наутек.

Рыцари помчались следом, но куда там? Бегать по сугробам, — не всякому дано. Куда им до него, легкононого парижского вора, которого еще не догнал ни один всадник, не то,

что пеший.

Метель донесла слова Катрин, обращенные, видимо, к вышедшему из ворот епископу:

— Ну вот, сон не сбился. Я осталась жива.

Оторвавшись от преследователей, Пьер забросил нож в сугроб и уныло поплелся в харчевню. Он вошел в «Три гуся», когда веселье было в полном разгаре. Музыканты играли, девушки плясали, мужчины метали кости. Пьер угрюмо проследовал мимо игрального стола и сел в угол на место Шарля. Он уткнулся лбом в собственные кулаки и тихо заплакал.

В таком положении Пьер пробыл довольно долго. Бедняга дважды забывался, но, когда приходил в себя, начинал скрежетать зубами. Жить больше не хотелось. Он бессовестно обманул ту, на которую молился. Как она была к нему доверчива, к этому презренному проходимцу, за жизнь которого никто не даст и полфранка.

Внезапно Пьер услышал, как напротив него кто-то тяжело плюхнулся на табурет. Бедняга поднял голову и увидел неподвижные глаза Шарля. Легконогий вор выпрямился и произнес с дрожью в голосе.

— Я не смог убить, Шарль. Ты прав, убивать не легко.

Шарль долго молчал, сверля собеседника своими неподвижными глазами, затем медленно потянулся к ножу. «Прощай, Париж!» — последнее, что мелькнуло в бесшабашной голове вора.

Когда убийца вытащил из-за пояса свое оружие, в таверне сделалось тихо. Однако, вопреки ожиданиям, Шарль не пронзил наглеца у всех на глазах, а презрительно швырнул нож на стол. Лезвие было в крови.

— Чья это кровь, Шарль? — ахнул Пьер.

— Екатерины Медичи, — мрачно ответил убийца.

— Ты убил королеву-мать?

— В карете, перед въездом на мост.

— Но зачем, Шарль? — изумился Пьер. — Ты же не получишь за это никакой награды. Награда уже отдана мне.

Шарль потупил взор и, стиснув зубы, произнес:

— Я не хочу, чтобы королева Марго осталась обманутой.

В это время к столу с любезной улыбкой подошел хозяин и заискивающе спросил у Шарля, поставив перед ним кувшин Бургундского:

— Вам как всегда запечь гуся?

— Ему гуся, — ответил убийца, кивнув на Пьера, и бросил

на стол луидор. — Нож тоже теперь твой, вор, — добавил Шарль, когда хозяин исчез. — Мне он больше не понадобится. Это было мое последнее убийство. Я поклялся Бо-жье матери, что больше никогда не стану убивать. Я уйду из Парижа навсегда. Может быть, из меня еще получится поэт.

Шарль тяжело вздохнул, не спеша, поднялся и покинул харчевню. Хозяин принес яичницу и уважительно поставил перед Пьером. Но Пьер даже не взглянул. Он закрыл лицо ладонями и сидел так до тех пор, пока не принесли гуся. Но к гуся он тоже не притронулся.

Подошла Луиза и ласково запустила пальцы в его кудря-вую шевелюру.

— Сегодня у тебя роскошный ужин? Ты разбогател? — сладко промурлыкала она.

— Нет, Луиза. Наоборот. Если хочешь, съешь этого гуся за меня. А мне пора.

Пьер печально поднялся и понуро поплелся к выходу. Луиза побежала следом.

— Но куда же ты, Пьер?

Он остановился и посмотрел в ее вечно смеющиеся гла-за.

— Я больше никогда не буду чистить карманы на площа-дях. Я сегодня навсегда покидаю Париж. Прощай! Может, у меня тоже получится рифмовать.

Пьер резко развернулся и вышел вон. Луиза выскочила за ним на снег, не одев башмачков. Она, босая, с красными глазами бежала за ним до самого собора Святой Марии и жалобно скулила:

— Не покидай меня, Пьер!

За мостом Луиза отстала. Стало невыносимо одиноко среди этого вечного снега. Но внезапно страдальца обогнала королевская карета. Вор краем глаза зацепил сидящую в ней даму и похолодел. Это была Екатерина Медичи. «Бог ты мой! — с ужасом прошептал он. — Шарль по ошибке убил другую даму?»

После этого прошло несколько дней. Трубников ежеднев-но узнавал от детектива новости относительно сдавшегося Колесникова. Явившейся с повинной чистосердечно при-

знался в убийстве Маргулина. Согласно протоколу, он совершил убийство в тот же день, когда на него самого было совершено покушение. Кем? Вероятно, какой-то криминальной группировкой.

Как установило следствие, Колесников застрелил Маргулина в семь вечера на Воробьевых горах. Тело бросил в пруд, а сам бежал в Малаховку. Мотив убийства вполне бытовой. Ревность! Колесников больше не мог ждать, когда гражданка Маргулина разойдется с очередным мужем и, наконец, выйдет за него замуж. Марго, как ни странно, подтвердила, что обещала выйти за него замуж, после развода со вторым мужем. Но разводиться не спешила, да и, честно говоря, в ближайшее время не планировала. Если бы она знала, чем в конечном итоге аукнется для нее эта шутка, то лучше бы вырвала язык.

— Но в этом деле есть кое-какие нестыковки, на которые следствие умышленно закрывает глаза, — высказывал соображения опальный капитан. — Прежде всего, бросается в глаза, что труп был найден в десяти метрах от берега. Колесников утверждает, что протащил его волоком по льду, но к этому времени лед уже был довольно хрупкий.

— А как насчет давности трупа? Заключение так и нет? — спросил Трубников.

— Заключение, конечно, есть. Но оно почему-то не фигурирует в деле. Вообще у меня сложилось впечатление, что прокуратура очень торопится завершить расследование, поэтому закрывает глаза на все нестыковки. Кстати, на Колесникова хотели повесить и убийство медсестры, но здесь у него твердое алиби. В этот час его видели на Ленинском проспекте с одной женщиной... Кстати, вашей однофамилицей.

Трубников отвел глаза и невнятно пробормотал:

— С Колесниковым мне все ясно. Что там относительно причастности Маргулина к взрыву на «Белорусской».

— С этим тоже тупик. Две свидетельницы как бы его опознали. Но есть другие свидетели, которые видели в том же месте чеченцев. Вам не надо объяснять, что при расследовании подобных инцидентов предпочтение отдается последним. Маргулиным занимались довольно тщательно, но его причастность отметили. Хотя кое-что следствие смутило: Маргулин в армии служил в саперном подразделении. В принципе, он мог подорвать. Но во всем остальном его биография безукоризненна. В школе был отличником. Химико-

технологический закончил с красным дипломом. На работе преуспевал. Однако два месяца назад уволился по неизвестным причинам. Кстати, он сирота. Супруги Козловы — его приемные родители. До пяти лет он воспитывался в московском шестнадцатом детдоме. До усыновления он носил фамилию Конюшин. Но это так, к сведению. Насколько мне известно, следственные органы в теракте на «Белорусской» ищут чеченский след. И они его найдут. Не сомневайтесь! Маргулин для них даже не запасной вариант.

— Но он все-таки на подозрении?

— Ну, еще бы ему не быть на подозрении. Во-первых, в тот день его видели в метро, во-вторых, во время взрыва он был на привокзальной площади. Хотя и с женой.

— Ну, положим, не с женой, а со знакомой, — хмыкнул Трубников.

— Со знакомой? — удивился Горохов. — Интересно. А его жена утверждает, что в тот день была с ним, и даже написала в свидетельских показаниях. Она, кстати, очень живо описала, как у них в «Жигулях» забарахлил карбюратор, и как под ногами хлопнуло взрывное устройство.

— Но Маргулины даже были не на «Жигулях», а на «Москвиче», — засмеялся Трубников. — В протоколе указана марка автомобиля?

— И марка и номер! Все как положено. Белая девятка, номер их. Я проверил. Впрочем, — задумался Горохов, — допускаю, что в той суматохе номер машины могли и не записать. Не до этого было. Данные дописали задним числом. Так часто делается, на второй день звонят свидетелям домой и дополняют протоколы. Да, скорее всего, так и было, если Маргулина с такой уверенностью заявила, что была в тот вечер с мужем.

— Но могли бы сравнить подписи? — не унимался Трубников.

— Зачем? — удивился детектив. — Никому и в голову не пришло, что Маргулина была в другом месте. Если бы, скажем, наоборот, она была на месте происшествия, а утверждала противоположное, тогда бы это вызвало подозрение. Ведь многие слиняли, чтобы не быть свидетелями. А Маргулины остались, хотя у них было время сделать ноги.

— Но не было возможностей.

— Именно. Вот поэтому к Маргулину, как к подозреваемому, отнеслись скептически, — поставил точку детектив. — Какой дурак поедет совершать теракт на неисправной маши-

не?

Разговор был окончен. Впереди намечался скучный рабочий день. Сразу потянула на зевоту. «В бассейн начать ходить что ли? — подумал Трубников. — Или в какой-нибудь ночной клуб?»

— А как поживают наши друзья-уголовники? — зевнув, спросил Трубников.

— Ведут себя благопристойно. Устроились в охранную фирму. Работают добросовестно. Их даже хвалят. Вы не волнуйтесь. Я их не выпускаю из поля зрения.

Трубникова уже ничего не волновало. С того дня, как ушла Настя, ему стало все безразлично. За кого беспокоиться? За жену? Таковой уже нет. За дом? Дома тоже нет. Какой это дом, если в нем пусто и тоскливо. За себя же беспокоиться было лень.

Детектив направился к двери, но на пороге остановился:

— Да, чуть не забыл. Хотя не знаю, имеет ли это значение? Маргулины оформляли гостевую визу одному гражданину США, некоему мистеру Хенксу.

— И что? — поднял брови Трубников.

— Собственно, ничего, — пожал плечами детектив. — Это так, к сведению. Может вас заинтересует. В Россию он прилетал дважды, и оба раза жил в гостинице «Космос» в номере люкс. Первый раз он прилетал двадцать четвертого января, а улетел седьмого февраля. Второй раз он прилетел седьмого марта, а улетел двадцать второго.

Трубников долго соображал, уставившись на опального капитана, но так ничего и не сообразил.

— А кто, этот мистер Хенкс?

— Понятие не имею, — пожал плечами детектив. — Если хотите, я наведу справки.

— Наведите, — вздохнул Трубников.

50

После того, как детектив ушел, сон сняло как рукой. Странные мысли начали одолевать измученного главу издательского дома. Он взял ручку и написал: «23 января — 7 февраля». Пятнадцать дней. Две недели и еще один день прожил в России этот непонятно откуда взявшийся американец Хенкс. С одной стороны ничего особенного, а с другой — за день до его отлета Колесников убил Олега. Убил, разуме-

ется, не физически, а в мыслях, виртуально.

Трубников грустно вздохнул и написал: «7 марта — 22 марта». Тоже пятнадцать дней. Первая цифра ни о чем не говорила, а двадцать второго марта произошел целый калейдоскоп событий, связанный опять-таки с этим сумасшедшим Колесниковым: покушение на него самого, убийство медсестры, сожжение двери Трубникова и, наконец, убийство того, кто сам покушался на Димана, то есть Олега. Бред, конечно, но тем не менее.

Трубников поднялся с кресла и принялся сосредоточенно ходить из угла в угол. Однако, не придя ни к какому выводу, решил позвонить Маргулиной. По счастью она оказалась дома.

— Привет, Марго. Это я. Ты еще продолжаешь соблюдать траур по супругу, — спросил он с иронией в голосе, предполагая, что такие женщины, как Марго, долго не скорбят по умершим мужьям.

— Что за вопрос, Евгений? Ты мне все больше перестаешь нравиться.

— Извини, это от тоски, — буркнул издатель. — Тоска делает людей грубыми и бесчувственными.

— От тоски по кому?

— По тебе, конечно, — перешел на шепот Трубников.

В трубке раздался иронический смешок, после чего Марго поинтересовалась:

— Ты хочешь опять меня спросить, что я делаю сегодня вечером? Отвечаю, тоскую по мужу. Тосковать предпочитаю в одиночестве.

— Я понял, — тяжело вздохнул Трубников. — Можно задать тебе один некорректный вопрос?

— Задай! Только не обещаю, что отвечу.

— Кто такой мистер Хенкс?

В трубке воцарилась тишина. Трубников почувствовал, что этим вопросом обескуражил невозмутимую одноклассницу.

— Боже мой! — произнесла она изменившимся голосом. — Тебе откуда про него известно?

— Я знаю все. Просто хочу проверить твою честность, — насмешливо ответил Трубников.

Марго снова рассмеялась.

— Это друг моего детства. Мы с ним познакомились в международном лагере. В «Артеке», если тебе интересно. И с тех пор переписываемся.

— А зачем он приезжал в Россию?

— Ну, Боже мой, наверное, чтобы посмотреть Москву.

— А почему он приезжал дважды?

— Наверное, потому, что в первый раз не все успел посмотреть, — хихикнула Марго, однако в ее хихиканье улавливалась неестественность. — Еще вопросы есть?

— Есть. Кто он, и чем занимается?

— Чем занимается, я точно не знаю. Кажется, какой-то промышленник. А кто он? Простой американский джентльмен. Это все, что я могу сказать. Я удовлетворила твое любопытство?

— Нет!

— Еще нет? Боже мой, какой ты зануда. А я имела на тебя виды.

— Серьезно?

— Запомни, дорогой, я не люблю любопытных мужчин. Сплетни и чрезмерное любопытство — это особенность толстых провинциальных теток, но никак не преуспевающих мэнов. Заруби на носу, если имеешь на меня виды.

Последнее она произнесла с напускным раздражением и бросила трубку. «Просто отчитала, — выпятил губу Трубников. — Нет! От нее ничего не добьешься. Все надежда на детектива. Хотя правильной будет на все это плюнуть и забить».

И действительно через полчаса Трубников плюнул и забыл, потому что позвонили сразу два заказчика. Не успел он провести с ними переговоры, как позвонили из мэрии, и тоже изъявили желание разместить заказы в его издательстве. «Заказчик повалил косяком», — удивился Трубников, не понимая, за что ему такое везение?

В шесть вечера позвонил детектив.

— Я кое-что узнал о Роберте Хенксе. Это известный американский магнат. Миллиардер. Владелец сорока пяти предприятий по производству компьютеров. Можно сказать, компьютерный король. Однако в Москву оба раза приезжал инкогнито. Жил в гостинице «Космос» весьма скромно, чтобы, видимо, не привлекать внимания. Когда он приезжал во второй раз, то в своих апартаментах почти не ночевал. Дежурная по этажу уверяет, что американец жил у женщины. Она даже может сказать у какой. По описанию очень напоминает Маргулину. Последнюю в гостинице видели дважды. Это была точно она. Я проверил.

«Так вот оно что? — покачал головой Трубников. — Ей,

оказывается, американского миллиардера подавай».

— Это все? — спросил он.

— Практически все. Могу добавить, что магнат ни бель-меса по-русски, однако обходился без переводчика. Внешне выглядел вполне обыкновенно, но сильно хромал. Давал портье очень щедрые чаевые. Да, вот еще: он довольно-таки молод, ему всего двадцать пять лет?

«Молодой миллиардер, — цокнул языком Трубников. — Да еще американец! Куда нам бедным и не первой свежести издателям...»

В эту же минуту главу точно прострелило: Маргулина, насколько он помнил, отдыхала в Артеке после девятого класса. Ей было пятнадцать. Выходит, тому америкашке было только восемь? Какие странные знакомства заводила девушка на выданье. А, кстати, что делал будущий компьютерный король в рабоче-крестьянском лагере Артеке? Там, как известно, предпочитали отдыхать дети обездоленных родителей.

— Что вам известно о родителях Хенкса? Давно они разбогатели?

— Сильно богатеть они начали на заре всеобщей компьютеризации, — продолжал детектив. — Но и до этого они входили в известную десятку миллионеров Америки: имели четыре радиозавода, кстати, были членами совета директоров чехословацкой фирмы «Тесла». В прошлом году родители Хенкса погибли в автомобильной катастрофе. Роберт остался единственным наследником.

На этом разговор завершился. Трубников положил трубку и снова задумался. «Ничего не понимаю», — пробормотал он себе под нос. Разве что, снова позвонить Марго? Пожалуй, не стоит. Отошьет. Нет, все-таки нужно позвонить!

Трубников потянулся к телефону, но в это время в нем самом раздался звонок. Гендиректор вздрогнул и поднял трубку. Снова звонил детектив.

— Забыл вам сказать. Когда я просматривал визы, неожиданно наткнулся на Маргулину. Я залез в базу данных и выяснил, что наша знакомая буквально неделю назад оформила визу в США. У нее приглашение от мистера Хенкса. Я порылся в списках пассажиров и обнаружил, что Маргулина уже приобрела билет до Нью-Йорка.

— Когда она улетает? — спросил Трубников.

— Послезавтра, — ответил Горохов.

Настроение с утра было паршивым. Жена ушла, Колесников под следствием, Марго улетает. Кругом один беспросвет! Трубников оторвал от стола голову и посмотрел на часы. Половина девятого. Марго улетает через два часа. Интересно, надолго?

А может она собралась замуж за этого мистера Хенкса? Почему нет? Свободная женщина. Имеет полное право. А может, они с Хенксом на пару грохнули Олега? Но зачем? Если она собралась замуж за мистера, то могла бы запросто развестись. К тому же, уже на сто процентов известно, что Маргулина уколошил Колесников. Не мог же Хенкс нанять Колесникова в качестве киллера?

Трубников уютно расположился на собственном рукаве и закрыл глаза. Почему не предположить, что Хенкс влюбился в Маргулину? Только осел может не влюбиться в такую красотку, а американцы гораздо влюбчивее ослов. Хотя, с этим можно и поспорить. Однако не об этом сейчас речь!

Итак, Хенкс влюбляется в Маринку, а Маринка ему заявляет: «Увы, мистер Хенкс. Я замужем, и в своем муже души ни чаю. Словом, достопочтенный мистер, чешите грудь и рвите когти обратно за океан». Тогда Хенкс, не будь идиотом, нанимает Колесникова, и Колесников за сто тысяч долларов убивает Олега. Но тут опять нелогично. Зачем миллиардеру нанимать какого-то Колесникова за сто тысяч долларов, когда он может нанять профессионального киллера всего за десять тысяч. Вот у Марго на киллера денег не было. Она могла подбить Колесникова на убийство мужа. Но какой смысл ей?

Трубников страдальчески застонал и сильно затряс головой. «Все! Хватит! Сколько можно ломать голову? Плюнуть и забыть».

Гендиректор снова посмотрел на часы. Что-то не звонит детектив. Сейчас последний звонок, и можно отправляться домой. «Только что делать дома? — тяжело вздохнул глава издательства. — Может, отправиться в какой-нибудь ресторан, или ночной клуб? М-да, с такой заспанной рожей только и ходить по ночным клубам. Нет, уж лучше домой».

Наконец долгожданнный звонок огласил сонную пустоту кабинета. Трубников схватил трубку и рявкнул с раздражением:

— Думал, уже не дождусь.

— Не так это просто, рыться в архивах миграционного агентства, — ответил Горохов. — Насчет Хенкса я выяснил.

— Ну! — подбодрил Трубников.

— Никогда Роберт Хенкс не был в Советском лагере Артеке. Мистер вообще не посещал Россию ни в восемьдесят третьем году, ни в другие годы. Впервые он прилетел в Москву в январе этого года.

— Так я и думал, — устало отозвался Трубников. — Что же, спасибо, Павел Сергеевич. Отдыхайте!

«Вот шельма, опять обманула», — беззлобно усмехнулся Трубников, водворив трубку на место.

Впрочем, он и не сомневался, что это очередная ложь. Позвонить бы сейчас Марго и задать последний некорректный вопрос, где она снюхалась с этим американским магнатом? Но мадам Маргулина уже, должно быть, в аэропорту.

Трубников посмотрел на часы и все-таки набрал Маринкин номер. Но, как и предполагалось, никто не ответил. «Пора домой, — вяло шевельнулось в мозгах. — Хотя дома — сплошная тоска».

Издатель, не спеша, вышел из-за стола, надел пальто и в нерешительности остановился у двери. «Может, правда, сейчас в ресторан? Напиться, оторваться, подцепить какую-нибудь веселую девицу и рвануть с ней по ночным притонам?»

Глава издательства приблизился к зеркалу. В холодном стекле отразилась такая угрюмая физиономия, что хозяин поморщился. Нет, с такой мордой появляться на людях просто неприлично. Трубников устало плюхнулся в кресло и задумался.

Из коридора снова доносился шум пылесоса и шаловливое воркованье вахтера с уборщицей.

— Ну, что, Петровна, останешься? — уговаривал уборщицу вахтер. — Весна на улице. В груди трепещет, пониже — восстает.

— Да ну тебя, — со смехом отвечала уборщица. — Одно у тебя на уме.

«Он никогда ее не уломает, — сонно подумал Трубников, закрыв глаза. — А я никогда не узнаю правды».

— Ну, расскажи, расскажи, как ты одурачила проклятого капиталиста, — засмеялся вахтер.

— Сколько можно рассказывать одно и то же...

Трубников начал куда-то проваливаться. Перед глазами

поплыли цветные шары. Тепло и блаженство стали разливаться по телу. Впрочем, тела уже не существовало. «Вот так бы заснуть, и больше никогда не вернуться в этот мир», — подумал бедный Женя и услышал, что вокруг рокочет океан. Это шумел Тихий океан, на берегу которого скоро будет нежиться Марго со своим хромым миллиардером.

— В то время у нас в детдоме, где я работала, была два брата близнеца, — доносилось откуда-то со стороны. — Оба хорошенькие, умненькие. Обоим было по пять. Один нормальный, другой с родовой травмой. Из-за этой травмы мамаша от обоих отказалась. Стерва, в общем, мамаша. А тут Олимпиада. Понаехали в Москву иностранцы, ну, кто зачем: кто Олимпиаду смотреть, а вот эта американская пара — ребеночка усыновить. В Америке у них с усыновлением туго. Ну, приходят, значит, они к нам с таким предложением и с деньгами, естественно, а заведующую от одного их вида «кондратий» бьет. «Что вы такое предлагаете, господа? Вы где находитесь? В Советском Союзе, или на своем диком западе? Зарубите себе на носу, здесь людей не продают». Иностранцы расстроились и пошли, значит, на выход. А я догоняю их в коридоре и говорю, продать ребенка можно, только как вы его провезете через границу? А они: «Это есть не твой забот. Твой забот продать, что посимпатичней». Ну, самые симпатичные у нас близнецы. Уже одного, здоровенького, собралась забрать какая-то семья, но заведующая — ни в какую. Либо обоих, либо никого. Тогда я бегу к директорисе и предлагаю такой план: здорового показываем американцам, а потом берем с них деньги и незаметно меняем на хроменького...

Трубникова словно ткнули иглой. Он дернулся в кресле и распахнул глаза. Рокот в ушах прекратился, и куда-то испарились шары. Гендиректор тяжело поднялся и вышел в коридор. Вахтер с уборщицей повернули головы.

— Что-то вы сегодня припозднились, Евгений Алексеевич, — с ласковой улыбкой произнес вахтер.

Но начальник не услышал. С багровым лицом он подошел к уборщице и впился в нее взглядом.

— В каком детдоме вы работали? — спросил он.

— В московском шестнадцатом, — растерянно ответила уборщица.

Глаза Трубникова сделались совершенно сумасшедшими.

— Как фамилия этих близнецов?

— Да, я уже и не помню, — засуетилась старушка. —

Конниковы, или Конноваловы...

— Может, Конюшины? — перебил гендиректор.

— Точно, Конюшины! — радостно воскликнула уборщица и впилась влюбленными глазами в шефа.

— Черт! — хлопнул себя по лбу Трубников.

52

Десять минут спустя он на полной скорости неся в сторону аэропорта Шереметьево. В один миг прояснилось все. А ведь об этом можно было догадаться раньше, сразу после того, как детектив продиктовал числа пребывания мистера Хенкса в Москве.

Магнат улетел седьмого февраля, на второй день после убийства Олега. Прилетел через месяц. Седьмого марта. Именно в этот день Маргулин воскрес, смертью смерть поправ. Двадцать второго марта магнат улетает, и в этот день убивают Олега. На это раз по настоящему. Боже мой! Как они все здорово обтяпали.

Трубников гнал на всю катушку, поминутно поглядывая на часы. Теоретически он успевал, если по дороге не вляпается в пробку.

Одно в этой истории оставалось непонятным. Кровь на платке и на пуле была идентична. Тут уже одно из двух: либо эксперты ошиблись, либо это мистика. Не снижая скорости, Трубников заглянул в записную книжку, нашел телефон лаборатории и набрал номер. Вообще-то было уже поздновато. Евгений не надеялся дозвониться, но внезапно на том конце отозвались.

— Нельзя ли мне услышать Павлова? — спросил Трубников, забыв поприветствовать.

— Павлов у аппарата, — браво отозвался не совсем трезвый голос, и водитель услышал на заднем плане музыку, гогот и звон бокалов. Видимо, в лаборатории справляли торжество, поэтому эксперт оказался на месте.

— Извините, Константин Эдуардович, не узнал! Это звонит Трубников по поводу повторной экспертизы крови на платке и пули. Помните?

— Как же не помню! — икнул эксперт. — Мы провели повторный анализ. Результаты те же. Кровь на платке и на пуле идентична.

— Не может быть, — вырвалось из Трубникова. — Скажи-

те, а были случаи, когда у разных людей совпадало ДНК.

— Таких случаев не было, — засмеялся эксперт.

— Даже у близнецов?

— У однояйцовых близнецов теоретически может совпасть ДНК, но и то, кажется, в исключительных случаях.

Теперь исчезли последние сомнения. «Теперь только бы успеть», — бешено затиало в висках.

Евгений подкатил к аэропорту за двадцать минут до отлета самолета. Сразу рванул в регистрационный зал, но пассажиры, улетающие в США, уже прошли регистрацию и находились в чистой зоне. Стоили больших усилий, чтобы прорваться туда. Никакие мольбы, уговоры и убеждения не тронули принципиального таможенника. Он был глух и нем, а также стоек, как оловянный солдатик. Тогда Трубников прибегнул к проверенному способу, сунул ему две зелененькие бумаженции, и проблема была решена.

— Только пять минут, — строго донеслось вслед.

Евгений немного пометался среди счастливиц, покидающих Россию, и, наконец, узрел Марго. Она сидела на кожаном диване под пальмой и листала гламурный журнал. Трубников подошел и молча сел рядом. Марго подняла голову.

Ее глаза не выразили удивления. Они, как всегда, были спокойными и насмешливыми.

— Ты пришел меня проводить? — нежно улыбнулась чертовка.

— Я пришел узнать правду.

— Правду? — рассмеялась Марго. — Ради правды люди идут на эшафот, а тебе падай ее на блюдечке.

— Я уже достаточно настрадался, чтобы продолжать находиться в неведении, — ответил Трубников. — Скажи, это была твоя идея убить мистера Хенкса?

Маргулина более чем спокойно выдержала взгляд своего школьного друга и с улыбкой ответила:

— Если ты так алчешь правды, то я тебе ее открою. В память о нашей короткой любви. Тем более что правду ты уже знаешь. Я это вижу по глазам. Дай слово, что все останется между нами.

— Клянусь!

— Не надо клясться. Клянутся только лживые женщины. Мне достаточно твоего слова. Ведь ты поэт. А у поэта нет ничего дороже слова.

— Хорошо, я даю слово.

— Я тебе верю, — кивнула Марго. — Итак, что тебя интересует?

— Все с самого начала.

— Если с самого начала, то их было два брата-близнеца. Один инвалид. Его звали Робертом. Другой здоровый. Его звали Олегом. До пяти лет они воспитывались в одном детском доме, но в восьмидесятом году методистка продала Роберта двум зажиточным американцам. Как ей это удалось — неизвестно. Знаю только, что был скандал, и что она схлопотала за это десять лет тюрьмы.

— Сейчас она работает у меня уборщицей, — вставил слово Трубников.

Марго повела глазами.

— Значит, сама судьба послала ее к тебе. Ведь ты нам чуть не сорвал всю операцию.

— Извини, не знал. Я хотел только спасти Колесникова.

— Колесникова? — брызнула глазами Марго. — Это ничтожество? Который, к тому же, наставлял тебе рога.

— Давай пропустим. Итак, чета Хенксов усыновила Роберта.

— Усыновила, да, — вздохнула Марго. — Усыновила, воспитала, вылечила. И он принес им счастье. После усыновления русского инвалида они стали богатеть как на дрожжах. Но в прошлом году попали в автокатастрофу, и единственным наследником их миллиардного состояния стал Роберт. Первое, что он сделал, войдя в права наследства, отыскал своего брата.

— На свою голову, — усмехнулся Трубников. — Продолжай!

— Когда он прилетел в Москву, выяснилось, что они с Олежкой похожи как две капли воды. А когда купили одинаковые куртки, то даже я стала путаться.

— Вот тогда тебе и пришло в голову заменить мистера Хенкса Олегом?

— Нет! Все было не так! — засмеялась Марго. — Мне пришло это в голову потом. Поначалу Роберта никто не собирался убивать. Он сам напросился. Представляешь, этот американский ублюдок предложил своему брату продать меня ему. Разве не подонки?

— Но, зная Олега, ни за что не поверю, что он вцепился ему в морду. Только не говори, что он отказался.

— Ты прав. Он согласился. Но только теоретически. А на практике он хотел получить деньги, а затем отправить брат-

ца домой, а не захочет — уюкошить. Вот тогда меня осенило, что если и кокошить мистера, то тогда уж ради всего его состояния. А чего мелочиться?

— И тогда вы решили использовать Колесникова?

— Верно. Потому что денег на киллера у нас не было.

— А где же вы взяли деньги на взрывное устройство?

— Ну, это самодельная хлопушка стоит гроши, — засмеялась Марго. — Кстати, эта дурацкая идея Олега сделать мое алиби безупречным не совсем мне нравилась. Однако что сделано, то сделано. И эта глупая Зыбина так и не догадалась, что мы ее использовали.

Марго рассмеялась, а Трубников нахмурился.

— Шестого февраля ты выехала из дома с Олегом?

— А с кем же еще? С Олегом и с чемоданом. Ведь на следующий день он улетал в Америку по билету Хенкса. Когда мы отъехали от дома, он пересел в такси, а я поехала в гостиницу за его братом. Хенкс обожал скачки, поэтому пришлось немного потомиться на Соколе. Но потом все прошло благополучно. Мы доехали до назначенного места, в машине забарахлил мотор. Я попросила Хенкса посмотреть, а сама пошла в лес, где меня уже ждал Олег. Мы видели, как Колесников выстрелил Хенксу в голову, а затем погрузил его в свою машину. После того, как он уехал, мы спокойно вышли из леса, сели в «Жигули» и поехали на «Старую мельницу». На следующий день Олежка прямо с турбазы отправился в аэропорт.

— И в Америке никто ничего не заметил?

— Никто! — блеснула глазами Марго. — Олег в совершенстве владеет английским, как, впрочем, и я. Хотя, что я тебе рассказываю? Мы все закончили одну английскую школу. Так что, за океаном — никто ни ухом, ни рылом. Если даже кто-то что-то и заподозрит, — деньги решат все.

— Рад за вас, — тяжело вздохнул Трубников. — Но зачем вы подбросили мне наркотики?

— А зачем ты взялся вытаскивать с того света Колесникова? Если бы он так настойчиво не домогался меня, возможно Олег бы не стал доводить его до самоубийства. Но ты его вытаскивал с того света и тем самым чуть не подставил нас. Если бы Колесников попал в психушку, нам бы пришел конец. Все самоубийцы в психушках рано или поздно развязывают языки. Так что с наркотиками, извини! Это была вынужденная мера.

— Значит, Олег принес Колесникову бритву. Теперь мне

понятно, почему он убил медсестру.

— Это тоже вынужденная мера. Медсестра слишком много знала. После того, как Олег расстрелял кровать Димана, она могла вспомнить того, кого пускала к Колесникову с размазанным виском.

— Значит, мою дверь тоже сжег Олег? — сдвинул брови Трубников.

— А что ему оставалось делать? Он очень нервничал. У меня еще не оформлена виза, а ты уже почти нас раскрыл.

Марго прикоснулась к руке провожающего и ласково заглянула в глаза.

— Не обижайся, Женька! Я потом возьму тебе все убытки.

Трубников порывисто притянул ее к себе и страстно прошептал на ухо:

— Учти, возьму только натурой, несмотря на то, что ты редкая мерзавка. Ой, какая же ты...

— Это наше родовое, — не менее страстно ответила Маргулина и рассмеялась.

— Когда ты вернешься?

Улетающая освободилась из объятий провожающего и грустно улыбнулась:

— Уже никогда. Зачем мне возвращаться? Я сразу по приезду выйду замуж за Роберта Хенкса и получу американское гражданство.

В это время пассажиров попросили пройти в самолет. Марго накинула на плечо сумочку и поднялась с дивана.

— Поймай, — поймал за руку Трубников. — А как же я? Неужели ты ничего не испытываешь ко мне? Как понимать твою снисходительность в тот вечер за сценой?

— Понимай, как награду, — засмеялась она и торопливо припала к его небритой щеке. Затем лукаво подмигнула и побежала вслед за пассажирами. Однако у выхода обернулась и крикнула на весь зал, мило сделав ручкой:

— Награду королевы Марго...